

СОЦИОЛОГИЯ

2
2008

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А.Н.</i> Юбилейные вехи в развитии социологии	3
--	---

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРИБУНА

<i>Паньков В.В.</i> Научная деятельность и инновационное развитие страны	6
<i>Титаренко Л.Г.</i> Актуальные теоретико-методологические проблемы социологии (к итогам 38-го конгресса Международного института социологии)	14
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Чему учить социолога и с чего начинать	24

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Йоран Терборн</i> Глобализация и неравенство: вопросы концептуализации и объяснения	33
<i>Антонович И.И.</i> Реальности глобализации и проблема легитимизации власти	59
<i>Соколова Г.Н.</i> Рынок труда г. Минска: социологический анализ	67
<i>Кучко Е.Е.</i> Научный дискурс изучения инноваций: особенности формирования и специфика современной реализации	83

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Злотников А.Г.</i> Социологические принципы и исследование демографических процессов	91
<i>Пушкин А.Л.</i> Мифологизация общественного сознания о последствиях аварии на Чернобыльской АЭС	101
<i>Бурова С.Н.</i> Состояние института семьи в условиях трансформации белорусского общества	110

КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

Кодекс этики Международной социологической ассоциации (МСА)	119
---	-----

АСПИРАНТСКИЙ РАЗДЕЛ

<i>Кхалид Кхамлиш.</i> Концепция С. Хантингтона о столкновении цивилизаций в интерпретации восточно-мусульманской интеллигенции	122
<i>Мудров С.А.</i> Отношение христианских церквей к европейской интеграции	127

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилов А.Н.</i> В.К. Щербин Комплексный науковедческий анализ деятельности Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в 1991–2006 гг.	134
<i>Соколова Г.Н., Титаренко Л.Г.</i> Социология труда сквозь призму социальных резервов	136
<i>Смирнова Р.А.</i> Белорусское село в социальном измерении	138

ЮБИЛЕИ

Анатолий Игнатъевич Левко	141
---------------------------------	-----

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ БЕЛАРУСИ

Георгий Федорович Александров	142
-------------------------------------	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<u>Лидия Георгиевна Новикова</u>	144
--	-----

СОЦМОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с сентября 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель: Белорусский государственный университет

Главный редактор А.Н. Данилов

Редакционная коллегия:

И.Н. АНДРЕЕВА (зам. главного редактора), Д.К. БЕЗНЮК,
С.Н. БУРОВА, В.В. БУЩИК, Ж.М. ГРИЩЕНКО (зам. главного
редактора), Е.А. КЕЧИНА, В.Я. КОЧЕРГИН, Н.В. КУРИЛОВИЧ,
Е.Е. КУЧКО, С.В. ЛАПИНА, Н.Е. ЛИХАЧЕВ, А.Б. МИСКЕВИЧ,
Д.Г. РОТМАН (зам. главного редактора), В.Г. РУДЬ (зав.
редакцией), В.А. СИМХОВИЧ, Л.А. СОГЛАЕВА, Л.В. ФИЛИНСКАЯ,
Ю.Г. ЧЕРНЯК (отв. секретарь)

2

2008

МИНСК
БГУ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Стражев В.И. (председатель),
Данилов А.Н. (зам. председателя),
Ротман Д.Г. (зам. председателя),
Бабосов Е.М. (Минск, Беларусь), Бакиров В.С. (Харьков, Украина),
Гуцаленко Л.А. (Минск, Беларусь), Давидюк Г.П. (Минск, Беларусь),
Зиновский В.И. (Минск, Беларусь), Елсуков А.Н. (Минск, Беларусь),
Лук Хельман (Утрехт, Голландия), Матулионис А. (Вильнюс, Литва),
Рубанов А.В. (Минск, Беларусь), Русакевич В.В. (Минск, Беларусь),
Соколова Г.Н. (Минск, Беларусь), Титаренко Л.Г. (Минск, Беларусь),
Тощенко Ж.Т. (Москва, Россия), Туманов С.В. (Москва, Россия),
Украинец П.П. (Минск, Беларусь), Христиан Херпфер (Абердин,
Шотландия), Чурилов Н.Н. (Киев, Украина), Шавель С.А. (Минск, Беларусь)

СОЦИОЛОГИЯ

№ 2, 2008

На русском языке

Заведующий редакцией *В.Г. Рудь*

Редактор *И.А. Лешкевич*

Технический редактор *В.П. Швед*

Корректор *Л.А. Меркуль*

Компьютерный набор и верстка выполнены *В.П. Швед*

Подписано в печать 22.09.08. Формат 70×108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 300. Заказ 957.

Цена: для индивидуальных подписчиков – 14 470 р.;

для организаций – 33 041 р.

Регистрационный № 917

Адрес редакции: 220006, Минск, ул. Бобруйская, 7, к. 412. Тел. 209-54-00,

факс 226-06-65.

E-mail: vestnikbsu@bsu.by

Отпечатано с оригинала-макета заказчика в РУП «Издательский центр БГУ».

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.

ЛП № 02330/0056850 от 30.04.04.

© Социология, 2008

ЮБИЛЕЙНЫЕ ВЕХИ В РАЗВИТИИ СОЦИОЛОГИИ

2008 год объявлен Российской академией наук годом социологии, что вполне понятно. Мы искренне поздравляем наших коллег! Сегодня в России работает 35 социологических факультетов, 25 отделений и 85 кафедр, каждый выпуск насчитывает 8 тысяч специалистов. Ежегодно в России по социологическим наукам защищается в среднем 60 докторских диссертаций. В последнее время появились десятки социологических журналов. Значительно возросло число научно-исследовательских структур, аналитических центров и институтов социологического профиля в составе РАН. Все это, конечно, впечатляет, но и рождает вопросы качества.

У нас сегодня также есть все основания вспомнить и торжественно отметить важные для нашего тогда общего профессионального сообщества даты – образование Советской социологической ассоциации и одновременно ее белорусского объединения (председатель – профессор Г.П. Давидюк). Это было в 1958 г. И ровно сорок лет назад в Академии наук СССР был создан первый академический институт социологического профиля – Институт конкретных социальных исследований. Эти исторические шаги в то время воспринимались научной общественностью как чрезвычайно смелые и, как сейчас сказали бы, прорывные. Они действительно стали зримыми свидетельствами серьезных перемен в духовной жизни советского общества.

По утверждению наших старших коллег, именно с 1968 г. началось возрождение социологии в Беларуси. Тогда стала активно работать Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ (заведующий – член-корреспондент И.Н. Луцицкий), а в Институте философии и права АН БССР был создан сектор социальных исследований (руководитель – Г.П. Давидюк), на базе которого в 1990 г. был открыт академический Институт социологии, который возглавил академик Е.М. Бабосов. Социологические группы сформировались в Белорусском политехническом институте (профессор В.Н. Семеньков), Брестском педагогическом институте (профессор В.В. Коклюхин), Белорусской сельскохозяйственной академии (Н.П. Демях, Г.М. Гринберг), стали появляться социологические группы на крупных промышленных предприятиях и производственных объединениях.

В этот знаменательный для нашего сообщества год мы не можем не назвать имена тех ученых, которые стояли у истоков возрождения социологии и чье самоотверженное служение науке позволило поднять социологию в Беларуси на должную высоту. Для белорусского социологического сообщества это Г.П. Давидюк, Е.М. Бабосов, А.Д. Молочко, И.К. Галко, С.Д. Лапте-нок, И.Я. Писаренко, И.И. Зубов, В.М. Саульченко, А.Г. Скрипченко, В.Н. Семеньков, Н.Г. Юркевич, В.В. Коклюхин (Брест), В.П. Машеро (Витебск), Н.Е. Лихачев (Могилев), У.Д. Розенфельд (Гродно) и еще многие наши коллеги.

Анализируя еще совсем недавнюю историю развития социологической науки, можно сделать определенные выводы.

Пожалуй, самый главный из них состоит в том, что необходимо знать историю науки, которой занимаешься, и ее отцов-основателей, постоянно помнить об их вкладе. Студентам, которые сейчас изучают социологию,

трудно себе представить, что еще совсем недавно о ней практически мало кто знал, а ее развитие и популяризация искусственно сдерживались на государственном уровне. И возрождение социологии во многом было связано с международной целесообразностью, а уже потом – с внутренней необходимостью. Система развивалась методом проб и ошибок, без серьезного и планомерного изучения общества, последствий принимаемых решений.

В науке важно учитывать мнение каждого ученого. Нельзя терять высококвалифицированные кадры, для которых социология – смысл и правда жизни и которую они познают, но при этом не догматизируют свое понимание, а скрупулезно исследуют социальную реальность в поисках истины.

Актуален вечный для любой социальной науки вопрос взаимодействия с властью. Но здесь интерес обоюдный. Еще не изжиты факты использования возможностей социологической науки для подтверждения подчас спорных и даже ошибочных решений, обвиняя при этом во всех грехах ученых. Конечно, многое зависит от восприятия обществом социологических данных. Собственно речь идет о социологической культуре общества, где, увы, до сих пор доминируют стереотипы, сводящие все многообразие этой уникальной классической науки к анкетному опросу и утверждению неких политиков об ангажированности социологических данных.

Профессиональное социологическое сообщество тоже не едино в своих предпочтениях. Никакие разногласия не идут на пользу авторитету самой науки. Приверженность различным социальным концепциям, методологическим подходам, разным научным школам, а также личным политическим предпочтениям социологов как граждан своей страны не могут быть основанием некачественной работы социолога-профессионала. Для развития социологии, как и других наук, нужна интеллектуально насыщенная среда, диалог, бережное отношение к иному мнению. При этом всегда стоит помнить, что общество усложняется, в нем постоянно происходят регулирование и гармонизация протекающих социальных процессов, а значит, и науки об обществе непременно будут изменяться.

В сравнении с годами возрождения социология сегодня во многом иная. Она больше дифференцирована, смелее и глубже стали теоретические разработки, масштабнее эмпирические проекты. Для постсоветских стран существенно раздвинуты горизонты научного поиска, возможности участия в международных проектах, обмена научной информацией, доступ к ранее закрытым базам данных.

Однако и в настоящее время еще существуют мнения о кризисе в социологии. Как мне представляется, это не совсем верно. Суть заключается в том, что изменяются время и теории, которые еще вчера многое объясняли, новое общество оказалось не в состоянии решить соответствующие задачи. К тому же, чтобы двигаться вперед, необходимо освоить предыдущий опыт. А здесь также большое количество «белых пятен». Если быть до конца честным, мы должны признать – в период возрождения социологии в эту профессию шли ученые и практики по призванию, острой потребности в освоении новых знаний. И их выбор был освещен неким ореолом жертвенности, правдоискательства, стремления докопаться до истины. Во многом социология начиналась со сбора и анализа эмпирических материалов. Среди социологов-профессионалов не было большого внутреннего разделения труда, социолог мог выполнять и выполнял любую работу, связанную с исследованием и анализом полученного материала. Сегодня социология становится достаточно массовой и доступной многим профессией, четко дифференцированной специальностью. Знания, которые получают будущие социологи, в большей степени стали теоретическими. Практических навыков не хватает, и если выпускник остается преданным своему выбору, то многое приходится осваивать уже в процессе трудовой деятельности, что в принципе тоже не плохо. Главное здесь – не потерять качество социологи-

ческого образования, ее современность, притягательность и, безусловно, дух корпоративности.

В каждой проблеме, оправданно или нет, мы всегда склонны в первую очередь винить государство, но как раз опыт предыдущих лет говорит о том, что иногда стоит более критично посмотреть на свои действия. Если что-то не так, то, значит, кто-то нас не понял, а даже если и не захотел понять, то, значит, и мы не всегда были терпимы и настойчивы, а может, просто не хватило аргументов или они оказались неубедительными. Многие зависят от нас самих, и это тоже урок.

Во вступительном слове на открытии общего собрания Российской академии наук (Москва, 19 декабря 2007 г.), целиком посвященной проблемам гуманитарных наук, президент РАН академик Ю.С. Осипов сказал: «Развитие нашего общества невозможно без усиления его гуманитарной составляющей. Это, в свою очередь, предполагает повышенное внимание и поддержку гуманитарных исследований и специалистов в области гуманитарных наук...» По его мнению, «лицо нашей академии определяют не только выдающиеся достижения в области естественных и технических наук, но также гуманитарных и общественных. Именно они вносят основополагающий вклад в духовно-нравственное развитие общества и воспитание человека. Картины родной истории, произведения словесности формируют фундамент национального самосознания. Думаю, что в ближайшем будущем роль гуманитарной составляющей в российском обществе будет неизмеримо более высокой (по крайней мере, хочется на это надеяться)».

Юбилейные вехи в развитии социологии – еще одна возможность оценить прошлый опыт, вспомнить пройденный путь. Жизнь идет вперед, и из прожитого следует извлекать уроки, чтобы упреждать конфликты и даже трагедии в будущем.

Как всякое будущее, будущее социологической науки – в новом поколении социологов. Социология – такая наука, в которой для честного исследователя и сегодня найдется возможность проявить свою квалификацию, силу духа и мужество. Остается пожелать им успехов на этом пути.

Впереди у нас новые юбилеи. Ближайший, знаковый для нас – 20-летие институционализации социологического образования в нашей стране, открытие социологического отделения и кафедры социологии на философско-экономическом факультете БГУ. Будет еще много других поводов, чтобы вместе обсудить наши общие проблемы. Давайте делать все возможное для развития социологической науки, помнить о своей ответственности за общее дело.

А.Н. Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси

* Русский язык – отражение национальной картины мира: Вступительное слово президента РАН академика Ю.С. Осипова // Вестн. РАН. 2007. Т. 78. № 5.

В.В. ПАНЬКОВ,

ДОКТОР ХИМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ПРОРЕКТОР ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ БГУ (МИНСК)

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

Рассматривается роль науки в инновационном развитии Республики Беларусь. Анализируются формы и методы трансфера технологий и знания из науки в экономику.

Considered is the role of science in the innovative development of the Republic of Belarus. Analyzed are the forms and methods of transferring technologies and knowledge from science to economy.

Как никогда ранее, в настоящее время научные работники Беларуси ощущают на себе внимание общества и государства. Такое положение накладывает большую ответственность. Готова ли наука дать достойные предложения для дальнейшего развития технического прогресса, ибо стратегический курс государства – это экономика, основанная на знаниях.

Сегодня инновационное развитие является залогом стабильного положения любого государства. Это одна из важнейших составляющих политики долгосрочного роста. Инновационные процессы в любой стране всегда проходили непросто, особенно в переходный период, когда идет определение и адаптация стратегии экономического развития. В этой связи на первый план выходит вопрос об эффективности путей внедрения результатов, полученных наукой, в практику, т. е. вопрос развития инноваций. И здесь многие страны в последние годы выбирали путь государственного регулирования как средство сокращения разрыва с технологическими лидерами. Наиболее характерными примерами успеха такой политики являются страны Западной Европы в послевоенный период и некоторые страны Азии.

Как показывает практика, трансфер научных разработок в структуры и организации, производящие продукцию и товары, в целом ряде случаев осложняется некоторыми объективными причинами. Прежде всего это малая восприимчивость субъектов хозяйствования к инновационным процессам. И дело не только в отсутствии средств на предприятиях, а в таких причинах, как ориентация на внутренний рынок – наиболее комфортную для них среду, недостаток знаний о рынках научно-технической продукции, тенденциях их изменения, особенностях новых моделей продвижения товаров. Самое же главное – отсутствие экономических стимулов для предприятий, использующих инновации.

Инженерно-техническим работникам на предприятиях и функционерам в компаниях обычно бывает трудно оценить достоверность предлагаемых научных результатов и их технологическую эффективность. Им также не всегда удается почувствовать характер отношений в научной среде, ее структурные особенности, научную атмосферу.

В то же время ученые в связи с особенностями и характером своей деятельности, к сожалению, также мало знакомы с потребностями предприятий и рынка товаров, у них нет коммерческих навыков, и это осложняет осуществление трансфера научного продукта с превращением его в товарную продукцию. Безусловно, отдельные ученые сочетают в себе качества научного работника, менеджера и коммерсанта. Однако это скорее исключение и оно не решает проблемы системного внедрения результатов исследования.

Как показывает мировой опыт, указанные трудности исчезают с появлением инфраструктуры трансфера технологий. Последняя включает в себя организации, тесно работающие с потребителями, поставщиками научной

продукции и технологий, а также аналитические и информационные организации, которые отслеживают передовые достижения науки в стране и за рубежом, содействуют обмену технологическими запросами и предложениями. Лучше, если это не просто организации, а структуры, образующие комплексную сеть. В таком случае обеспечивается помощь и разработчикам, и потребителям технологий в защите интеллектуальной собственности, изучении рынка, сопровождении разработки на всех этапах ее трансфера с проведением маркетинга, привлечением инвесторов, организации первых этапов производства продукции.

В каких же формах должен происходить процесс передачи технологий и знания из науки в экономику к массовому производству? Примерный путь трансфера может быть следующим: научное подразделение – аналитический финансово обеспеченный центр трансфера технологий – паевые фонды непрямыи инвестиций (фонды рисков или так называемые венчурные фонды) – малое предприятие, осуществляющее выпуск продукции на первых этапах – предприятие реального сектора экономики, обеспечивающее массовый выпуск продукции.

Хотелось бы обратить внимание на стоящий в приведенной схеме вторым субъект взаимодействия – аналитические центры трансфера технологий. Их роль и функции в инновационном процессе могут быть крайне важными. С развитием, а также утверждением нового подхода в организации их функций наша страна может в определенной мере заявить о создании своих собственных форм в осуществлении процесса инноваций.

Методы и приемы, лежащие в основе работы по приведенной схеме, могут стать новым инструментом построения деятельности научных работников в нашей стране, что обеспечит эффективность процесса инноваций. К этим методам мы относим отслеживание достижений мирового знания, его эффективный анализ и последующую адаптацию к условиям нашей страны. Такой подход также называется инновациями, а страна с развитой системой приобщения к мировой науке, эффективным комплексом отслеживания передовых технологий может попасть в когорту мировых лидеров, даже не осуществляя в полной мере всесторонних собственных исследований по всем направлениям знания. Анализ таких подходов к инновационному развитию, определяющему стабильное положение любой страны, и будет уделено основное внимание в настоящей статье.

Итак, важным звеном трансфера технологий являются аналитические центры, которые должны финансироваться государством и не ставить перед собой цель получения прибыли. Они могут быть созданы при НАН Беларуси, Государственном комитете по науке и технологии, министерствах. Задачей такого аналитического центра является сбор информации о научных разработках и товарах, имеющих спрос в реальном секторе экономики и на рынке, а также о научных организациях и коллективах, готовых представить свой наукоемкий продукт. Деятельность центров позволит ученым не тратить усилия на коммерциализацию научных предложений.

Успех работы будет определяться, безусловно, подбором кадров, которые должны иметь специфическую профессиональную подготовку, ибо им придется сочетать навыки ученого и профессионала, постоянно изучающего рынок. В штате должны быть предусмотрены патентоведы, маркетингологи, экономисты.

Помимо указанных задач для аналитических центров одним из самых главных направлений работы является мониторинг достижений мировой науки с осуществлением трансляции знания в нашу страну. Для развития высоких технологий крайне важна объективная оценка перспектив научного и технологического прогресса в мире. Этот прогноз должен делаться по конкретным областям с использованием современных технологий активного предвидения (форсайт-методы) и ставить своей целью определение стра-

тегических направлений исследований, которые выльются в конкретные социально-экономические достижения страны. Безусловно, это делается и сейчас, но Беларусь уже вступает в период, когда надо активно позиционировать себя в качестве одной из стран, определяющих стратегические пути в науке, поэтому есть смысл начинать такие проекты, прежде всего с пользой для себя. Такое планирование по перспективам отдельных наших секторов экономики могло бы осуществляться под эгидой НАН Беларуси и отраслевых министерств специальными группами обладающих опытом экспертов, состоящих из самых авторитетных экономистов, формирующих промышленную политику, менеджеров, ученых. Их работа не должна быть случайной. Она включает также предусмотрение соответствующего статуса таким коллективам. Эти группы экспертов могли бы войти в состав аналитических центров, о которых уже говорилось.

Аналитический центр трансфера технологий не ставит задачу продвижения инноваций до конца и не должен быть коммерческим. Если научная продукция, найденная с его помощью, впоследствии станет рыночным продуктом, то центр может получать доход от части переданной интеллектуальной собственности.

Для того чтобы довести дело трансфера до логического завершения, необходимы небольшие предприятия, а для финансовой поддержки передовых идей, которые будут реализовываться на таких предприятиях, – специальные фонды, известные как венчурные (фонды риска). Упомянутые малые предприятия должны вести деятельность (несколько проектов) в узкой области. Время показывает, что лишь небольшое число этих проектов оказывается успешными. Однако внедрение именно таких технологий, не имевших до сих пор аналогов, приносит ощутимую прибыль, оправдывая риск ведения и неуспешных научных разработок. Ученые – авторы идеи – могут участвовать в деятельности таких предприятий, получая дивиденды за результаты своего труда. Во время выполнения проекта предполагается тесная взаимная работа научного подразделения и малого предприятия. Кроме финансирования со стороны государства, венчурные фонды могут создаваться и за счет паевых взносов заинтересованных организаций и частных компаний. Известно, что венчурные фонды поддерживают вновь созданные малые предприятия и инновационные компании, а прямое инвестирование происходит уже на этапах деятельности данных структур.

Проекты, успешно прошедшие апробацию на малом предприятии или в венчурной фирме, должны быть доведены до массового производства. Именно в этом заключается цель приведенной схемы.

Высокая специализация организаций, работающих на каждом этапе схемы, позволит провести трансфер технологий в этой последовательности с большой эффективностью.

Рассматриваемая схема, безусловно, основана на четкости законодательства, касающейся передачи интеллектуальной собственности. Собственность на знание отличается от собственности на материальные объекты. Особенность заключается в том, что тот, кто ее передает, не должен до конца ее утрачивать. И в этой природе передачи знаний заложена трудность трансфера технологий от науки в производство. Надо совершенствовать законодательство в этой сфере, не боясь того, что ученые, создающие реальный инновационный продукт, будут иметь доходы. Помощь им обернется позитивными моментами для государства. Например, создание новшеств для экономики нельзя поставить в один ряд с простой перепродажей, при которой формируются достаточно большие доходы. Отстаивание интересов ученых, работающих по-новому в условиях инновационной системы, обернется позитивными моментами для нашего государства. А чтобы научная деятельность была эффективной, обеспечивать ее надо с самого начала. В сознании населения надо формировать понятие о том, что именно

экономика знаний, в основе которой наука, может быть составляющей национальной идеи.

Что же такое работать в науке по-новому? С развалом Советского Союза произошли и продолжают сейчас серьезные преобразования в научной сфере, определяющиеся переходом стран к новому экономическому укладу и их интеграцией в мировую науку. Здесь надо действовать по правилам, принятым в мировом сообществе развитыми странами, когда высокие технологии, в том числе имеющие и военное значение, быстро находят применение и в общегосударственных целях, а их фундаментальные научные основы становятся достоянием мировой науки. В советский период в этом не было необходимости, поскольку научная продукция полностью потреблялась государством, военно-промышленным комплексом, а инновации развивались без потребительского сектора экономики. Решение задач перехода науки в реальную экономическую силу (назовем ее интенсивным фактором в преобразованиях) крайне трудное, но без этого у наших стран нет будущего в существующей международной системе разделения труда.

Еще один фактор – он касается России – это колоссальный научно-технический комплекс страны-гиганта, поддерживающей научные исследования во всех направлениях. Для сохранения своих лидирующих позиций в мире задача России – сделать все, чтобы просто сохранить обширный спектр этого научно-технического комплекса. В более сложном положении оказывается высокотехнологичный научный сектор Беларуси. Во-первых, мы также меняем приоритеты научной деятельности, направляем ее на службу потребительского сектора экономики (интенсивный фактор). Во-вторых, мы должны научиться жить по средствам (экстенсивный фактор). Такая небольшая страна, как Беларусь, не в состоянии вести исследования по всем направлениям.

Разветвленная тематика наших научных исследований имела в прошлом своего заказчика на Востоке и достаточно хорошо финансировалась (военные заказы). Потеряв их, мы остались один на один с проблемами организации науки. В этой связи становится совершенно очевидным, что сейчас надо определиться с приоритетами. В современных условиях нельзя ориентироваться на отвлеченные исследования и идти таким широким фронтом, как раньше.

Однако это далеко не все. Самое главное для завоевания в мире позиции страны, влияющей на ход и перспективы мирового разделения труда, а на это мы просто обязаны претендовать, обладая потенциалом высокообразованной нации, нужно изменить методы работы в науке. Альтернативы просто нет. Сегодня для сохранения лидирующих позиций в мировой науке необходимо иметь значительные финансовые ресурсы и оборудование, концентрирующее в себе самые последние достижения конструкторской мысли. Один настоящий фундаментальный проект сегодня стоит не менее нескольких миллионов долларов. В состоянии ли страна, пережившая экономическую перестройку, угнаться за столь стремительным скачком мировой науки в последнее время? Однако мы должны быть оптимистами. У нас есть уникальный шанс, основанный на интеллекте и образованности народа и наших научных работников, однако времени на его реализацию отпущено крайне мало. Сегодняшний базис нашей науки может обеспечить достаточно быстрый прорыв при решительных действиях.

Современные фундаментальные исследования очень дорогое удовольствие и являются уделом богатых стран. От романтизма открытий одиночек начала XX в. произошел переход к открытиям в хорошо оснащенных научных центрах. Сейчас в мире для разработок объединяют свои усилия не только отдельные институты, а целые страны. И нам не надо тешить себя иллюзиями, что своими силами мы сможем решить глобальные научные проблемы, однако мы должны активно участвовать в этом процессе. Каким образом нужно это делать?

На сегодняшний день складывается парадоксальная ситуация. Несмотря на огромные средства, вкладываемые Западом в науку, в мире существует дефицит идей. Отчасти это объясняется, как и у нас, оттоком молодых людей из науки в сферы, где можно быстрее добиться успеха. Что произошло в последнее тридцатилетие? Новых видов энергии с просматривающейся перспективой реального практического использования пока нет. Без прорывных успехов прошла этот период биотехнология. Генная инженерия не смогла еще создать лекарства, эффективно излечивающие от тяжелых массовых заболеваний. Определенные надежды были связаны со сверхпроводимостью, однако теперь ясно, что ее успехи еще впереди. Сейчас происходит бум в наномире с надеждами на практический выход.

В таких условиях может цениться и приносить дивиденды тот капитал, что мы имеем. В нашей стране это высокий интеллектуальный потенциал ученых, высококвалифицированные кадры, образованность нашей нации и молодого поколения. Необходимо только найти механизмы правильного использования этого потенциала.

Наука как общая категория должна служить всеобщему благу и способствовать пониманию законов природы и общества каждым человеком в различных странах. Вместе с тем большая часть выгод, извлекаемых из науки, распределяется непропорционально. Отдельные государства в силу разных причин не в полной мере или совсем не участвуют в производстве научных знаний, но это не означает, что они лишены возможности пользоваться ими. Мировое сообщество декларирует и осуществляет на практике открытый доступ к информации, имеющей общечеловеческую значимость для научной работы и образования. Ставятся задачи осуществления сотрудничества между развитыми и развивающимися странами на принципах полного и свободного доступа к информации, а также равенства без преимуществ.

Парадокс: фундаментальная наука дорога, но в то же время она открыта, она интернациональна. В настоящее время существует единое информационное пространство, и наша страна может использовать мировые достижения без вложения существенных средств. Надо только построить систему, стимулирующую научных работников, отслеживать достижения мировой науки через глобальную сеть, международные связи. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что нет фундаментальной науки без международного сотрудничества.

Конечно, надо поднимать индивидуальный профессиональный уровень ученого. Все, о чем говорится, не требует существенных вложений, необходимо лишь обеспечить возможности для информационной инфраструктуры. Это инновационный подход. Страна, у которой развита инновационная система адаптации общего знания, может эффективно пользоваться научными результатами мирового сообщества.

Попутно останавлиюсь на тенденциях в развитии науки в мире, в том числе развития в информационной среде. Уже сейчас исследователи разных стран, работающие в одних и тех же областях, образуют с помощью глобальной сети сообщества. Активно идет обмен информацией, более того, для приоритета каждый старается «сбросить» в это пространство свои результаты еще до их публикации. Идет активное обсуждение тенденций развития науки и информационной среды. Удивительно, но сейчас нет прогнозов о видоизменении в будущем глобальной сети, потому что просто никто не берется предсказывать, какой она будет через 10 лет. Скорее всего, это будут определенные зоны, порталы, связанные с интересами элитных по интеллектуальному потенциалу сообществ и стран. И нам надо обязательно занять там место. Вывод из всего таков: необходимо учиться пользоваться общими научными результатами в мире.

Совершенно очевидно, что для того, чтобы воспользоваться мировым знанием, надо иметь эффективную систему знакомства с ним у себя в стра-

не. Развитие и получение такой системы доступа и отслеживания результатов будет также называться инновацией. Здесь должны быть два направления. Первое – исследователи, научные работники должны взять за правило, приступая к новой теме, отвечающей научным приоритетам нашей страны, постоянно проводить мониторинг, поиск сходных подходов, разрабатываемых мировой наукой. Можно возразить, что литературные обзоры мы и так делаем. Однако подход должен быть иным, такая экспертиза и анализ должны быть расширенными, активными и творческими. В рассматриваемых предложениях не так уж и много нового, они основываются на успешных примерах резкого продвижения вперед небольших стран (Ирландия, Финляндия, «азиатские тигры»), ранее не занимавших лидирующих позиций в мировом разделении труда, а сейчас являющихся ведущими по конкурентоспособности.

Таким образом, решается задача производства новых продуктов и услуг с использованием мирового знания. Это не простой трансфер, а научное творчество, создание новшеств с привлечением имеющейся информации и целевого ее использования на основе коммуникационных связей. Он не идет в противоречие с охраной интеллектуальной собственности потому, что приводит к созданию нового продукта, опираясь на имеющуюся открытую информацию.

Надо почувствовать разницу в труде научного работника когда-то в СССР и теперь – в быстро и динамично развивающемся мире. Добиться успеха здесь может именно ученый вместе с разработчиком. Следует обратить внимание на новый стиль научного творчества в мире с лавиной коммуникационных сетей и ниш.

Получение и анализ мировой информации не является самоцелью. Задача состоит в том, чтобы использовать ее для создания инновационных разработок в соответствии с приоритетными для нашей страны направлениями научных исследований.

Работа аналитических центров, о которых уже говорилось, также должна быть связана с изучением научных событий, происходящих в мировом знании. Может быть, было бы полезным создание информационных отделов в отраслях и на предприятиях, не таких, как это было в СССР, а работающих агрессивно, углубленно, состоящих из специально подготовленных для такой деятельности кадров, сочетающих наряду с научным образованием умение оценивать потребности рынка и финансовые риски. Не будем также забывать, что еще одной функцией таких центров является оценка перспектив технологического развития, забота о поиске рыночных ниш, под которые следует планировать нужные научные исследования с обеспечением конкурентоспособности. Это поможет нам позиционировать себя в мире как страна, участвующая в определении путей мирового научно-технического прогресса.

Необходимо создавать условия для такой деятельности, связанной с новым понятием инноваций. Прежде всего это повышение уровня распространения высокоскоростных линий передач данных, рост эффективности получения и использования знаний от аналитических центров, обеспечение рядовым ученым доступа к мировым научным информационным сетям, повышение уровня компьютеризации. С учетом всего этого объем фундаментальных исследований у нас в стране может быть достаточно большим.

Второй момент – международное научное сотрудничество. Этот фактор тоже мог бы быть более эффективным с точки зрения развития инновационного процесса в стране. Да, мы участвуем в международных проектах, конференциях, организуем большое число стажировок специалистов, но зачастую нашими силами решаются задачи, запланированные другими государствами. Поэтому нужна нацеленность международной деятельности на выполнение научных тем, стоящих перед нашей страной. Здесь можно

рента опыт использования молодых исследователей за рубежом, который демонстрируют некоторые азиатские страны.

То, что нам может помочь наряду с коммуникационными связями, это участие в международном сотрудничестве магистрантов и аспирантов. Здесь задача заключается не в том, чтобы послать молодых людей на стажировку и забыть на время, а в том, чтобы контролировать их, чтобы они смогли работать на наши интересы. Таким образом, интеллект в условиях дефицита научных идей в мире может обеспечить нам не только участие, но и получение определенных приоритетов.

Следует увеличить долю аспирантов, обучающихся в совместной аспирантуре по сравнению с простой посылкой наших выпускников за рубеж, где они решают задачи того научного центра, в котором находятся. Совместная аспирантура позволяет выбрать тему исследований в интересах нашего сектора экономики, а выполнение ее на зарубежном научном оборудовании обеспечит качество исследования, расширит возможности без вложения средств с нашей стороны. Кроме того, защита диссертации на родине обяжет следовать справедливым требованиям ВАК Беларуси, направленным на практическое использование результатов. Если результаты будут востребованы, то можно строить совместные международные планы. У нас, в отличие от других стран, есть громадный капитал: ум, образованность, востребованность молодых людей, надо только находить эффективные пути его использования с пользой для инновационного развития страны.

Осуществление рассматриваемых предложений может состояться при выполнении очень важного условия: для достижения результата надо иметь, а если их нет, то организовывать международные научные контакты на уровне профессоров, руководителей лабораторий, научных подразделений. Только в этом случае можно посылать молодые кадры с научными заданиями, лежащими в сферах наших интересов. Без устойчивых зарубежных связей, без организации действенного участия с обозначением наших задач стажировки будут малоэффективными для Беларуси. Конечно, можно сказать, что все поездки осуществляются в рамках договоров по научно-техническому сотрудничеству, но в целом ряде случаев эти договоры являются типовыми, без конкретики, и тогда результаты становятся трудно контролируемыми. Важны не только конечные результаты международных поездок, а совместная работа с нашим руководителем в период стажировки. Здесь можно корректировать задачи в соответствии с условиями сегодняшней ситуации, следуя запросам отечественной экономики. Современные средства коммуникации (Skype, ICQ, социальные сети) позволяют это сделать легко, может быть, даже легче, чем работа с аспирантами, находящимися в Беларуси. Конечно, для организации такой деятельности нужен динамизм, напор, умение предложить себя и изменить ситуацию. Сможем ли мы это сделать? Конечно, да. Примеры индийских и китайских ученых говорят о возможности данного подхода, наш же интеллектуальный потенциал гораздо выше. В работе по такой схеме Беларусь в состоянии проводить свои интересы.

Нам не следует забывать и источники финансирования науки, которыми обладают сейчас Прибалтийские страны, Польша. Собственных научных кадров сейчас у них крайне мало и, учитывая давние научные связи с этим регионом, при соответствующей организации дела мы могли бы воспользоваться ситуацией с пользой для своего государства.

Молодые исследователи, проводящие научную работу за границей, должны иметь постоянные тесные контакты с родиной и действовать по согласованной программе с научным коллективом, от которого они были посланы за рубеж. Постоянная совместная работа должна вылиться для молодого специалиста в продолжение проекта на родине, желательно с освоением результатов. В этом случае у молодого ученого появится возмож-

ность стать научным руководителем или руководителем венчурной фирмы, осваивающей данную разработку. При существовании альтернативы быть на вторых ролях с малоустроенным бытом на Западе или стоять во главе своего дела на родине, думаю, многие сделают выбор в пользу своей страны. Тем более что молодые ученые уже будут иметь возможность оценить не только положительные стороны жизни за рубежом.

После развала СССР более всего пострадала отраслевая наука, ученые вынуждены были искать себе применение. Во всем мире основным источником инновации являются исследования, проводимые в фирмах, так называемая фирменная наука, которая отслеживает тенденции развития отдельных отраслей экономики в конкретной корпорации, где есть квалифицированный научно-технический персонал, подчиняющийся единым практическим целям.

В застойные времена правительство СССР также активно развивало отраслевую науку для разработки техники и технологий, необходимых для планового хозяйства. Существенная часть стратегически важных научных результатов и основывающихся на них изделиях создавалась в это время уже в государственных научных центрах, таких как «почтовые ящики» отраслевых НИИ.

В докладе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на первом съезде ученых говорилось, что основной научный потенциал любого развитого государства сосредоточен непосредственно в фирмах. Именно «фирменная наука» определяет уровень научно-технического развития страны. Для обеспечения инноваций нам крайне важно ее развивать, однако она также нуждается в преобразовании. И здесь Беларусь имеет уникальный шанс создать новый эффективный инновационный подход в создании организационного устройства отраслевой науки. В отличие от многих государств бывшего СССР мы сохранили и упрочили позиции Национальной академии наук – этого уникального кладезя фундаментальных и прикладных знаний. А идея образования научно-практических центров, осуществляемая Президиумом НАН Беларуси и поддерживаемая научной общественностью, создает уникальную и не имеющую аналогов в мире организационную возможность объединения отраслевой и академической науки. Безусловно, формы работы научно-практических центров надо совершенствовать, но это образование несет в себе новый базис для инновационного развития страны, на который надо опираться и с помощью которого активно искать эффективные пути деятельности. Как и все новое, первые шаги будут трудными, однако в сегодняшних условиях нам крайне важно не потерять темп в развитии этой новой формы взаимной работы предприятий и научных подразделений. Помимо организации научно-практических центров надо найти рычаги, которые не на словах, а на деле побуждали бы научных работников и разработчиков предприятий изменить методологию своей сегодняшней работы в сторону совместной деятельности. Это должны быть организационные мероприятия НАН Беларуси, Министерства образования, отраслевых министерств по созданию совместных коллективов под приоритетные направления.

Долгосрочный экономический рост может быть достигнут только в условиях активной инновационной деятельности с применением новых форм и использованием преимуществ небольшой страны с мощным интеллектуальным потенциалом и высокой образованностью нации. Беларуси дан уникальный исторический шанс, надо использовать его с максимальной эффективностью и как можно скорее. У нас нет возможности применить традиционные способы для завоевания ведущих позиций в мировом разделении труда, инновационная экономика заставляет искать неординарные пути.

Поступила в редакцию 22.08.08.

Л.Г. ТИТАРЕНКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

(к итогам 38-го конгресса Международного института социологии)

Освещаются современные теоретико-методологические проблемы социологии, новейшие тенденции ее развития, место социологов стран СНГ в мировой социологии. Основной статье послужили материалы 38-го конгресса Международного института социологии, прошедшего в июне 2008 г. в Будапеште.

The paper deals with the contemporary theoretical and methodological problems of sociology, new tendencies of its development, and the place of the NIS sociologists in the world sociology. It comprises the materials of the 38th Congress of the International Institute of Sociology hold in Budapest, in June 2008.

Главным элементом международных научных конгрессов является живое общение ученых, работающих в рамках одной или смежных дисциплин, с целью стимулирования процесса научного поиска. Никаких новых теорий на конгрессах не создается, не открывается. Однако любой международный конгресс можно рассматривать как зеркало развития социологии, как ее «моментальный снимок» на определенном этапе. Поэтому участие в работе научных конгрессов позволяет получить общее представление о состоянии дисциплины – представление обобщенное, неполное, иногда фрагментарное, но реальное.

26–30 июня 2008 г. в Будапеште проходил 38-й конгресс Международного института социологии (МИС) – исторически первой международной организации социологов, созданной в 1893 г. Изначально МИС создавался как открытый форум для научных дискуссий. Его членами в разное время были такие выдающиеся социологи, как М. Вебер и Г. Зиммель, Р. Мертон и Т. Парсонс, П. Сорокин и Ю. Хабермас, Э. Гидденс и П. Бурдьё. Сегодня президентом МИС является шведский академик, специалист в социологии науки Бьёрн Виттрок. Все президенты Международной социологической ассоциации (МСА), образованной на полвека позже, были и членами МИС. Нынешний президент МСА, французский социолог М. Вевёрка, открывая конгресс в Будапеште, назвал эти две крупнейшие ассоциации социологов не конкурирующими между собой, а взаимодополняющими: «двумя сестрами», из которых «старшая сестра», МИС, преимущественно концентрируется на важных теоретико-методологических проблемах развития социологии, тогда как МСА как «младшая сестра» ориентирована на широкий охват национальных объединений социологов и их репрезентацию независимо от уровня проводимых исследований (теоретических либо эмпирических). Если конгрессы МСА собирают обычно несколько тысяч социологов, то форумы МИС более камерные по составу, что позволяет участникам ближе познакомиться друг с другом, завязать научные контакты для будущего сотрудничества. На 38-й конгресс в Будапеште собрались около 670 ученых из 60 стран мира. Кроме того, отличие между МСА и МИС состоит в том, что МИС – это сообщество ученых, а не научных организаций (хотя сам МИС является членом МСА).

В последние двадцать лет роль МИС как открытого научного форума для обсуждения актуальных проблем социального развития существенно возросла в мировом научном сообществе. Так, на четырех предыдущих конгрессах широко обсуждались, например, противоречия взаимодействия индивида и организаций в условиях глобализации, природа и формы насильственных конфликтов, различные пути и формы модернизации стран, регионов и континентов, трудности на пути развития глобального гражданского общества. Ни одна теоретическая парадигма не доминирует в МИС: ученые, придерживающиеся различных теоретических позиций, могут свободно отстаивать свое мнение, вступать в научные споры, не опасаясь, что та или иная точка зрения может быть отвергнута по политическим, этническим

либо иным, кроме научных, критериям. Все это создает неповторимую атмосферу научного творчества, которая является «визитной карточкой» конгрессов МИС. На повестку дня последнего конгресса, имевшего официальное название «Социология смотрит в двадцать первый век: от локального универсализма к глобальному контекстуализму», были вынесены фундаментальные междисциплинарные проблемы, которые предлагалось переосмыслить в свете процессов глобализации. Что означает сегодня «человеческая природа» и чем мир человека качественно отличается от мира животного? Какова природа социальных процессов, чем они отличаются от процессов естественных? Насколько успешно социально-политические концепции современности «схватывают» сущность реального современного мира? Как соотносятся современные социальные концепции с классическими теориями, анализировавшими те же аспекты социума? Каково сегодня взаимоотношение, сложившееся между научными знаниями, политическими представлениями и религиозными верованиями? Естественно, не ставя задачу дать исчерпывающие ответы на эти вопросы, конгресс попытался определить нынешнее состояние теоретической социологии, а также ее возможности в анализе современности.

Какие же проблемы рассматривались и активно обсуждались на 38-м конгрессе в Будапеште? Как эти проблемы соотносятся с дискутировавшимися на прошедшей в 2007 г. в Глазго Восьмой конференции Европейской социологической ассоциации? В какой степени они важны для социологов постсоветского региона?

Прежде всего отметим, что «ведущие фигуры» мирового уровня, обычно посещая все подобные мероприятия, выступают с докладами. Так, на обоих форумах в числе участников были известные европейские ученые Мишель Вевёрка, Маргарет Арчер, Хельга Новотны, Роберто Чиприани, а также российские социологи В.П. Култыгин, И.А. Сосунова, С.А. Кравченко и др. Однако преимущество международных конгрессов – в более широком круге участников из всех регионов мира, что позволяет рассматривать проблемы в разных ракурсах и представлять действительно общую панораму состояния дисциплины.

В центре внимания обоих упомянутых научных форумов были прежде всего порожденные процессами глобализации социальные проблемы, возникновение которых свидетельствует об **усложнении мировой социокультурной динамики**, появлении качественно новых форм известных социальных феноменов, таких как конфликт, гражданское общество, и следовательно, требующих для своего теоретического осмысления нового (или обновленного) теоретико-методологического инструментария¹. Однако если основное внимание конференции в Глазго было сосредоточено на возникновении новых конфликтов в обществе и соответственно на необходимости поиска новых теоретических средств анализа этих конфликтов во всех сферах социума, то в центре научных интересов конгресса МИС находились главным образом эпистемологические и методологические проблемы: как социологи определяют глобализацию и чем это определение отличается от подобной дефиниции в экономической и политической науках, какие методы более предпочтительны для анализа локальных и глобальных процессов, что сегодня определяется понятием «контекст» и т. д. Поскольку в повестку работы конгресса было внесено восемь общих (пленарных) заседаний, подобная структура позволила всем участникам активно приобщиться к обсуждению поставленных проблем, не замыкаясь в традиционных секционных дискуссиях по более узким вопросам (такие сессии тоже имели место, но проходили в промежутках между пленарными заседаниями).

Назовем некоторые темы пленарных заседаний, отражающие панораму конгресса: «Философская антропология» (проблемы морального и естественного порядков, человеческой идентичности), «Историческая социология

и политическая теология» (религиозный дискурс, дебаты об осевом времени, культурных предпосылках политического секуляризма), «Изучение общественного мнения: “подводные камни” и интерпретация результатов» (ограниченность позитивистской методологии опросов, необходимость учета культурных различий стран, мнения элит и масс), «Естественные науки и социальные науки» (что могут взять социальные ученые из естественных наук, отношение к социальному детерминизму, моделям), «Методологический индивидуализм: за и против» (общая критика методологического индивидуализма, его особенности в социологии), «Методологический национализм» (проблемы национального государства и национализма, их рефлексия в социальных науках), «Современный университет: содержание, программы, структура» (эволюция моделей и типов университета, многообразие форм институтов высшего образования в современном мире). Все пленарные заседания были равноценны, и только их общий обзор позволяет составить представление о наиболее актуальных вопросах, обсуждаемых сегодня социологами разных стран мира.

Конгресс в Будапеште наглядно продемонстрировал неразрывную связь между классической и современной теоретической социологией. Практически в каждом выступлении, анализируя современность, ученые так или иначе обращались к классике, особенно к творчеству М. Вебера и Э. Дюркгейма. Пленарный доклад мэтра американской социологии профессора университета в Беркли Р. Беллы был размышлением на тему, как следует относиться к социологическому наследию: как источнику и ресурсу идей или ненужному грузу прошлого? Сделав основательный экскурс в историю социальной мысли, Белла показал, какого рода социальные теории доминировали в разные эпохи, начиная от Платона, чем отличалась сама трактовка термина «теория» в то или иное время. Он подробно остановился на характеристике теорий, созданных в так называемые «осевые века»², которые служили поворотными точками мировой истории, и высказал мнение, что новый «осевой век» уже наступил в конце XX ст. Это значит, что общество вступило в этап качественных преобразований, для объяснения которых понадобятся и новые социальные теории. В целом, по мысли Беллы, «осевые века» породили два типа теорий: утопические и критические. Последние использовались как интеллектуальные инструменты либо для реформирования общества, либо для его подавления и угнетения. Данная характеристика социальных теорий, по его мнению, релевантна и для современного этапа развития социологии, когда только от самих социологов зависит, будут ли их новые теории выступать инструментом добра или орудием зла.

Затронутая в докладе Беллы проблема осевых веков тесно связана с одной из центральных тем конгресса – **глобализацией**. Поскольку о глобализации уже написано бесчисленное множество книг и не подлежит сомнению, что сегодня мир действительно характеризуется процессами глобализации, интерес ученых сфокусировался на том, что реально принесла глобализация в тот или иной регион мира и является ли она уникальным феноменом современности. В социологии да и в экономике уже было убедительно показано, что глобализация не является уникальной³. История пережила несколько более ранних этапов глобализации. Поэтому, например, было признано некорректным называть наступивший век «веком глобализации»; скорее его просто следует признать новым «осевым веком» (Х. Йоас) или «веком трансцендентности» (выхода за некие «пределы»). Тем не менее конец XX – начало XXI в. – уникальный период времени, когда процесс глобализации, кажется, охватил все уголки земного шара. Однако непредвзятый научный подход дает основание усомниться и в этом: глобализация не решила проблем бедности, не сделала народы и страны равными, не облегчила доступ к ограниченным ресурсам. Напротив, она способствовала эскалации существующих проблем, обострила конфликты и

породила новые, неизвестные в прежние эпохи (Г. Монтереску, Дж. Мартин, М. Сасаки, Х. Хамада).

Современное общество, по мнению большинства ученых, все более становится «обществом **неопределенности**» и рисков. Начиная с У. Бека, социология признала неопределенность характерной чертой современности. Это означает, что в мире нет больше жесткой детерминации процессов и явлений, присущей обществу на более ранних этапах развития: общество усложнилось настолько, что его невозможно объяснить с помощью детерминистских моделей и схем.

Глобализация, неопределенность и риски связаны с феноменом **мультикультурализма**, который предполагает признание многофакторности и многоаспектности самого социального развития, а также системной методики его изучения. При всей актуальности цивилизационного подхода мультикультурализм допускает, что в конкретных случаях и конкретных обществах имеют место явления, которые можно понять лишь в контексте разных цивилизаций; они сосуществуют в одном и том же обществе, чрезвычайно запутывая пути культурно-исторического развития объекта. Исследование таких объектов в рамках традиционных парадигм, моделей невозможно. Требуется инновационный подход, конструирование новых теорий и моделей развития. Без этого современная социология не сможет выполнить свою теоретическую функцию в XXI в., т. е. не будет способна дать научную картину социальной реальности, используя адекватные новые теоретические конструкты. В пленарном докладе «Будущее как культурный факт» известный американский глобалист и социолог культуры А. Аппадурраи обосновал это положение на конкретном анализе культурных ситуаций в ряде стран. Его доклад был сделан в русле тех идей, которые автор развивал в своих публикациях последних лет⁴. Аппадурраи подверг критике стереотипы, согласно которым глобализация сглаживает все различия между странами и нациями; по его мнению, напротив, глобализация актуализирует необходимость подхода, который является мультикультуральным.

Например, мультикультурализм применительно к Беларуси означает признание того, что развитие нашей страны всегда проходило и проходит «на стыке» двух разных цивилизаций и культур: западноевропейской (латинской) и восточноевропейской (византийской). Это положение обусловило как многочисленные проблемы народов (культурная идентичность, религии, языки, символика и пр.), так и многие плюсы развития менталитета (толерантность, веротерпимость, терпение). И сегодня при изучении стран и народов «культурного перекрестья» нельзя подгонять их под простые модели и теории. Так, Аппадурраи считает более корректным применять теорию многовариантности модернизации, а не единой универсальной (западной) модели.

Вторая центральная проблема конгресса, которая была признана одной из наиболее актуальных в современной методологии социальных наук, – это проблема **контекстуальности**. В методологическом плане она означает, что всякое событие, явление, процесс необходимо анализировать в рамках культурно-исторической среды, породившей это явление/процесс. Поэтому прежний поиск универсальных категорий и универсальных моделей, пригодных для любой страны независимо от ее социально-исторического своеобразия, сегодня признается неадекватным и, по сути дела, отвергается (Ш. Айзенштадт, Х. Новотны). Это означает отказ от многих прежних аналитических моделей и объяснительных теорий. Даже такие общепотребимые понятия, как «глобализация» или «модернизация», предлагается рассматривать не сами по себе, а применительно к конкретному этапу развития региона, страны, мира: Европа, Азия, Америка. Так, американский политолог Т. Каротерс, проанализировав успехи и неудачи демократизации за последние 25–30 лет в пленарном докладе «Является ли

линза демократизации все еще полезной для понимания глобальной политики?», сделал вывод, что западное (в данном случае – американское) понимание демократии и навязывание странам единого механизма демократизации оказались нефункциональными: большинство стран мира, которые в конце прошлого – начале нынешнего века делали выбор между демократией и другими политическими режимами, совершенно по-иному интерпретировали и демократию, и собственные политические интересы. В результате так называемая третья волна глобальной демократизации «захлебнулась»⁵. По сути дела, это означает не «гибель демократии», а лишь то, что современная социальная наука нуждается в новом ее понимании, в признании множественности ее современных форм, ввиду усложнения мировых социально-политических процессов. Заметим, что данный вывод имеет непосредственное отношение и к Беларуси, и к России, где процессы демократического развития следуют путями, отличными от тех, что были разработаны западными авторами. Научно обоснованное признание дивергентности процессов мирового движения вперед, наличия разных механизмов и путей демократизации, модернизации – важный методологический момент, характерный именно для последних лет развития социальных наук, включая и социологию.

Именно локальность, конкретика наполняют модель реальным содержанием, позволяют применять ее для анализа эмпирического материала. В противном случае (т. е. исключения локального контекста) социология может дискредитировать себя в глазах общественности, политики, населения той или иной страны. Индийский социолог директор Центра по изучению развивающихся стран Й. Йадав в своем докладе «Ограниченность, позитивизм и неуловимая публичность: распространение техники глобальных опросов на большинство стран мира» показал, что опросы, которые широко и успешно используются в количественных исследованиях на Западе, совершенно не «работают» в Индии, культурная среда которой не позволяет получить достоверные данные таким способом. Как считает Йадав, это связано с тем, что сельские регионы Индии представляют собой традиционное общество, и многие социологические понятия там имеют совсем иной смысл, чем на Западе (например, религиозность не является предметом публичного обсуждения). Если слепо калькировать анкеты в международных проектах, можно прийти к ситуации «точных замеров» одинаковым инструментарием совершенно различных явлений. Конечно, это крайний случай, но не такой уж и редкий.

Индийский социолог на примерах глобальных социологических опросов доказал, что их данные в странах Азии используются политиками, как правило, лишь в интересах манипулирования сознанием масс, что научная общественность с большим недоверием относится к подобным исследованиям, так как даже перевод западных опросников на местные языки (не говоря уже о достоверности данных) вызывает большие сомнения. Вместо глобальных опросов, проводимых по единой (западной) методике в разных регионах мира, Йадав предложил сделать акцент на «региональных исследованиях» и использовать в каждом регионе теории и методы, соответствующие его культурно-историческому развитию. Можно лишь добавить, что подобная «несстыковка» теоретико-методологических контекстов в глобальных опросах имела место и на постсоветском пространстве, когда западные коллеги настаивали на ряде вопросов, абсолютно лишенных смысла в условиях России, Беларуси или Украины. Озвучивание полученных таким образом результатов глобальных опросов на Западе представлялось важным (хотя бы в прессе), тогда как у постсоветского научного сообщества оно вызывало не только скепсис, но и серьезное разочарование непониманием социологами Запада сложившейся ситуации.

Однако поиск контекста – это лишь первый шаг анализа, после которого с необходимостью должно последовать сравнение контекстов в разных

странах, регионах, ибо социология существует лишь тогда, когда ученый может обоснованно сравнить одно состояние объекта с другим, одну страну с другой, чтобы выявить общее и частное в их развитии. Ряд ученых предлагают сравнительный цивилизационный анализ: рассмотрение стран в контексте их культуры, этапа исторического развития, религии. Американский социолог Д. Левин проанализировал культурный контекст Эфиопии путем ее сопоставления с культурой Израиля и показал, что и в одной, и в другой стране, несмотря на наличие доминирующей цивилизации, имели место и проявления иных цивилизаций. Известный американский феноменолог Э. Тириахьян показал, насколько неправомерно критически рассматривать карикатуры на пророка Мухаммеда, появившиеся в Дании, в рамках собственно датского социокультурного контекста, и одновременно подчеркнул крамольность подобного явления культуры с точки зрения арабской цивилизации. Если использовать в данном случае дюркгеймовскую методологию социологизма, то станет понятно, почему доминирование коллективного сознания в традиционалистских арабских странах не допускает никаких отклонений в оценках тех или иных религиозных событий, деятельности пророков и пр., тогда как в современном датском обществе, где высоко развит индивидуализм, любая интерпретация фигуры Пророка может иметь место и при этом восприниматься как проявление свободы мнений.

Непонимание и неучет разных контекстов приводит к конфликтам: политическим, религиозным, этническим и пр. Только сравнительный цивилизационный анализ позволяет выбрать адекватную теоретическую модель применительно к той или иной проблеме.

Признание контекстуальности как одной из ведущих методологических категорий изменяет весь теоретико-методологический набор инструментов социолога, заставляет переосмысливать традиционные **представления о предмете социологии**. Что теперь предлагается включать в предмет? Разные авторы (например, Ш. Айзенштадт, Л. Лэнгман) подчеркивали, что если социология родилась как «наука о современности» (т. е. ее объектом выступало лишь современное общество), то сегодня легитимным является социологическое изучение как прошлых обществ, так и общества будущего (появилась даже такая сфера исследований – общество будущего). Данную трактовку можно считать существенным расширением понимания объекта и предмета социологических исследований.

Поскольку социальная реальность быстро изменяется, появляются **новые важные проблемы**. Соответственно эти новые проблемы также обогащают представление о предмете социологии. Миграция – яркий тому пример: она стала одной из популярнейших тем современных исследований. На конгрессе в Будапеште к миграции обращались исследователи проблем труда, образования, культуры, молодежи (А. Масиас, М. Загорская, Ш. Шарма, М. Арауйо, А. Хирш, Я.-Х. Шим, Л. Харутюнян и др.).

Предмет социологии расширяется и за счет того, что в орбиту социологии втягиваются области, традиционно рассматриваемые другими социальными науками. Например, производительность труда уже не одно десятилетие изучает и социология, и экономика; человеческое тело, прежде изучавшееся преимущественно физиологами и медиками, нынче – актуальный предмет социологического исследования.

Возрождается интерес к некоторым темам, которые, казалось, уже давно не являлись предметом изучения социологии. Яркий пример – интерес к национальному государству как субъекту социального развития и социологического изучения. Вывод о **национальном государстве** как важном акторе современности разделяется целым рядом социологов (А. Аппадурраи, С. Арджоман). Если 20–30 лет назад большинство теоретиков утверждали, что глобализация низводит роль национальных государств до нуля, делает их «виртуальными» и ненужными, то сегодня признана важность данной

общности. Она не виртуализировалась, а находится на подъеме, поэтому изучение всего круга проблем, связанного с развитием современного государства, должно стать предметом исследования социологов.

Таким образом, социология не отказывается от традиционных объектов, но дополняет их новыми, обогащая свое содержание.

Трактовка предмета изменяет постановку и решение вопроса о **движущих силах**, или акторах, современного социального развития. Сегодня не классы и социальные группы (хотя их существование никто не опровергает) являются наиболее важными действующими лицами социального развития; их место занимают различные религиозные образования (как традиционные, так и новые), транснациональные движения (и корпорации), а также протестные движения, связанные с экологией, антиглобализмом.

Данная тематика была центральной и на конференции в Глазго, где итальянский исследователь Д. Делла Порта в пленарном докладе особо отметила важную роль, которую сегодня играют движения социального протеста. На материалах эмпирических исследований во Франции, Италии, Германии Делла Порта показала возникновение качественно новых форм социальных движений, в рамках которых объединяются самые разные акторы, включая индивидов, небольшие негосударственные группы, массовые неструктурированные образования и пр.⁶

В данном контексте совершенно по-новому прочитывается **роль религий**: от традиционных до модернистских и постмодернистских, от конфессий до сект (Х. Йоас, Г. Шван).

Одним из аспектов возрастания роли религии в жизни общества стал если не отказ от теории секуляризации, то по крайней мере признание уменьшения интереса к ней и того, что тезис о повсеместной секуляризации как следствии развития проекта модерна не подтвердился. В докладе ведущего немецкого социолога Х. Йоаса «Будущее христианства» доказывалось, что теория секуляризации эмпирически не подтверждена и что христианская религия увеличивает число своих приверженцев. По мнению ученого, религиозность населения возрастает, поэтому внимание к ней социологов не должно уменьшаться. В начале XXI в. не только не исчезли старые религии, но и появилось много новых религиозных движений (они-то, собственно говоря, и обусловили выдвигание религии на позиции важного актора социального развития). В ряде традиционных религий наблюдается заметный рост фундаментализма: это касается не только ислама, но и православия. Повсеместно наблюдается сращивание религиозных и политических институтов, например в России и государствах Ближнего Востока. В связи с этим важной социальной проблемой становится «наведение мостов», развитие диалога между представителями различных религий, в первую очередь между иудаизмом и исламом, христианством и исламом.

Другой немецкий автор профессор Г. Шван обосновала новый концептуальный подход к религии в плане ее роли в современном обществе. В докладе «Какую легитимную роль может играть религия в отношении демократии» Шван утверждает, что развитие демократии требует в качестве обязательной предпосылки политическое участие граждан, наличие у них определенного уровня политической культуры, а отнюдь не развития рыночной экономики. Поэтому если религия запрещает верующим участие в политической жизни, исключает их из политического поля, призывает к гражданскому послушанию независимо от политической системы, то такая религия не может быть признана легитимной по своей политической роли. Однако если религия поддерживает демократические ценности, ее роль в обществе может быть признана легитимной для развития демократии.

Шван сделала весьма интересный вывод о том, что в современном западном обществе уже не является верным так называемый железный закон олигархии, сформулированный Р. Михельсом в начале XX в. По ее мнению,

современные граждане имеют высокое образование, владеют обширной информацией, что весьма позитивно сказывается на их политической культуре и развитии демократии и гражданского общества. Поэтому современные условия не порождают олигархию в той же мере, что и сто лет назад. Изменение социума, таким образом, с неизбежностью ведет к изменению социальных законов и закономерностей, которые можно использовать для объяснения данных социальных изменений.

На конгресс в Будапеште были приглашены с пленарными докладами некоторые представители естественных наук, без которых невозможно было бы обсуждение нынешнего взаимоотношения двух ветвей знаний. Завязавшийся диалог социологов и естественников был очень содержательным и позволил прояснить ряд теоретико-методологических проблем. Так, авторы констатировали начало нового витка **сближения социологии и в предмете, и в методах с другими науками** – как социальными, так и естественными (Х. Новотны, С. Швебер). Данный факт логически подводит к тезису о том, что современная социология не представляет собой «образцовой» методологической картины, не может своими собственными силами и средствами решать поставленные перед ней теоретические проблемы. Социология как наука по-прежнему не располагает общепризнанными макросоциологическими теориями. Увы, не только теория структуризации Гидденса, но и теория социального пространства Бурдьё, теория коммуникативного действия Хабермаса, теория макдональдизации общества Ритцера не могут считаться достаточными основаниями для выхода из методологического затруднения, в котором теоретическая социология пребывает уже не один десяток лет. Вполне вероятно, что это состояние стало для социологии перманентным, что обусловлено быстрыми радикальными изменениями самого общества.

Однако данный вывод не помогает на практике разрешать те или иные теоретико-методологические затруднения, постоянно возникающие у социологов и зачастую приводящие к заключению (к счастью, также недостаточно аргументированному) о том, что теоретическая социология вовсе не нужна, так как она не обеспечивает общей методологической основы проведения прикладных исследований. Поэтому, с одной стороны, явления теоретико-методологического кризиса, скепсиса имеют место. С другой – продолжается здоровый поиск новых макросоциологических теорий, которые могли бы адекватно охватить все многообразие социума и позволить осмыслить реальность в рамках той или иной новой картины, созданной социологами.

Попытаемся обобщить некоторые теоретические и организационные моменты развития социологии в современном мире, выявившиеся на последних социологических форумах. Можно выделить несколько важных проблем, характеризующих достигнутый уровень развития социологии и требующих дальнейшего осмысления.

1. Остается дискуссионной проблема профессиональной подготовки социологов через университетскую систему образования.

В рамках системы социологического образования социологическое сообщество не только отказалось от абсолютизации модели «классического» (исследовательского) университета, доминировавшей достаточно долгое время в Европе⁷, но и от каких бы то ни было «универсальных» моделей. Как подчеркнул профессор И. Елкана, массовизация профессии социолога выдвигает задачу дифференциации университетской подготовки социологов: лишь малая часть студентов должна обучаться по сложным программам и ориентироваться на самостоятельные научные поиски, тогда как большинство должны получать базовые знания прикладного характера, направленные на решение практических задач. Это ни в коем случае не означает, что меньшинство, обучающееся по исследовательским программам,

составит «элиту общества»: таким образом будут пополняться ряды профессионалов в науке, тогда как студенты, обучающиеся по «прикладным» программам, пойдут не в науку, а в промышленность, на фирмы, в государственные учреждения и т. п. Весьма вероятно, что их социальный статус будет даже выше статуса ученых, как и финансовый уровень. Это разделение в обучении, по мнению Елканы, логически вытекает из дифференциации функций социологии (теоретической и прикладной), так как в современных условиях одни и те же лица не могут их совмещать.

В свою очередь, Б. Виттрок считает, что каждая национальная система образования может и должна развивать свои формы и типы учебных заведений, не копируя других, а учитывая свой исторический опыт и свои нынешние потребности.

Так, ясно, что постиндустриальные страны имеют иные проблемы, нежели развивающиеся. Поэтому западные социологи, не знакомые со спецификой развивающихся стран, не способны их адекватно понять и проанализировать.

2. В рамках социологических исследований остро прозвучал тезис (заметим, далеко не новый) о том, что подлинная социология всегда предполагает сравнение.

Это означает, что узконациональные исследования без выхода на международные (или хотя бы внутринациональные) сравнения имеют весьма ограниченный научный потенциал. Для сравнительных исследований нужна, во-первых, хорошо отработанная методика, которая учитывала бы и уровень теоретического развития науки, и семантику социологического языка, и разный контекст каждой страны. Во-вторых, необходим апробированный инструментарий, каждый вопрос которого будет вполне адекватно интерпретироваться и респондентами, и учеными-аналитиками. В-третьих, обязательным условием является доступ к накопленной эмпирической базе исследований для всех профессионалов (например, открывать через 1–2 года накопленные базы данных международных исследований для всех желающих, иметь в каждой стране архивы социологических данных). Тогда заметно возрастет и достоверность используемого материала, и сравнимость полученных результатов.

3. Современные международные (в другой терминологии – межнациональные, транснациональные) социологические исследования не может самостоятельно финансировать ни одно государство (государства и не заинтересованы в таком финансировании, поскольку эти исследования проводятся в ряде стран и выводы касаются многих обществ).

Следовательно, нужны межгосударственные фонды, тогда как национальные государства будут лишь «подпитывать» своих ученых, акцентируя отдельные аспекты общих проблем, добавляя финансы на те направления, которые важны именно здесь и сейчас. Но и в таком случае «методологическое ядро» исследовательских коллективов должно ориентироваться на транснациональность и общенаучные стандарты, не снижая качество «национальной» части исследований.

Как подчеркивали многие ученые, сегодня уже не количественные, а качественные методы определяют «лицо» социологии. Поэтому на развитие последних и должно обращать особое внимание.

4. Изменилась роль и место национальных и региональных социологий в мировом сообществе. Так, сегодня активизировалась профессиональная деятельность ученых из стран Азии и Африки, особенно Индии и Китая, которые были довольно широко представлены на конгрессе в Будапеште и предлагали свой взгляд на современный мир, подчеркивая необходимость считаться с ними, критиковали западные теории.

Параллельно с названной проявляется тенденция уменьшения роли и значимости американской социологии. Это не значит, что американская со-

циология сдала свои позиции: ее представители активны, но их количество на международных форумах уменьшилось. «Американизация социологии», характерная для XX в., уходит в прошлое. Данная тенденция способствует усилению роли социологии в других регионах. Очевидно, что современная социальная наука может и хочет развиваться в каждой стране по-своему, без подсказок и калькирования чужих моделей, по собственной схеме.

В заключение отметим **роль и место постсоветских стран** в развитии мировой социологии. К сожалению, ситуация изменилась не в лучшую сторону после распада СССР. Сейчас ученые лишились сплоченности в продвижении своих профессиональных интересов. Сегодня каждая страна выступает «сама за себя». Те страны, которые вступили в ЕС, следуют западноевропейским традициям и критериям. Им открыты многие двери, которые по-прежнему «на замке» для социологов СНГ. На современных мировых конгрессах лишь Россия позволяет себе иметь достаточно большую группу делегатов, однако и им, как указывает С.А. Кравченко, необходимо «наращивать... работу над имиджем российской социологии»⁸. Остальные страны представлены слабо, их голоса теряются в шумной многоязычной толпе.

В теоретическом плане ученые из постсоветского региона так и не выдвинули масштабных теорий. Исключением является, возможно, только П. Штомпка с его теорией культурной травмы. Польская социология сохраняет передовые позиции, в отличие от своих соседей, что, впрочем, никак не меняет положения остальных восточноевропейцев. Если не новые общие теории, то хорошее знание языков, открытость миру, готовность совместно обсуждать проблемы – вот чего ожидает мировое социологическое сообщество от нас. И конечно, притока молодых сил, получивших образование в новых условиях, а значит, опирающихся на другой личный опыт.

Без профессионального роста и включенности ученых в мировое социологическое пространство нельзя ожидать и признания заслуг. Наши журналы практически неизвестны за пределами постсоветского пространства, а слабый научный обмен затрудняет массовое профессиональное ознакомление с литературой, выпускаемой на Западе, в других регионах мира.

Профессиональное включение в мировое социологическое сообщество поспособствует более глубокому изучению многообразного опыта, который пригодится нам для решения проблем постиндустриального общества, давно известных и зачастую уже решенных западными социологами.

По большому счету, глобальные проблемы за прошедшие десятилетия не получили разрешения, так как они требуют участия абсолютно всех стран и регионов мира, а равно и их социологических сил. Поэтому их решение – дело будущего, в котором и мы, надо надеяться, примем посильное участие.

¹ См.: The 38th World Congress of the International Institute of Sociology «Sociology looks at the twenty-first century: from local universalism to global contextualism». Program. June 26–30, 2008. Budapest, 2008; Кравченко С. А. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социс. 2008. № 2. С. 3–9.

² См., например: Jacoby R. The End of Utopia: Politics and Culture of the Sixties. Berkeley; Los Angeles, 1999.

³ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 1999; Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. М., 2006 и др.

⁴ См.: Appadurai A. (ed.). Globalization. Durhan, 2001; Appadurai A. Fear of Small Numbers. Durhan, 2006.

⁵ См., например: Carothers Th. Does Democracy Promotion Have a Future? // Democracy and Development. Washington, 2008. P. 121–138; Carothers Th. A Quarter-Century of Promoting Democracy // Journal of Democracy. October 2007. Vol. 18. № 4.

⁶ См.: The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3–6th September, 2007. Glasgow, 2007. P. 33–34.

⁷ См.: Rothblatt Sh., Wittrock B. (eds.). The European and American university since 1800: historical and sociological essays. Cambridge, 1993.

⁸ Кравченко С. А. Указ. соч. С. 9.

ЧЕМУ УЧИТЬ СОЦИОЛОГА И С ЧЕГО НАЧИНАТЬ*

С позиций современных социальных трансформаций анализируются объективные причины, обуславливающие необходимость внесения существенных корректив в стратегию подготовки специалистов-социологов. Предлагаются базовые положения и конкретные шаги на пути усвоения социологических знаний, а также новые подходы и разработки, опосредующие процесс обучения социологии.

The objective reasons determining the necessity to bring some essential corrections in the strategy of training specialists-sociologists are analyzed from the viewpoint of modern social transformations. Suggested are some basic propositions and definite measures to learn sociological knowledge, as well as new approaches and elaborations mediating the process of teaching sociology.

Два десятилетия назад (и это еще одна юбилейная в этом году дата у социологов) началась государственная подготовка социологов в Московском и Ленинградском (Санкт-Петербургском) университетах. Справедливости ради надо отметить, что их стали готовить в ряде университетов начиная с 1960-х гг., но в то время они «выпускались» под эгидой (маркой) философов, экономистов, историков, юристов. Эта мимикрия в значительной степени зависела от того, на какой кафедре (или факультете) работал энтузиаст и поборник подготовки специалистов данного профиля и насколько его поддерживали руководство вуза и мыслящие идеологические работники партийных комитетов.

Тогда же были разработаны проекты программ. Я также входил в группу по подготовке такого плана в МГУ наряду с профессором В.Н. Князевым, руководившим в то время отделением прикладной социологии философского факультета, и профессором Н.И. Дряхловым, одним из энтузиастов социологического образования. Могу заметить, что этот план в своей основе до сих пор при некоторых модификациях составляет базовую часть государственных стандартов как первого, так и второго поколения. Но время неумолимо, и сегодня очевидно, что в подготовку специалистов-социологов надо вносить существенные коррективы, менять стратегию обучения. Обусловлено это, на мой взгляд, следующими причинами.

Во-первых, **существующие учебные планы отстают от потребностей жизни**, недостаточно и слабо учитывают серьезные сдвиги, происшедшие в обществе, в том числе и изменения, которые предъявляются к нашей профессии. Все они были рассчитаны на другую эпоху, другие потребности. И если мы не реагируем на них, то сталкиваемся с трудностями в работе со студентами, которые склонны сопоставлять преподаваемые им курсы с тем, какие требования предъявляют к ним нынешние и будущие работодатели, новая ситуация в развитии общества и государства.

Во-вторых, **сама практика работы социологов** на различных участках в экономике, политике, сфере культуры и образования **показала недостаточность и определенную ущербность программ обучения**, когда выпускникам приходится доучиваться в процессе своей трудовой деятельности, компенсируя недостатки вузовской подготовки. Считаю, что специализации в рамках нашей профессии слабо отражают реальные потребности общества.

В-третьих, **ситуация обострилась в связи с уже утвержденным переходом нашей профессии на бакалавриат** (как массовую профессию) и **магистратуру** (как подготовку специалистов для научной работы, преподавания и некоторых видов управления). Бакалавриат требует подготовки специалистов, исходя из принципиально иных позиций, – для практической работы, причем таким образом, чтобы выпускники сразу включались в реальную жизнь, в реальную практику и умели разговаривать языком произ-

* Социол. исслед. 2008. № 7. С. 54–61.

водственной, трудовой и повседневной жизни. От них требуется не просто знание определенных научных дефиниций, а такое их знание, которое способствовало бы решению задач, волнующих данную организацию. Поэтому наши планы должны быть не просто «подлатаны», подправлены, улучшены, а серьезно и кардинально пересмотрены.

Чему учить социолога

Сначала я хотел бы поделиться некоторыми соображениями, основанными на накопленном опыте преподавания, с предложениями и мнениями коллег, с которыми мне в процессе работы в академическом журнале «Социологические исследования» приходится знакомиться по присылаемым в редакцию материалам.

Первое и исходное положение – подготовка социолога должна базироваться на широком фундаменте всех социальных и гуманитарных наук. Иначе говоря, будущему социологу необходимо знать и философию, и историю, и экономику, и политологию, и культурологию, и право, и психологию (к сожалению, такого полного набора нет в предшествующих стандартах). Это не дань моде, а острая необходимость, потому что квалифицированный специалист призван обладать основами всех без исключения социальных и гуманитарных наук, образующих базу интеллектуального потенциала, разбираться во всем том богатстве, которое накоплено нашими коллегами по социально-гуманитарным дисциплинам, в их основных результатах и выводах, чтобы не множить глупости, не демонстрировать примитивный уровень. Чтобы не было перлов, подобных «открытиям» (примеры беру из статей, присланных в редакцию), что «философ Гоббс жил в XIX веке», что «на Марсовом поле в Санкт-Петербурге похоронены участники Октябрьских боев» (некоторые утверждали, что там покоятся жертвы сталинских репрессий) (правильно – похоронены жертвы февральской революции 1917 г.), что «К. Маркс творчески развивал идеи Э. Дюркгейма», что «Столыпин выдвинул идею строительства Транссибирской магистрали», что «в древнекитайской армии имелись социологи» и т. п. Ясно, что отсутствие широкой гуманитарной базы порождает выскочек, верхоглядов, ограниченных людей, которые неминуемо станут предметом насмешек, а не уважения, а наука подвергнется дискредитации.

Второе требование – знакомство с основными положениями естественных наук, а также серьезная математическая подготовка. В современном мире нельзя быть полноценным специалистом, не зная математического аппарата в той степени и в таком ракурсе, который необходим для успешной работы. В этой связи хотелось бы напомнить слова Платона, начертанные при входе в его Академию: «Да не переступит этого порога тот, кто не искушен в геометрии». В нашем университете (РГГУ) практикуется следующий алгоритм изучения математики: на первом курсе изучается «Введение в математику», обновляющее знания студентов по части разделов школьной программы, необходимых для дальнейшего изучения таких математических дисциплин, как «Дифференциальное и интегральное исчисление», «Теория вероятностей», «Математическая логика», «Теория измерений», и других предметов, которые нам обеспечивает кафедра интеллектуальных систем, возглавляемая замечательным педагогом, философом и математиком профессором В.К. Финном. Как показывает практика, выпускники нашего университета в дальнейшем не испытывают серьезных затруднений, когда приступают к работе, требующей если не знания всех премудростей количественного анализа, то вполне внятного взаимодействия с математиком, обеспечивающим обработку социологической информации. Конечно, на этом пути мы встречаемся с чисто человеческими трудностями: ведь немало выпускников школ, идя на гуманитарную социологическую специальность, рассчитывают, что они навсегда распростились с математикой. Приходится много работать, чтобы убедить их в вечно старой

и вечно новой истине, что без математики (вернее, ее части) невозможно стать полноценным специалистом. Думаю, что и другие наши коллеги должны уделить математике более значительное внимание, иначе сама жизнь внесет коррективы, и это будет болезненнее, чем признать необходимость такого шага нам самим.

Третья компонента – усвоение комплекса дисциплин, которые касаются самой социологии. Это требование можно разделить на несколько частей или сформулировать несколько этапов (шагов) в постижении предмета.

Первый шаг – теория, что предполагает усвоение того, что является ее объектом и предметом, функциями, генезисом идей. **Принципиальной особенностью современной концепции социологии является трактовка ее объекта как гражданского общества и предмета социологии как общественного сознания и поведения людей в конкретно-исторических условиях.** Социальная жизнь человека начинается с осознания окружающих реалий, выработки установок и претворения их в жизнь с учетом объективных условий глобального и конкретного характера. Исходя из этого, объектом социологии является не общество вообще (общество изучают и социальная философия, и история, и политология, и юридические науки, и культурология), а общество в его социально-человеческом обличье. И положение – **человек в обществе и общество для человека** – разделяет все больше социологов. Именно это составляет суть **предмета социологии.**

Но требуется одно уточнение. С чего начинается человек в своем социальном облике? С сознания, со способности познавать и изучать мир, оценивать его с личных и общественных позиций, осмысливать, исходя из определенных ценностей, окружающую действительность и на этой основе строить поведение, учитывая влияние как макросреды (всех общественных отношений), так и мезо- и микросреды (опосредованное окружение – житель города или деревни, непосредственное – член коллектива, конкретной организации). **Это подтверждается и практикой конкретных исследований. Их предметом в современной социологии стало изучение состояния и тенденций реального общественного сознания, реального поведения (деятельности) в условиях определенной социальной среды.** Изучение таких феноменов, как общественное сознание, поведение и среда, является той реальностью, из которой состоит социальная жизнь общества, всех ее субъектов – людей и образуемых ими классов, социальных групп и общностей, социальных сетей, организаций, институтов во всей сложности их взаимодействия и взаимосвязи. Без человека, без его социальной сущности нет общества. Без всего этого окружающая действительность превращается в груды железа в виде механизмов и станков, мертвых сооружений, в набор важных, но бесполезных орудий и предметов производства.

Второй шаг в усвоении социологии – это ее **методология**, т. е. такой уровень теоретического знания, который выражен языком, позволяющим оперировать информацией посредством соответствующих индикаторов и показателей. Помимо методологии для социологии очень важны **методы** познания социальной реальности. И не только потому, что она этим серьезно отличается от других наук, а потому, что она предполагает использование статистико-математического аппарата, многообразных специфических способов познания. **Строго говоря, социология имеет дело не с самой реальностью, а с восприятием этой реальности отдельными индивидами, социальными группами и слоями.** Для этого она выработала конкретные приемы и инструменты, с помощью которых производится съём (сбор) информации с последующим ее анализом и интерпретацией. Реализацию этих целей призван обеспечить курс **«Методология и методы со-**

циологических исследований». Кроме того, студенты нашего университета пишут учебно-исследовательские проекты, которые являются своеобразным тренажером для создания в будущем программ исследования. Короче говоря, этот компонент необходимого знания связан с умением студента подготовить программу социологического исследования, выявить проблемную ситуацию, сформулировать цель, задачи и гипотезы исследования, предложить соответствующий инструментарий получения эмпирической информации.

Следующий шаг в подготовке специалиста-социолога связан с усвоением генезиса идей в *истории социологии*. Ведь социология отражает **качественный этап** в истории человечества, когда общество предстало перед нами в человеческом измерении, когда не просто люди, а **каждый человек становится субъектом исторического процесса** (начало этому положили великие буржуазные революции). Именно с данного периода начинается новое осмысление роли человека, всех без исключения людей во всех ипостасях их сознания и поведения, превращения их в активных участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Конечно, этот процесс происходил постепенно, с трудом, со срывами и отступлениями, но несомненно, что человеческое измерение общества пробивало себе путь, что отразилось в постоянном научном поиске. Конечно, этот этап в развитии социальной мысли не мог начаться вдруг, с чистого листа – предпосылки такого подхода к человеку и обществу созревали исподволь. Но этим предпосылкам надо отвести подобающее место, а не делать пещерных людей представителями социологии в период охоты на мамонтов или сбора урожая с ветвей дикорастущих плодовых деревьев. Поэтому методологическая подготовка крайне необходима, ибо без нее нет полноценного специалиста. В РГГУ реализации этого требования подчинен обстоятельный (на полтора года) курс по истории зарубежной и отечественной социологии.

Еще один шаг – конкретизация социологии как науки, реализация требования **оперировать не умозрительными схемами, а реальными проявлениями жизни**, что прежде всего находит отражение в состоянии общественного сознания, в различных формах и видах деятельности, в возможностях их проявления в конкретно-исторических условиях. Исходя из этого, для социологии важен анализ социальных проблем основных сфер общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной. И соответственно чтение таких крупных социологических курсов, как экономическая и политическая социология, социология духовной и социальной жизни. И хотя отнесение отдельных проблем к той или иной сфере несколько условно, автор исходит из того, что является главным при ее рассмотрении. Поэтому все исследования соотнесены с экономическими (**экономическая социология**), социальными (**социология социальной жизни**), политическими (**политическая социология**) и духовными процессами (**социология духовной жизни**).

И наконец, заключительный шаг в усвоении социологических знаний, умении их применять – это **анализ реальных, актуальных, острых, насущных конкретных проблем социальной жизни общества**: стимулирование труда, положение семьи, наркомания, деятельность политических партий, роль телевидения в духовной жизни общества, состояние и противоречия религиозного сознания и другие многочисленные вопросы, которые возникают в общественной жизни и которые требуют своего решения. Именно поэтому объектом социологического анализа становятся многообразные и многочисленные явления общественной жизни. Этому отвечают и специальные социологические теории – социология молодежи, социология города, социология права, социология образования и т. д., а также конкретные процессы в нашей жизни – различные формы отклоняющегося поведения, новаторство в рыночных условиях, новые стратегии прогнозирования,

миграция в ее этническом или профессиональном измерении и др. Это дает простор новым курсам, которые рождены творчеством преподавательского коллектива конкретного университета (учебного заведения).

С чего начинать обучение социолога

Сегодня знакомство с будущей профессией начинается обычно с курсов, которые в разных вузах имеют свое название: «Введение в социологию», «Общая социология», «Основы социологии» и др. С их помощью студенты начинают постигать мир человековедения и человекознания, закладывается основа успешного освоения будущей профессии. Но как они читаются? Какой смысл вкладывается в эти названия? И что мы имеем на самом деле?

Во-первых, в этих курсах весьма распространен социально-философский подход, когда студенты сначала знакомятся с такими понятиями, как цивилизация, общество, его типы и формы, виды, история развития. В результате волей-неволей игнорируется факт, что общество является объектом исследования не только социологии – на его изучение в равной мере претендуют и другие социальные и гуманитарные науки. Конечно, это необходимый компонент обучения, но не с него надо начинать. Такой подход весьма далек от знакомства с реальной ситуацией будущей профессии.

Во-вторых, в этих курсах большое внимание уделяют знакомству с историей социологии. Студенты узнают, кто стоял у ее истоков, кто внес те или иные идеи в эту науку. При этом нередко значительное место уделяется предтечам социологии, начиная с древних веков, что, на наш взгляд, отражает изложение истории социальной (а не социологической) мысли. Такой подход также вряд ли может быть признан правильным, ибо он повторяет в краткой форме специальный курс «История социологии», который читается позже, а главное, он мало приближает к будущей практике.

В-третьих, нередко этот курс после краткого введения начинают с анализа злободневных социальных проблем, оставляя без внимания вопросы о логике построения курса социологии и о ее понятийном аппарате.

И наконец, существующие курсы носят некий просветительский характер. В его рамках говорят о современных требованиях к профессии социолога, о месте социологии в структуре социологического знания, об особенностях подготовки к будущей работе, о специфике обучения в данном вузе.

В чем состоит наша постановка вопроса, с чего начинать подготовку социолога?

Нами предлагается **принципиально новый подход** к построению первоначального курса. **Ключевым в знакомстве с началами социологии является ее понятийный аппарат.** Проблема последнего – это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Мы нередко об этом забываем. Начинаем изучать методологию, историю, различные специальные социологические теории, в которых студент сталкивается с понятиями, ранее не знакомыми ему. И преподаватели позднее, уже на старших курсах пытаются восполнить этот пробел и дополнительно объяснять **социологическую интерпретацию понятий, т. е. то, что студент должен знать как алфавит или таблицу умножения.** Этих ошибок можно избежать, если знакомство с дисциплиной начинать с объяснения сначала эмпирических социологических понятий, а затем давать обобщающие и структурообразующие понятия и категории, такие как общность, социальный институт, социализация, стратификация и т. д. Исходя из этого, **эмпирические понятия могут быть представлены через такие компоненты, как знание, потребности, интересы, мотивы, ценностные ориентации, установки, мнение, настроение** и т. д., т. е. через те, с которыми встречается каждый социолог, проводящий исследование. Оперирование этими конкретными «носителями» наполняет «кровью» и «плотью» многие понятия, которые позволяют затем представить социологическое знание на теоретическом и методологическом уровне.

Для такого подхода социология использует все богатство научного знания о **сознании** вообще и общественном сознании в частности, а также о реализации этого сознания в **поведении (деятельности)** и его роли в социальной жизни, о **влиянии объективных условий и субъективных факторов** на сознание и поведение. Для социального анализа важны и выводы психологической науки о сознании и поведении индивида, отдельных микро- и макрогрупп (например, толпы).

На основе уже имеющегося знания социология дает свою интерпретацию общественного сознания и поведения людей, формирует понятийный аппарат (например, о компонентах сознания и деятельности), свое видение объективного и субъективного в общественных процессах, свое представление об уровнях человеческой деятельности. К сожалению, нередко мои коллеги-преподаватели лукавят, когда говорят в теоретическом плане об обществе, а в прикладном – о компонентах сознания и поведения людей, не всегда давая студентам методы их познания.

Поскольку при подготовке бакалавров особое значение приобретает практическая направленность будущей профессии, такой подход к понятийному аппарату позволяет будущему социологу оперативно включиться в реальную жизнь, говорить с заказчиком, потребителем и источником информации на понятном им языке, сочетающем в себе научный и прикладной аспекты. Мы являемся свидетелями того, как изменяется понятийный аппарат всех наук, в том числе и социологии, как он совершенствуется, обогащается, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, существенно корректирующие и уточняющие наши представления об изучаемой реальности.

Студент, решивший овладеть этой наукой, должен в совершенстве знать понятия социологии и в первую очередь те из них, которые наиболее точно и отчетливо отражают его квалификацию и мастерство, необходимое для выполнения профессиональных обязанностей. Вот для чего необходимо знать именно те понятия, которыми оперирует не только наука, но и практика, т. е. говорить с ней тем языком, который понятен обществу, людям, с которыми мы работаем, тем представителям управления, которые оперируют сознанием людей. Что это значит с точки зрения социологии? Мы не можем спросить само общество – оно предстает перед нами информацией о человеке, его сознании, поведении, результатах деятельности. Изучение любой организации, любой социальной группы, любого явления и процесса начинается не с того, что мы «спрашиваем» этот процесс, явление или организацию как таковые; в конечном счете с информацией о них мы обращаемся к людям, которые составляют эти общественные феномены, сопоставляем с ранее имеющимся знанием (которое, кстати, тоже подготовлено людьми) и лишь на этой основе переходим к более широким обобщениям. Иначе говоря, если **предмет социологии предстает перед нами как неразрывное единство сознания, поведения и условий окружающей среды**, предлагается приступить к анализу тех понятий, которыми социолог пользуется в своей повседневной работе и которые образуют эмпирическую трактовку всех без исключения социальных процессов и явлений. А к ним, т. е. к тем, которые социолог использует в своей повседневной работе, относятся компоненты сознания, поведения (деятельности) и окружающей среды.

Поясним нашу позицию. **Курс «Основы социологии» («Введение в социологию», «Общая социология»)** начинается с краткого знакомства с **генезисом идей социологии, определением объекта и предмета науки, ее уровней и структуры, функций и места в системе других наук**. Затем мы приступаем к анализу тех компонентов, которые образуют **социологическую структуру сознания, т. е. структуру ее элементарных понятий** (знание, мнение, потребности, мотивы, ценност-

ные ориентации, установки, стереотипы и т. д.), не исключая анализ таких специфических форм сознания, как идеология, социальное настроение, стереотипы и архетипы, а также деформаций сознания (аномия, фрустрация, парадоксы, отчуждение и т. д.). Кроме того, дается представление о возможностях операционализации **поведения (деятельности)** и ее различных проявлениях. Наконец, этот раздел завершается эмпирической трактовкой **условий окружающей среды**, ибо сознание и поведение во многом зависят от внешних условий, **представленных макро-, мезо- и микросредой**. Данная структура исходит из того факта, что основная форма получения социологом информации – это статистические и социологические данные в самом широком смысле этого слова.

Следующий раздел посвящен **обобщающим, синтезирующим понятиям**, которые формируются на более высоком уровне абстракции. Все они – социальные отношения, социальное развитие, социальные процессы, социальная структура, социальные институты, организации и т. д. – синтез элекса элементарных понятий, являющихся не механическим, а новым уровнем принципиально иных логических конструкций.

Далее следует анализ **структурообразующих понятий**, которые входят еще на более высокий уровень абстракции – представления о сферах общественной жизни (такой подход коррелирует с выводами социальных философов), предусматривающий характеристику экономической, социальной, политической и духовной жизни. Так, экономическая социология может быть представлена проблемами рынка, труда, занятости, города, деревни, демографии, миграции, экологии. Возможен учет и других компонентов экономической жизни – регионов, территорий, социальной инфраструктуры и т. д.

Курс завершается анализом таких универсальных категорий-понятий, как общество, цивилизация, формация, возможна характеристика вселенной, ноосферы, человечества и т. д.

В работе «Мир как органическое целое» русский философ Н.О. Лосский писал: «Сохранить и развить идею индивидуума можно только на почве органического мировоззрения в той его форме, которая примиряет индивидуализм с универсализмом, избегая крайностей в обоих направлениях». Идею, что человек в его социальном окружении, в реальности повседневных забот и намерений является объектом и предметом социологического анализа, разделяют многие социологи. И в этом отношении мы не находимся в стороне от мировой социологической мысли. Антропоцентрическая идея в социологии все больше и больше разделяется учеными во многих странах мира, что особенно ярко проявляется в творчестве П. Штомпки, Э. Гидденса, А. Турена и др. Так, в творчестве П. Бергера выражена суть современной социологии: **человек в обществе и общество для человека**, что ставит человека и его реальные заботы, тревоги, переживания и действия в центр анализа социальной жизни. На наш взгляд, эти идеи в той или иной мере исповедуют и многие современные российские социологи, в том числе Н.И. Лапин, С.И. Григорьев, Г.В. Дыльнов и др.

Именно эти знания о понятиях и категориях, о месте социологии среди других социальных наук и составляют суть тех дисциплин, которые по-разному называются в разных вузах («Введение в социологию», «Общая социология») и которые, на наш взгляд, можно объединить в «Основы социологии».

Некоторые особенности подготовки социологов

Еще раз хотелось бы повторить требование об органическом соединении (сплаве) научного (теоретического) и прикладного характера социологического знания. В этом случае можно было бы предлагать новые разработки, поиск новых подходов, приглашать коллег из других университетов, открывать мастер-классы. Так, например, лично я считаю, что, изучая **сознание и поведение человека в обществе, мы исследуем его в кон-**

тексте социальных общностей и групп, сознание и поведение которых приобретают социальные характеристики, имеют общественное значение, образуют устойчивые социальные процессы и явления. Именно убежденность в том, что в основе социологического знания лежит реальный анализ сознания и поведения людей и их зависимости от объективных условий, и образует ту парадигму, которую я называю **социологией жизни**.

Нужно отметить еще одно важное методологическое и методическое требование. Несмотря на свое мнение и приверженность той или иной концепции, мы должны освещать и другие подходы, существующие в мировой и отечественной социологии. Но все же, если разобраться по существу, антропоцентрическая направленность все больше и больше пробивает себе дорогу среди других направлений социологической мысли. Это тем более важно, что в истории российской (русской, советской) социальной мысли всегда ярко и четко проявлялось внимание к человеку, личности, индивиду, который вполне оправданно считался воплощением социальности реальной жизни.

Такое построение курса реализует еще одну важную функцию участия социологов в управленческом процессе – социологическая информация вписана в **механизм регулирования социальной жизни общества**. Это особенно важно, когда мы преподаем социологию специалистам, не имеющим прямого отношения к социологии: инженерам, учителям, работникам высшего звена в сельском хозяйстве и других профессий, но которым по роду их деятельности приходится иметь дело с людьми, управлять ими, принимать решения, исходя не только из личных представлений о происходящем, но и из того, к чему тяготеет большинство людей как во всем обществе, так и в той организации, где работает управленец.

Новому стандарту должен быть присущ еще один знаковый компонент, который я всей душой приветствую, – это положение, при котором **только 50 % бюджета** учебного времени отводится федеральному компоненту, обязательному перечню дисциплин для всех без исключения, а остальное отводится университетской инициативе. Это замечательное решение, так как оно позволяет каждому университету, каждому конкретному коллективу вложить в процесс подготовки социологов свою специфику, свои предпочтения и свой ответ на потребности рынка труда.

Следовательно, наши суждения по совершенствованию образования имеют двоякую нацеленность. Они направлены на уточнение и изменение учебного процесса будущих социологов, на совершенствование проекта Госстандарта Министерства образования и науки и **(что особенно важно) на студентов других специальностей**, для которых социология преподается в виде общеобразовательной дисциплины, но которые в данном изложении могут узнать много полезного для своей будущей работы, например, для будущих инженеров – раздел «Экономическая социология», для гуманитарных специальностей – раздел «Социология духовной жизни», для менеджеров и управленцев – раздел «Социология управления».

И наконец, **данное построение курса устраняет одностороннее представление о профессии социолога**. Согласно расхожему мнению, социолог – это «человек с анкетой», который обращается с ней к окружающим по месту работы, жительства, а то и просто на улице, чтобы опросить людей по тому или иному вопросу. Такой подход, с одной стороны, придает социологу имидж человека, который-де не теряет связи с реальностью (другое дело, как эти усилия оцениваются в обществе). С другой – нет ничего печальнее отождествления социологии со сбором мнений по случайным (а нередко и глупым) вопросам, что дискредитирует ее как науку и низводит до некоего вспомогательного средства познания, да еще такого, которым можно манипулировать.

Преодолеть эту противоречивость призвана не только сама наука (при помощи монографий, учебников, статей, публикаций в СМИ), но и процесс ее преподавания, формы и методы обучения, которые, базируясь на научных знаниях, избирают необходимую логику отбора и подачи материалов, определенный алгоритм подготовки специалиста, начиная с первых его шагов в вузе и завершая получением диплома.

И наконец, студенту, на наш взгляд, целесообразно дать представление о различных концепциях социологической науки, не противопоставляя их друг другу, хотя их насчитывается достаточно большое количество. Так, шведский социолог П. Монсон сравнивает социологию с *«лодкой на аллеях парка»*, предполагая сложный путь познания жизни и поведения людей. Американо-австрийский социолог П. Бергер, придавая большое значение роли социологии в проникновении в неизвестное, сравнивал социолога с *разведчиком*. Многие социологи, в том числе и отечественные, говоря о функциях социологии, считают, что социолог – это **аналитик, соучастник управления, прогнозист**. На наш взгляд, его лучше сравнить с **социальным врачом**, который проводит анализ и диагностику состояния тех или иных процессов и на этой основе делает выводы, а если необходимо, то и дает рекомендации, как поступать в сложившейся ситуации.

Поступила в редакцию 27.03.08.

ЙОРАН ТЕРБОРН,
АКАДЕМИК ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО: ВОПРОСЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОБЪЯСНЕНИЯ

Рассматриваются три главных вопроса: что такое глобализация, какие типы неравенства являются главными в условиях глобализации и как можно теоретически объяснить глобальные результаты растущего неравенства в мире.

The paper deals with the three fundamental issues: What is globalization? What kinds of inequality are considered as major ones under globalization? What are the theoretical explanations of the global outcomes of growing inequality in the world?

Название данной статьи относится к трем совокупностям фундаментальных вопросов, противоречивых и до сих пор не разрешенных представителями социальных наук, не говоря об обычных гражданах. Два из них, по сути, относятся к концептуальным, или теоретическим, один – и к концептуальным, и к эмпирическим.

Первый: что такое глобализация? Как ее следует концептуализировать?

Второй: какие виды неравенства следует различать? Каковы самые существенные и каковы основные процессы, производящие неравенство?

Третий и самый главный: как следует объяснять глобальные результаты неравенства, которые мы наблюдаем и испытываем на себе? Какие силы и процессы за них отвечают?

Ни на один из вышеперечисленных вопросов нет (и нельзя ожидать) одного прямого и однозначного ответа. Цель данной статьи – способствовать прояснению альтернатив и их содержания, обосновать определенную концептуально-аналитическую точку зрения и представить некоторые эмпирические аргументы для обоснования многогранного подхода к объяснению производства неравенства в мире. Глобализация и неравенство – это два перекрестка социальных наук и социальной философии. Автор подходит к ним с позиций социолога и политолога.

1. Что такое глобализация?

По существу, имеется три ответа на данный вопрос. Самый простой и очевидный состоит в том, что глобализация – это все, что мы хотим этим словом назвать. Таков последовательно номиналистический ответ. Концепт – инструмент, а не сущность. Однако подобный ответ требует двух незамедлительных оговорок: относительно коммуникации и познания. Если вы хотите успешно коммуницировать с другими людьми, уникально-оригинальное определение принесет мало пользы. Кроме того, использование новых понятий должно быть мотивировано их вкладом в производство нового знания. Таким образом, лучше бы понятие глобализации обозначало что-то новое в этом мире.

Другой возможный ответ предполагает, что данное понятие следовало бы поместить в контекст текущих дискурсов и уже, возможно, оттуда продолжать оттачивать индивидуальные определения. С конца 1980-х гг. понятие глобализации возникло по крайней мере в пяти важнейших типах дискурса.

Главным из них является экономический тип, относящийся к новым формам торговли, инвестиций, производства и предпринимательства. Второй известный дискурс, обычно производный от первого, – социально-политический – концентрирует внимание на уменьшившейся роли государства и

общества в его границах (state-bound). В-третьих, глобализация возникла как центр социально-критического дискурса и протеста, как новая, или современная, форма враждебных сил, как главный враг социальной справедливости и культурных ценностей. Отметим и два других более узких, но также значимых дискурса. Это культурный дискурс (антропологии и культурологии), на первый план выдвигающий глобализацию как культурные потоки, культурные столкновения и культурную гибридность. И наконец, в форме глобальной ответственности глобализация является частью экологического дискурса и проблематики окружающей среды в планетарных масштабах. Каждый из этих дискурсов движим своей собственной динамикой без оглядки на остальные.

Третий ответ на вопрос о том, что же такое глобализация, рефлексивный и гласит, что «глобализация понимается по-разному, но для целей научного социального анализа, я думаю, данная трактовка является наиболее плодотворной по следующим причинам».

В этом русле мы можем предложить такое определение. Как концепт социальной теории и социального анализа «глобализация» должна удовлетворять трем критериям: 1) у нее должно быть точное значение, желательное семантически к чему-то привязанное; 2) оно должно быть пригодным для использования в эмпирических исследованиях и иметь широкую сферу применения; 3) этот концепт должен быть абстрактным и не содержать каких-либо априорных утверждений конкретного содержания.

На основе этих рассуждений, я думаю, будет продуктивным определить глобализацию как концепт, относящийся к **тенденциям социальных явлений мирового охвата, воздействия или связности или к общемировой осознанности среди социальных акторов**. Данное определение близко к этимологии слова. Оно превращает концепт в эмпирическую переменную, наличие которой может быть установлено или опровергнуто и в принципе измерено. В то же время оно агностическое и широко открытое возможным конкретным паттернам глобализации, а также не отвечает *a priori* на вопрос: глобализация – это хорошо или плохо?

Но глобализация – это больше, чем концепт. Это также аналитический и шире – дискурсивный фокус или перспектива. Как таковая, она используется в некоторых важных мировоззрениях, которые можно зафиксировать с помощью двух измерений. Одно мы можем назвать «измеряемостью» – оно относится к тому, как воспринимается текущее содержание глобализации: как всеобъемлющее, фундаментально, первично единое – экономическое, культурное или экологическое – или же как нередуцируемое, возможно даже противоречиво-многогранное. Другое измерение можно назвать «историчностью»: глобализация рассматривается как составляющая суть прорыва в современной истории человечества или же современная глобализация рассматривается либо как новая волна старого исторического явления, либо как текущее проявление постоянно идущих процессов социального изменения (табл. 1). Два вектора в каждом измерении составляют четыре основные позиции.

Таблица 1

Видение глобализации

Историчность	Измеряемость	
	Одномерная	Многомерная
Уникальность	1. Странники экономического / культурного прорыва	2. Странники социологического прорыва
Повторяемость	3. Экономические историки	4. Социологи истории

Примечание. Данная конфигурация была навеяна схожей идеей Дж. Голторпа в октябре 2000 г. на нашем семинаре «Глобальные процессы неравенства».

Среди этих позиций в отношении глобализации четвертая обещает быть наиболее познавательной. Ее исторический подход ведет к плодотворным

историческим сравнениям, наверное, более всего с волной глобализации со второй половины XIX в. до Второй мировой войны, но также и с более ранними волнами: от установления «мировых религий», завоевания Америк и далее. Вопрос о том, насколько сильный прорыв влечет за собой текущая волна, остается открытым как эмпирический, а не как утверждаемый изначально. Сложность и осторожность не всегда являются научной добродетелью, это правда, и за деревьями можно не увидеть леса, но фокусирование на глобализации одного вида явлений не позволяет видеть различных противоречивых глобальных процессов, относящихся, например, к капитализму, культуре или нормативности (права человека).

Как переменная глобализация может охватывать бесконечное множество аспектов социальной жизни. Она может варьироваться в степени пространственности от мультиконтинентальной до общепланетарной. И ее могут вызывать различные движущие силы. В общем, данный концепт относится к множеству социальных процессов, и, таким образом, данное слово лучше употреблять во множественном числе – глобализации.

Многомерность глобализации можно проиллюстрировать набором ключевых социальных переменных, которые пригодились мне в качестве простейшего компаса систематичности в сравнительном социальном анализе (см. Therborn 1995). В этом русле глобализация может повлечь за собой процессы социального структурирования, например разделение труда, установление прав, распределение благ и доходов, типичные виды рисков и возможностей во времени.

Она также может включать процессы инкультурации, формирования идентичностей, определения и распределения знания, формирования ценностей и института норм, конструирования и восприятия символических форм.

Также глобализация может затрагивать социальное действие: одно- или взаимнонаправленное, рассеянное индивидуальное или коллективное, имеющее характер согласия или конфликта.

Динамику таких глобализаций можно рассматривать как интерактивную или как системную, приводимую в действие экзогенно или эндогенно указанными акторами или их совокупностью (более подробно см.: Therborn 2000a). Однако, чтобы понять глобализацию как каузальную силу, ее лучше определить через совокупность глобальных или транснациональных процессов. Для того чтобы объяснить неравенство в мире, по крайней мере три вида таких процессов являются критическими. Первый – формирование как акторов, так и их обстоятельств под воздействием прошлой транснациональной истории; второй – современные потоки торговли, капитала, людей и информации; наконец, современная запутанность и наложение локальных и глобальных акторов и институтов. На этих глобальных процессах мы остановимся ниже.

Современные глобализации исторически не уникальны, во всяком случае не больше, чем в том тривиальном смысле, что каждое событие можно назвать уникальным. В смысле тенденций к глобальному охвату и влиянию, я думаю, можно различить, как минимум, шесть исторических волн, где первой было распространение мировых религий и установление транснациональных цивилизаций в IV–VII вв. н. э. До сих пор все волны со временем иссякали. За ними следовали длительные или короткие периоды деглобализации. Но одна волна не следовала за другой и не проистекала из нее, что означало бы, что спад одной волны мог совпасть по времени с подъемом новой.

Насколько я могу видеть, в волнах глобализации нет признаков чего-либо выразительно-циклического, но у них есть определенные общие черты. Все волны были многомерными, охватывали военно-политические, экономические, культурные силы и процессы, причем каждая из них имела одну господствующую движущую силу. До сих пор подъем волн происходил от расширения влияния и воздействия индивидуальных акторов, а не от интенсификации системных процессов. Но каждая волна тяготела к созданию

определенной глобальной системности, будь то мировая религиозная культура, империя, мировой рынок или система мирового конфликта. Когда волна убывала, и в еще большей степени, когда за ней следовала фаза деглобализации, эта системность ослабевала или утрачивалась (Thebourn 2000a). Другими словами, есть мало причин рассматривать текущую глобализацию как конечную станцию общественной истории.

2. (Не)равенство чего? Между кем и кем? Каким образом?

Едва ли были времена, когда равенство являлось очевидным благом среди равных. Сторонники эгалитаризма вынуждены доказывать свою правоту перед индивидуальным и культурным разнообразием, в отношении индивидуализма, различия, плюрализма, мультикультурализма и возврата к генетицизму. Я не буду предпринимать здесь попытки выстроить развернутую этическую дискуссию, и нижеследующее исходит из моральной аксиомы о фундаментально равной ценности абсолютно каждого человеческого существа, которое выступает в качестве такового. Однако с учетом этой этической предпосылки о равной человеческой ценности и эмпирического факта огромного человеческого многообразия какие же виды неравенств являются социально и морально важными?

Лучший ответ на этот вопрос, на мой взгляд, произведен, во-первых, от человеческой способности действовать и функционировать и, во-вторых, от социальной проектируемости. Первую развивает Амартия Сен (1992, 2000) как индивидуалистскую эгалитаристскую альтернативу утилитаризму, которая отсылает к неравенству в отношении качества жизни, состояний и действий, на которые способна личность. Вторая еще не была эксплицитно сформулирована как теоретический принцип, но она касается сверхгенетической культурной способности людей создавать большое многообразие жизнеспособных обществ.

Здесь следует подчеркнуть в качестве вывода фундаментальную многомерность базового неравенства. Настолько же, насколько глобализацию невозможно свести к мировой торговле и потокам капитала, глобальные процессы существенного (не)равенства не сводятся к распределению национального ВВП на душу населения или доходов домохозяйства/индивида, как бы важны они ни были. От общего аргумента Сена можно пойти по направлению установления конкретных индикаторов, как в Докладах ООН о человеческом развитии (Индекс развития человеческого потенциала^{**}), или составления «перечней основных способностей» (Nussbaum 2000, 78–80^{***}) или же «компонент уровня жизни^{****}».

^{*} В структурном марксизме, классовой структуре и ее ядре – эксплуатации – всегда был фокус на неравенстве, которое четко отграничивалось от шансов индивида на мобильность в рамках данного социального положения. «Проектируемость» – это более политико-ориентированная формулировка той же идеи, отсылающая к недавней важной переформулировке изменчивой социальной структуризации неравенства (Claude Fischer et al., *Inequality by Design. Cracking the Bell Curve Myth*. Princeton, 1996).

^{**} Индекс развития человеческого потенциала включает продолжительность жизни, образовательные навыки (грамотность плюс среднее и среднее специальное образование) и (обесцененная ценность) ВВП на душу населения (при паритетах покупательной способности).

^{***} Перечень М. Нуссбаум включает: жизнь нормальной продолжительности; физическое здоровье; физическую целостность как отсутствие насилия и сексуальной либо репродуктивной дискриминации; чувства, воображение и мысль, т. е. способность использовать их «действительно по-человечески»; эмоции, способность иметь привязанности, быть свободным от всепоглощающего страха и травмы; практический разум, т. е. способность формировать концепции добра; привязанность, включающую социальные основы уважения к себе и другим; другие виды, способность жить с заботой о природе; игру, способность смеяться, играть и отдыхать; контроль индивида над политическим и материальным окружением.

^{****} Релевантный, эмпирически обоснованный перечень (не)равенств можно сформулировать на основе шведского и скандинавского опросов по уровню жизни; он включает десять компонентов: питание, здоровье и доступ к медицинским услугам, трудоустройство и условия труда, экономические ресурсы, знания и доступ к образованию, семейные и социальные отношения, жилье и сферу услуг в регионе проживания, отдых и культуру, безопасность жизни и собственности, политические ресурсы.

Мы можем на мгновение решить перейти на более низкий уровень абстракции, при этом оставаясь на почве общей аналитической теории, с целью создания чего-то более общего и/или управляемого, чем перечень индикаторов или длинный перечень элементов. Неравенство способностей или жизненных шансов, если использовать классическое понятие, тогда можно рассматривать как сумму ресурсов и сред. И ресурсы, и среды существенны для способности достигать состояний и действий, которые у личности есть причины ценить. Но если ресурсы могут распределяться между индивидами, то среды указывают на отсутствие или наличие контекстов доступа и возможностей выбора. Соответствующие среды, в свою очередь, можно подразделить на витальные и экзистенциальные, где первые относятся к среде человеческих организмов, а вторые – к обстановке человеческого существования.

В целом, я считаю, что у людей есть три наиболее важных вида неравенств.

Витальное неравенство – прежде всего неравенство ожидаемой продолжительности жизни и здоровья, но оно может также относиться к другим жизненным качествам сред и их распределению.

Экзистенциальное неравенство значимо социально, морально и политически и отличимо от экзистенциального различия между людьми в своей категориальности и институционализированности. Расизм, дискриминация по половому признаку, социальные иерархии в виде каст или классов – все это показательные примеры.

Ресурсное неравенство относится к распределению ресурсов, считающихся ценными в данной социальной системе, будь то земля, верблюды, образование или деньги. Оно также может включать социально обрисованные права – от родственных обязанностей до социального пособия.

В литературе по вопросам распределения глобальных доходов продолжается дискуссия о том, следует ли измерять последние в соответствии с обменным курсом валют или с внутренней покупательной способностью, оцениваемой по так называемым паритетам покупательной способности (ППС). Это не просто технический вопрос, так как эти две меры рисуют весьма разные картины того, что же происходит с неравенством доходов в мире. С точки зрения обменных курсов разрыв между богатыми и бедными нациями значительно увеличился за последние десятилетия XX в. В 1960 г. ВВП на душу населения в странах, составляющих 20 % самых богатых стран мира («верхний квинтиль»), в 30 раз превышал данный показатель в странах, составляющих 20 % беднейших стран («нижний квинтиль»), в 1990 г. – в 60 раз, в 1997 г. – в 74 раза (UNDP 1999: 3). Но в расчете на ППС отношение богатых к бедным сократилось с 15 в 1965 г. до 13 в 1998 г. (рассчитано по: Melchoir et al. 2000: 45). Если сравнивать экономические ресурсы домохозяйств, то в большинстве случаев лучшей единицей измерения является внутренняя покупательная способность, хотя ее оценка пока еще методологически не выверена и в ряде случаев, когда анализируются, например, выплаты по долгам и условия международной торговли и туризма, более адекватной единицей измерения являются текущие обменные курсы валют (ср. Wade 2001).

2.1. Неравенство между кем и кем?

Все разговоры о неравенстве касаются определенной категории людей. Об этом важно помнить, потому что данная категория непостоянна и действительно значительно изменялась во времени и пространстве. Неравенство между поколениями, семьями, родословными, расами и между широкими профессиональными объединениями, кастами, сословиями, классами было предметом интереса еще в древние времена. Неравенства между нациями, полами, возрастными группами, регионами и среди человечества в целом стали предметом общественного интереса совсем недавно. Из практически

бесконечной совокупности потенциальных категорий лишь относительно небольшое их число уже стали релевантными. Цвет кожи – да, хотя едва ли цвет волос или глаз; этническое происхождение – да, хотя едва ли происхождение территориальное (как между выходцами из различных городов или провинций). Неравенство между профессиями отдельных индивидов также часто считается важным, но едва ли между когортами по году рождения, например, между теми, кто был рожден в 1940 г. и в 1946 г.; между широкими возрастными группами и поколениями – да, но не между, скажем, 29- и 37-летними. Тем не менее число часто используемых категорий для сравнения увеличилось достаточно, чтобы возникло даже «соревнование за внимание».

Смысл глобализации, конечно, в том, что неравенство среди всего человечества чаще становится центром внимания. Лишь послевоенный девелопментализм смог привлечь общественное внимание к вопросам неравенства между нациями мира. Текущая волна глобализации начинает включать другие человеческие категории в глобальное сравнение: женщины мира, дети мира, домохозяйства по всему миру.

Распределение мирового дохода не обязательно одинаковое, если мы возьмем его как распределение по нациям, скажем ВВП на душу населения, и если мы посмотрим на доход домохозяйств по всему миру. Обстоятельства развития между странами и внутри страны могут значительно различаться. С 1965 по 1992 г. неравенство между странами значительно увеличилось, тогда как неравенство внутри стран в целом по миру скорее уменьшалось. Из этих двух тенденций первая проявилась сильнее (Korzeniewicz and Moran 1997: 1016). В 1990-х гг. основная тенденция сменилась на противоположную, когда самые густонаселенные бедные страны (Китай, страны Южной Азии) немного догнали Запад за счет энергичного национального роста, что не только вызвало значительное усиление неравенства внутри стран, но и повысило уровень мирового неравенства в целом (Milanovic 2000; Cornia 2001; UN 2000: table A1).

Однако есть и другие вопросы. Индивиды и домашние хозяйства являются частью общин – этнических, религиозных, территориальных и прочих, и неравенство внутри общины выступает важной частью представлений многих людей о справедливости, хотя этому аспекту часто не уделяется должного внимания в международной академической и политической литературе (Kanbur 2000: 825). С другой стороны, с недавних пор растет международное внимание к вопросам равенства внутри домашних хозяйств, в частности между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами.

Обеспокоенность по поводу неравенства, в отличие от вопроса о бедности, – это обеспокоенность по поводу того, как структурировано все общество, а не только о последствиях для самых бедных. Как таковая, озабоченность неравенством более связана со способностью самих людей, находящихся в невыгодном положении, к самоорганизации и мобилизации, с социальным конфликтом, с широкомасштабными социальными изменениями, а озабоченность бедностью имеет естественную филантропическую ориентацию. В политике равенства легче сфокусироваться главным образом на неравенстве богатых как объекте социальной критики. Однако моральный

* Необходимо подчеркнуть, что растущее признание вопроса бедности международными институтами не является само по себе тем же, что и обеспокоенность неравенством и социальной тканью как человеческой средой. Чили при режиме Пиночета во многих аспектах служила международным маяком неолиберализма, что может подтвердить тот факт, как чилийский режим справился с экономическим кризисом в стране в 1982–1984 гг. Неудивительно, что правительственные политики оказывали предпочтение прежде всего богатейшим 10 % населения. Поручительства по их долгам составляли 5 % ВВП. В то же время субсидии на продовольствие помогли и самым бедным 10 %. Больше всех потеряли безработные и те, кто попал во второй и третий дециль (Bourguignon and Morrisson 1992: 43). Неравенство в Чили подскочило по индексу Джини с 53 в 1980 г. до 59 в 1989 г. (Londoño and Székely 1997: 40).

эгалитаризм утверждает, что неравенство бедных – важнее всего, т. е. что это самая важная задача изменения, поскольку неравенство бедных приводит к их исключению из нормального полноценного участия в жизни общества.

В той степени, в который вы соглашаетесь с последним аргументом, он имеет несколько аналитических импликаций. Благодаря ему измерения относительной бедности становятся важными измерениями неравенства. На национальном уровне она сейчас измеряется долей населения, доход которой составляет менее половины медианы национального дохода, находящегося в распоряжении людей. Иногда она также измеряется соотношением медианного дохода к доходам 90-го перцентиля. Хотя они в значительной мере коррелируют, неравенство богатых и неравенство бедных могут варьировать независимо друг от друга. Чрезвычайное неравенство Латинской Америки – это прежде всего неравенство беднейших 30 %, получающих (относительно) меньше, чем соответствующие 30 % в Африке или еще где угодно, но это также, особенно в таких странах, как Чили и Мексика, неравенство наиболее привилегированных 10 % (Inter-American Development Bank 1998: 11, 16).

2.2. Формы и механизмы неравенства

Фундаментальные вопросы неравенства не следует рассматривать лишь как отправную точку для этической рефлексии по поводу справедливости и свободы. Они также поднимают эмпирические вопросы социальной организации, а именно: с какими формами неравенства мы сталкиваемся? Как они производятся? Мы можем назвать их способом производства ценностей, что будет означать процессы определения ценных ресурсов, сред и механизмов их образования.

Ключевые вопросы относительно способа производства ценностей включают, во-первых, число достижений или владений, имеющих высокую ценность, и, во-вторых, степень конвертации или не конвертации ценных вещей друг в друга. Если имеется одна высшая ценность, скажем деньги, или если деньги и все другие высокие ценности легко конвертируются друг в друга, мы имеем дело с одной формой неравенства – вертикальной монетарной лестницей. Если есть две или более высокие ценности, которые с трудом превращаются друг в друга, как, например, различие между экономическими и культурными ресурсами (см. П. Бурдые 1979), то мы получаем другие, сегментированные, формы неравенства (ср. Walzer 1983).

Получаемые формы неравенства можно дифференцировать по количеству социальных «закрытий» и по тому, является ли закрытие изначально вертикальным, отгораживающим низших от высших или же своим от чужих. Последнее различие, конечно, не совсем чистое: чужие – это часто и низшие, но так случается не всегда, и здесь возможны различные варианты.

Таблица 2

Основные формы неравенства

Пограничные закрытия	Основное упорядочение	
	Вертикальное (высший / низший)	Горизонтальное (свои / чужие)
Единичное (монополия)	Доминирование / Поляризация	Исключение / Маргинализация
Множественное (дифференциация)	Иерархия	Сегментация

Если доминирование обычно означает политическое разделение власти и поляризацию одного из экономических ресурсов и ориентаций акторов, то иерархия может представлять собой как организационную структуру, так и неофициальную лестницу, например, доходов.

Единичное закрытие как характеристика исключения, конечно, может исключить ряд различных совокупностей людей из участия в процветающем обществе или их маргинализировать. Гражданство, или скорее натурализа-

ция – законное право жить на данной территории, – стало основной формой исключения, а не просто сегментации, отделяя чужестранцев от собственно жителей; формой, приобретающей все большую важность из-за того, что мир становится более иерархическим и иерархически взаимосвязанным.

Сегментация – это еще одна форма неравенства, главным образом горизонтальная, а не вертикальная, и она не обязательно требует какого-либо категориального закрытия. Мультикультурализм может функционировать путем сегментации, как и различие в образах жизни. Политика идентичности может быть сегментированной, как и исключаящей.

Однако главным вопросом чаще является не «Как выглядит неравенство?», а «Как оно производится? Какие социальные механизмы при этом действуют? Почему существует неравенство, которое мы видим?».

Сейчас нам важно понять вид социального взаимодействия, который производит определенный распределительный результат. Это взаимодействие как бы подвешено между двумя полюсами. На одном полюсе мы имеем дистанцию, достигнутую А, который обогнал В, потому что у А были лучшие изначальные условия, больше образования, удачный старт или просто больше усилий. Дистанция между А и В не создается никаким взаимодействием, но А и/или В, как и наблюдатели с их стороны, могут считать ее важной. Процесс на данном полюсе может быть обозначен как дистанциация. На другом полюсе А производит неравенство по отношению к В благодаря ценным вещам, которыми В снабжает А. На этом полюсе мы имеем неравенство путем эксплуатации. Эксплуатация (более подробно см.: Tilly 1998) включает категориальное разделение между высшими и низшими людьми, где последние должны производить ценности для первых или где более сильные извлекают львиную часть ценности в соответствии с какой-то изначальной отметкой у более слабых (Miller 1999: 204-5).

То, что находится между дистанциацией и эксплуатацией, это не просто континуум. Можно выделить еще два других механизма, производящих неравенство. Исключение означает создание препятствий продвижению вперед или доступу других. Как объяснительный механизм исключение лучше рассматривать как переменную, а не как категорию, как набор препятствий, поставленных перед людьми, набор, который включает препятствия самого разного рода, а также закрытые ворота. Существует и вид неравенства, происходящий от институционализованного ранжирования социальных акторов, с высоким рангом у одних и низким у других. Это неравенство путем супер- и субординации.

Эти четыре механизма кумулятивны, они формируют лестницу в ад или рай неравенства в зависимости от того, с чьего конца мы ее наблюдаем: наказанных или вознагражденных. Исключение может означать не более чем препятствие доступа тем, кто не является частью группы, не-членам или негражданам, без всякого обязательного вертикального ранжирования. Однако для других видов неравенства (кроме чистой сегментации) механизм исключения становится эффективным и важным в той степени, в какой исключаящие барьеры или преграждающие препятствия ставятся теми, кто в каком-то смысле идет впереди остальных, или теми, кто находится внутри чего-то ценного, по отношению к тем, кто находится снаружи. Обычным аспектом исключения является маргинализация исключенных, когда их отталкивают от средоточия ценностей к краям общества.

Чтобы институционализировать супер- и субординацию, необходимо присутствие каких-то преграждающих разделителей между «высшими» и «низшими». Это не подразумевает какой-либо необходимой хронологической последовательности. Порядок носит скорее логический характер: исключение без супер-/субординации возможно, но не наоборот. Субординация влечет состояние исключенности из чего-либо. Наконец, эксплуатация предполагает дистанциацию, исключение и институционализированные пре-

восходство/неполноценность, а затем прибавляет ко всему этому изъятие ресурсов у «низших». Причем, в отличие от грабежа, эксплуатация – это институционализованная форма социального взаимодействия.

Исключение, супер-/субординация и эксплуатация – все это переходные механизмы неравенства, которые, в отличие от дистанциации, напрямую ставят обделенных в невыгодное положение.

Поскольку равенство противоположно неравенству, следует предположить наличие механизма равенства – механизма уравнивания, соответствующего механизмам неравенства. Представим их в табл. 3.

Таблица 3

Механизмы (не)равенства

Механизмы неравенства	Механизмы равенства
<i>Дистанциация</i> , т. е. опережение	<i>Компенсационное расширение возможностей</i>
<i>Исключение</i> , входные барьеры, препятствия, маргинализация	<i>Включение</i>
<i>Супер-/ субординация</i> : институционализированное ранжирование, касты, расизм, дискриминация по половому признаку	<i>Получение прав, власти</i>
<i>Эксплуатация</i> : изъятие ресурсов	<i>Перераспределение</i>

Для полноценной теории производства неравенств изложенные концептуализации, несомненно, потребуют дальнейшей разработки, в особенности их соотношения и отношение механизмов, производящих неравенство, к его формам, где, например, дистанциация может создавать поляризацию, а равное – иерархию или поляризацию. Но эту задачу мы оставим для других исследований. Взамен мы попытаемся впервые рассмотреть, как разработанные к этому времени инструменты могут пролить свет на неравенства мира.

3. Глобальные последствия: национальные или глобальные процессы?

Нет сомнения в том, что наш мир абсолютно неравен. Глобальные результаты также очень неравны, например: национальный ВВП на душу населения, доходы домашних хозяйств и представителей разных полов, ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования у разных наций, классов, полов и т. д. В отношении большого количества ресурсов, сред и перспектив можно осуществить глобальное ранжирование помех и преимуществ. В середине 1990-х гг. доход наиболее процветающей десятой части домохозяйств мира более чем в 80 раз превышал покупательную способность 10 % беднейшего населения мира (рассчитано по: Wade 2001: табл. 3). Обратите внимание: мы здесь не говорим о сверхбогатых или о группе отверженных бедняков, а говорим о (немногим более чем) 600 млн людей наверху и стольких же – внизу.

Однако являются ли эти глобальные последствия результатом глобальных процессов – уже совершенно другой вопрос. Глобальные последствия не обязательно производить глобально. Производятся ли они глобально и в какой степени – вопрос эмпирический. Априори они могут быть и результатом локальных, или национальных, процессов, обеспечивая локальных или национальных акторов различными ресурсами, энергией, навыками и удачей. Тогда глобальное неравенство будет результатом дистанциации – того, что одни локальные акторы опережают всех остальных. Если бы я бежал наперегонки с атлетами мирового уровня, я бы, конечно, прибежал последним. Но это было бы следствием моего жизненного курса как неатлетичного ученого, а не результатом какого-либо из глобальных процессов в атлетике.

Если относить по причинам управляемой сложности все субнациональные процессы к категории «национальных» – в смысле «в рамках государства», тогда можно утверждать, что глобальные неравенства могут возникать

коть из различных сочетаний глобального и национального. Перечислим лишь главные альтернативы.

1. Главным образом национальные силы неравенства:

Внутригосударственные процессы неравенства плюс межгосударственная дистанция, вызванная неравным ростом и развитием, включая возможность глобальных процессов неравенства или равенства, но более слабых, чем национальные процессы неравенства.

2. Глобальная история и национальное неравенство:

В настоящее время – как в случае 1, но принимая во внимание, что фактически все существующие государства оформились в результате транснациональных процессов.

3. Главным образом глобальные процессы неравенства:

Исключения, супер-/субординации и/или эксплуатации, сокрушающие национальные усилия по достижению равенства или еще более поддержанные национальными силами неравенства.

Каждый из трех наборов сочетаний способен произвести одинаковую глобальную картину, или метрику неравенства. Поэтому тот, который является правильным объяснением, имеет огромный смысл морально и политически, хотя ужасное неравенство в мире – любого происхождения – должно быть моральной заботой каждого, кто верит, что у всех людей должен быть шанс на достойную жизнь. Вопрос еще более усложняется признанием того, что неравенство может быть различных видов. У нас нет оснований *a priori* предполагать, что, скажем, витальное, экзистенциальное и ресурсное неравенства в мире имеют одинаковую динамику.

3.1. Объяснительная рамка

Чтобы вообще понять, как объяснить глобальное неравенство, мы должны начать с национального государства и внутригосударственных национальной экономики и общества как основной непосредственной детерминанты уровня жизни людей. Нация в этом смысле ни в коем случае не является закрытой системой, и ее первенство вполне может разрушаться и может быть исключено в качестве детерминанты ее уровня жизни для определенных социальных категорий. Но нация кажется наиболее адекватным элементом, с которого можно начать причинно-следственную цепочку. Границы гражданства и даже более – натурализации решающим образом влияют на жизненные шансы большинства людей. Экономические и неэкономические социальные отношения в значительной степени формируются по образцу экономики и общества в границах государства. Современное национальное государство имеет огромные возможности в размещении и перераспределении ресурсов, напрямую контролируя от одной до двух третей ВНП всех наиболее развитых стран мира.

Глобальность оказывает влияние на данное национальное определение человеческих возможностей с трех сторон: глобальной истории, глобального распространения и глобальной запутанности.

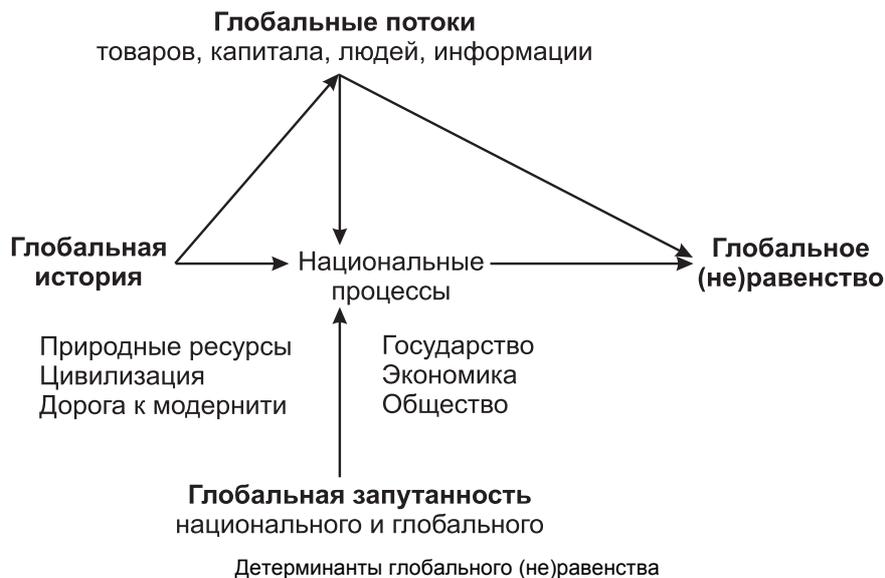
Все современные национальные государства, национальные экономики и общества были населены, культивированы, связаны воедино и локализованы в мире внациональными силами и процессами. Глобальная история лежит тяжелым грузом на всех них. Именно здесь необходим анализ мировых систем и различных путей к модернити. Однако независимо от пути, независимо от формы эта глобальная история привела к возникновению социальных систем со своими политическими, экономическими, социальными и культурными свойствами и собственными движущими силами, включая специфические возможности использования своего географического положения в мире, в рамках государства. Эти движущие силы составляют национальные процессы размещения и распределения.

В своем теперешнем функционировании нации мира подвержены влиянию двух текущих видов глобальных процессов. Наиболее явные из них –

глобальные или по крайней мере транснациональные потоки товаров и услуг, капитала, людей, а также (не будем забывать) потоки информации и идей. (Для витального неравенства транснациональные потоки болезней, таких как чума в прошлом и СПИД сегодня, также могут иметь большое значение.) Эти потоки обладают собственной характерной общей динамикой, которая по сути своей одна и та же, каким бы ни был ее масштаб – локальным, национальным, региональным или глобальным. Рыночная динамика торговли и финансов, движение миграционных цепочек, распространение знаний – у этих потоков есть прямые распределительные результаты, такие как изъятие с целью эксплуатации, исключая или включающий обмен, можно также проследить их последствия для национальных экономик, обществ, государств, в том числе перераспределительную способность последних.

Второй глобальный процесс можно назвать глобальной запутанностью, что отражает наслаивание институтов друг на друга, переплетение различных совокупностей акторов – национальных и глобальных, локальных и глобальных. Наиболее осязаемой формой такой запутанности выступает возникновение изобретательных глобальных организаций, влияющих и взаимодействующих с национальными и локальными органами управления, политиками и движениями. Наиболее влиятельными среди них являются Всемирный банк и МВФ, но есть также целая «семья» организаций ООН, среди которых наиболее значимые – ВОЗ, ЮНИСЕФ, ФАО, МОТ и ЮНЕСКО. Среди богатых стран не последнюю роль играет ОЭСР, в Европе – ЕС и Совет Европы, а на глобальном уровне – объединения вокруг сверхдержав, которые были очень важны в эпоху холодной войны. Нельзя пренебрегать (хотя они и относительно несущественны) и региональными банками развития.

Можно представить производство глобального неравенства и равенства в виде простой модели (рисунок).

Следующий шаг данного подхода к исключительно сложному вопросу о том, чем следует объяснять глобальное неравенство, состоит в том, чтобы произвести первое упорядочение наборов объяснительных переменных по их вероятной важности для различных видов неравенства. Чтобы не усложнять процесс с самого начала, давайте сконцентрируемся на витальном (продолжительность жизни) и ресурсном (доход) неравенстве.

Вопрос экзистенциального неравенства – третьего фундаментального вида неравенства – появился на мировой политической сцене во второй половине XX в. Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 г., Конвен-

ция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. и Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. обозначили по крайней мере включение обеспокоенности экзистенциальным неравенством в круг основных вопросов мировой политики. Но дискриминация и нарушения прав человека до сих пор ни в коем случае не искоренены.

3.2. Вес истории

Нет нужды здесь расписывать, что мировая история значительно повлияла на формирование современной национальной политики, экономики, общества и культуры, однако самые важные исторические моменты стоит отметить. Природные ресурсы – это не просто геологическая история. В мировом производстве и распределении их значение определялось доступной технологией. Для анализа дистрибутивных последствий, я думаю, что другими наиболее важными историческими переменными являются «цивилизация» как крупномасштабное культурное образование с историческим ядром религии и выбранная дорога к модернити .

Несомненно, большинство сегодняшних национальных государств обязаны своим происхождением различным внешним трансокеаническим и межконтинентальным силам: обе Америки, практически вся Африка, практически вся Азия с небольшими исключениями, среди которых самые значимые – Китай и Япония. Долговременные травматические последствия колониального завоевания с социальным разрушением, плантационным рабством и этнической колониальной эксплуатацией, характерной для хартландов Испанской Америки и колоний XIX и XX вв., но не для геноцидальных поселений Северной Америки, южной части Америки и Австралии, давно установлены и известны. Правда, их следы часто стираются из памяти тех, кто от этого выиграл, тех, кто со своих баз в районе Северной Атлантики и на северо-восточном побережье Тихого океана господствуют в современной социальной науке** .

Историческое наследие также можно анализировать с точки зрения различных путей к модернити: эндогенного европейского (реализованного прежде всего в Северо-Западной Европе); поселенцев Нового Света; колониальной зоны; наконец, стран реактивной модернизации (Therborn 1999). Благодаря этому подходу обнаруживаются пути сравнительного изучения истоков современных региональных характеристик, таких как необычайное неравенство Латинской Америки (эксколониальное, негеноцидальное), особый элитизм образования в Южной Азии или специфически африканская пропасть между городом и деревней и исключительно сильная африканская тенденция к хищническому государству.

Но чтобы определить вес истории в современных паттернах распределения, нам следует быть более систематичными. Для этого необходимо взглянуть на XX в. с точки зрения определенных аспектов неравенства. Давайте остановимся на витальном и экономическом неравенстве: чем больше последствия глобального распределения в конце XX в. будут напоминать паттерны начала века, значит, тем больше история на них повлияла.

Таблицы смертности с расчетами ожидаемой продолжительности жизни при рождении не простираются в глубь веков. Но у нас имеются более длительные последовательные записи коэффициентов младенческой смертности – решающего показателя при расчете ожидаемой продолжительности жизни при рождении, хотя, как и все исторические данные, они рассчитываются с определенной долей ошибки (табл. 4).

* Об основных исторических дорогах к модернити более подробно см.: Therborn 1995: гл. 1.

** О соответствующих основных механизмах, работающих здесь, см. Tilly 1998 и Patterson 1998 о категориальной эксплуатации и длительных эффектах плантационного рабства.

Относительные коэффициенты младенческой смертности по избранным странам, 1900–1999 гг.

Страна	1900 г.	1950 г.	1999 г.
Франция	(162=)0	(52=)0	(6=)0
Испания	52	12	1
Россия	90	29	12
США	-19	-13	1
Аргентина	22(a)	16	16
Мексика	180(b)	44	25
Египет	53(c)	78	45
Индия	83(d)	85	66
Япония	64(a)	8	-2
Шри-Ланка	32(e)	30	12

Примечание. Относительные коэффициенты, расстояние до исходной величины, где Франция за каждый год =0; а – за 1920–1925 гг. в сравнении с Францией за тот же период; b – за 1900-е гг. в сравнении с Францией за тот же период; c – за 1920-е гг. в сравнении с Францией за тот же период; d – за 1910-е гг., в сравнении с Францией за тот же период; e – за 1901–1905 гг. в сравнении с Францией за тот же период. Корреляция: 1900–1950: 0,52; 1900–1999: 0,39; 1950–1999: 0,95.

Источники: J.-C. Chesnais, *The Demographic Transition*. Oxford, 1992, табл. A4.2–5; UN. *The State of the World Population*, 2000, интернет-версия.

В ходе XX в. младенческая смертность, а с ней и ожидаемая продолжительность жизни стали более равными в масштабах мира. В начале XX в. – нехватка и ненадежность большинства данных из стран третьего мира иногда требовали сравнений по десятилетиям – общее глобальное различие между 9 странами по уровню смертности в отношении к Франции как представителю Западной Европы составило 597 тысячных пункта, в 1950 г. оно уменьшилось до 305, а в 1999 г. достигло 180. Стандартное отклонение уменьшилось с 55,5 до 32,1 и затем до 21,9 соответственно. Относительные различия возросли, сумма отклонений от Франции, деленная на абсолютные данные по стране, выросла от 3,7 до 5,9 и подскочила до 30 в 1999 г.

Относительное передвижение было ограничено, и историческое наследие тяжелой ношей легло на относительную судьбу младенцев только что завершившегося столетия. Южная Европа, представленная здесь Испанией, и Япония «догнали и перегнали» остальные страны. США утратили свое лидерство, а Мексика показала результаты лучшие, чем многие другие страны третьего мира, хотя следует отметить, что данные по Египту в табл. 4 отражают состояние в 1920 гг. и, вероятно, они были значительно выше в 1900 г., а значительная дистанция Мексики от Индии в начале века вызывает сомнение, хотя другие данные показывают, что коэффициент общей смертности в Мексике в 1920–1930-х гг. был выше, чем в Индии. После Второй мировой войны наблюдалось абсолютное снижение смертности. Данные 1950 г. точно прогнозируют 90 % результатов 1999 г. Вес истории, конечно, играет роль и в глобальном изменении доходов, и в этом отношении экономические историки сделали гораздо больше оценок, чем исторические демографы (табл. 5).

Сегодня мировая история – это большая часть нашей жизни. Богатейшие регионы мира в начале XXI в. те же, что и в 1820 г.: англоязычная Северная Америка и Северо-Западная Европа, за которыми следует Южная Европа. Япония во второй половине XX в. – единственная страна, присоединившаяся к Клубу богатых^{*}. XIX в. стал свидетелем небывалого подъема европейских поселений Нового Света, включая Аргентину, и еще более значительной стагнации Азии, тогда как Европа рванула вперед следом за своими заокеанскими отпрысками. Стоит отметить, что Япония также тяну-

^{*} Не считая некоторых крошечных нефтяных эмиратов, Кувейта и Катара, а также перевалочного пункта города-государства Сингапур.

лась в общем азиатском хвосте, хотя и не была так далеко, как Китай и Индия. Другие успешные Восточно-Азиатские страны конца XX в. к 1900 г. тоже справлялись лучше, чем два классических центра цивилизаций Юго-Восточной Азии. Индиано-креольская и афро-креольская Латинская Америка также понесли потери в XIX в. Африка в 1900 г. была очень бедна, а ее часть к югу от Сахары, несомненно, обнищала во второй половине века. Несмотря на разрушительные войны, Россией в XX в. был сделан определенный рывок: в 1913 г. ее ВВП на душу населения составил 28 % от величины показателя в США, а в 1973 г. – уже 36 % (цит. по: Maddison 1995).

Таблица 5

Относительный ВВП на душу населения в мире, 1820–1999 гг.

Страна	1820 г.	1900 г.	1950 г.	1999 г.
Западная Европа (а)	95	71	58	76
Франция	95	70	55	72
Испания	83	50	25	55
Россия	58	30	30	21
Турция	–	18(b)	14	20
Латинская Америка (с)	–	32	36	23
Аргентина	–	67	52	37
Бразилия	52	17	17	21
Мексика	59	28	22	25
Китай	40	16	6	11
Индия	41	15	6	7
Индонезия	48	18	9	8
Япония	55	28	20	79
Южная Корея	–	21	9	48
Таиланд	–	20	9	18
Египет	–	12	5	11
Гана	–	11	12	6
Нигерия	–	–	13	2

Примечание. Индекс: США за каждый год = 100; а – среднее арифметическое Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Великобритании, т. е. экономическое определение Западной Европы середины XX в.; б – 1913 г. в сравнении с США в 1913 г.; с – среднее арифметическое по Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Мексике, Перу и Венесуэле. Корреляция. 1820–1900: 0,96; 1820–1950: 0,89; 1820–1999: 0,85; 1900–1950: 0,96; 1900–1999: 0,82; 1950–1999: 0,77.

Источники: Расчеты по 1820–1950: A. Maddison. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris, 1995, табл. 1–3; 1999: World Bank. *World Development Report 2000/2001*. New York, 2000, табл. 1.

Действительно, национальное движение в XX в. было очень даже реальным. Британия и Аргентина существенно сдали позиции, как и Африка к югу от Сахары, а Финляндия и Корея, наоборот, преуспели, равно как и Япония. Китай и другие азиатские страны в настоящее время «наносит ответный удар». Недавний подъем стран Восточной Азии объясняет самую слабую историческую корреляцию между ВВП 1950 и 1999 гг. Но в целом мы все еще живем в глобальном паттерне доходов, сложившемся в XVIII и начале XIX в. Наши данные за 1820 г. правильно прогнозируют 72 % состояния на 1999 г., а по данным 1900 г. можно спрогнозировать 67 % паттерна, действовавшего через сто лет, – паттерна, где на вершине находятся Западная Европа и европейские поселения в Новом Свете, внизу – бывшая колониальная зона Африки и Азии, а в середине – неколонизированные страны реактивной модернизации и различные колониально-поселенческие амальгамы (как в большинстве стран Латинской Америки), но со значительным продвижением Восточно-Азиатского региона в конце XX в. Дисперсия за это время возросла от стандартного отклонения в 25,8 в 1900 г. до 29,3 в 1999 г.

3.3. Сила потоков

История, конечно, не воспроизводит сама себя. Историческое положение стран в глобальном распределении до сих пор воспроизводилось трансна-

циональными потоками и запутанностью, а также национальными процессами. Существует несколько способов для сохранения первоначальных преимуществ любой природы и их накопления с течением времени. Как только экономика достигла определенного уровня, «поднялась», она может поддерживать высокий уровень сбережений и инвестиций. Здоровые, сытые и хорошо образованные родители обычно производят таких же отпрысков. Благоприятная экономическая ситуация намного более, чем неблагоприятная, способствует производству и поддержанию политической стабильности, а политическая стабильность, в свою очередь, намного более склонна порождать инвестиции и производство, чем социальный раздор.

Экономические географы уже давно заметили высокую концентрацию специализированных видов экономической активности в конкретных регионах стран без каких-либо очевидных естественных для них преимуществ – и это до сих пор вызывает замешательство. Во второй половине XX в. эту идею подхватили и разработали несколько международных экономистов, сформулировав и, как говорят экономисты, смоделировав динамические процессы экономической поляризации (Krugman 1993; Krugman and Venables 1995). Было показано, как возрастающий эффект от масштаба, падающая стоимость перевозок и уменьшившаяся зависимость от фиксированных природных ресурсов создают преимущества на одном полюсе и помехи на другом, т. е. действуют как механизм исключения. Кругмановское различие центра и периферии можно рассматривать в качестве уточнения более раннего и несколько размытого тезиса И. Валлерстайна (1974 г. и далее) о противопоставлении ядра и периферии современной мир-системы. Значительную часть веса истории составляют «добродетельные» и «порочные» спирали причинности.

Классическими экономическими потоками являются потоки торговли, движение капитала и миграция. В условиях сложных моделей торговли и с недавнего времени одновременного внимания ко всем трем потокам все больше и больше признается сложное и неоднозначное влияние этих потоков на распределение, что также стало объектом оживленной дискуссии.

В реальном мире международная торговля обычно не порождает включения и конвергенции, которые обосновали либеральные скандинавские экономисты и экономические историки, такие как Виксель, Хекшер и Олин, и которые можно было наблюдать в Северо-Атлантическом регионе. В то время как протекционистские импортзамещающие экономики Латинской Америки, например, сблизилась (по ВВП) в период от депрессии до начала 1980-х гг., экспорториентированные экономики Восточной Азии фактически разошлись еще больше с 1960 по 1989 г. (Rodríguez and Rodrik 2000: 52). Большинство случаев экономического сближения среди стран Евросоюза имели место еще до того, как они стали его членами, после чего темпы сближения снижались (Therborn 1995: 196–197). Краткосрочный эффект «открытия» международной торговли и конкуренции остается предметом жаркой полемики, в то время как торговая глобализация энергично продвигается международными организациями вроде Всемирного банка. В очередном раунде этих дебатов, который состоялся в Стокгольме в октябре 2000 г., Дани Родрик (2000) впечатляюще опроверг заявление Дэвида Доллара и Арта Края (2000) о том, что «глобализирующиеся» экономики 1980-х гг. имели более высокие темпы роста благодаря их открытости. С другой стороны, однозначным было открытие отсутствия какой-либо значимой корреляции между объемом международной торговли и внутригосударственным неравенством. Это означает, что в некоторых случаях, например в Юго-Восточной Азии, открытие экономики имеет незначительный или нулевой

* Следует ожидать, что практически те же процессы лежат в основе концентрации науки и учености в небольшом количестве элитных институтов.

эффект поляризации, тогда как в других, как в нескольких странах Латинской Америки, данный эффект проявлялся позже (ср.: Wood 1997; World Bank 2000a: 70–71).

Мировая торговля идет в подавляющем большинстве между богатыми странами. На долю стран Большой семерки приходится половина глобальной торговли, ОЭСР – почти три четверти. На них не сказалось воздействие экспортного развития Восточной и Юго-Восточной Азии. Их доля в мировой торговле осталась в 2000 г. приблизительно той же, что и в 1982 г. (даже делая скидку на недавнее расширение ОЭСР, она составляет две трети мировой торговли) (OECD 2000: приложение, табл. 47; WTO 2000). Не намного вырос импорт стран, не являющихся членами ОПЕК и ОЭСР, в страны ОЭСР: с 1,6 % ВВП ОЭСР в 1962 г. до 2,4 % в 1982 г. и 3,4 % в 1999 г. Но вот структура импорта богатых стран по сравнению с классическим периодом изменилась коренным образом. В 1998 г. две трети импорта в страны ОЭСР с высоким уровнем доходов из стран с низким и средним уровнем доходов составляли промышленные товары, а в США – три четверти (World Bank 2000b: табл. 6.3).

Новый паттерн торговли дал толчок спорам по поводу распределительного эффекта глобальной конкуренции в заработной плате (Wood 1994). Рон Джоунс (2000) показывает, что даже внушающие доверие модели обладают двойственным эффектом. Окончательный результат этих дебатов состоит в том, что при сравнении богатых стран ОЭСР выявляется статистически значимый эффект неравенства от импорта из развивающихся стран, но этот эффект исчезает, если рассматривать Западную Европу отдельно, т. е. среди развитых государств всеобщего благосостояния (Gustafsson and Johansson 1999).

Влияние успешного экспорта на внутригосударственное распределение в странах Юга также варьирует. Адриан Вуд, чей достаточно широкий обзор данных выглядит скорее неубедительным (1994, р. 6.2–6.4), выдвигает гипотезу о том, что связанный с Севером промышленный экспорт обладает уравнивающим эффектом для Юга. В то же время Бханой Рао (1999), тщательно анализируя различные источники по зарплате и доходам в Юго-Восточной Азии, рисует картину, в которой преобладает устойчивая национальная, внутрорегиональная вариация с небольшим количеством национальных тенденций во времени, т. е. с конца 1960-х до конца 1990-х гг.^{*} В других странах Юга со средним уровнем доходов, таких как Мексика и Турция, открытие мировому рынку на деле увеличило дисперсию заработков и неравенство доходов (World Bank 2000a: 71). Глобальный аналитический подход к этому вопросу все еще находится в зачаточном состоянии.

В крупном историческом исследовании атлантических экономик Кевин О'Рурк и Джеффри Уильямсон (1999) свели потоки товаров, капиталов и людей в одно сравнительное исследование. Их основной зависимой переменной были реальные заработки в 1870–1910 гг., а выводами – то, что главным образом факторная мобильность объясняет конвергенцию. Прежде всего массовая миграция из Европы в Новый Свет уменьшила разницу в заработках по обеим сторонам Атлантики. Приток капитала в Скандинавию сыграл заметную роль. Для сравнения: торговля имела лишь незначительный, а в некоторых случаях и вовсе нулевой эффект.

Важным для исследования является введение в анализ текущих глобальных потоков торговли вместе с мобильностью труда и капитала. Не так давно эти потоки существенно изменили свое направление по сравнению с

^{*} Тайвань сегодня включен в сравнительное Люксембургское исследование доходов. Его данные показывают лишь небольшой рост неравенства с 1981 по 1995 г. – с 26,7 до 27,7 по индексу Джини. Этот уровень неравенства находится где-то между Скандинавскими странами и остальной Западной Европой, или, другими словами, он очень близок к тому, что представляла собой Великобритания до прихода к власти М. Тэтчер (интернет-база данных LIS).

паттернами, которые работали в конце XIX в. и почти весь XX в. и воспроизводили экономическую карту мира первой половины XIX в.

Волна глобализации конца XIX в. создала прежде всего взаимовыгодные потоки между новыми богатыми экономиками. Европа экспортировала большую часть своего населения – около 60 млн – в обезлюдевшие, богатые землей и ресурсами, но не имеющие капитала заокеанские поселения. Хотя были и другие направления миграции в тот период, прежде всего – расселение китайцев по Юго-Восточной Азии, миграция европейцев в Америку намного их превосходила. Потоки капитала из Британии – главного мирового инвестора – шли главным образом в американском направлении, тогда как французский и немецкий капитал шел прежде всего в Восточную Европу. В торговле преобладала промышленно-сельскохозяйственная/горнорудная модель, когда индустриальная Европа экспортировала промышленные товары, а импортировала продукты питания и промышленное сырье из Нового Света и Восточной Европы. Колониальные империи и их внутренние потоки занимали в этой модели периферийное положение (ср. Hobsbawm 1987: 73–74).

За Первой мировой войной последовали два десятилетия деглобализации с сокращением объемов торговли, миграции и перемещения капитала, а затем Вторая мировая война, постепенное восстановление глобализированной экономики после которой происходило в новых условиях. Советский Союз превратился в мировую сверхдержаву, возглавляющую коммунистический блок, Япония целиком вошла в круг развитых экономик, вся Западная Европа ринулась вперед, и началась деколонизация во всем мире. Однако в общем и целом связка Западной Европы и экономик европейских поселенцев в Новом Свете, существовавшая до 1914 г., из потоков капитала, теперь главным образом из США в Западную Европу – людей и торговли, установилась заново, но на более низком уровне интеграции.

Первым серьезным изменением паттерна потоков стало превращение Европы из континента эмиграции в континент иммиграции: в начале 1960-х гг. Турция, Северная Африка и Южная Азия (для Великобритании) стали основными поставщиками мигрантов, а в 1990-х гг. – Восточная Европа. В 1980-х гг. иммиграция в США снова усилилась, но уже не за счет Европы. Латинская Америка превратилась из места назначения в отправной пункт. Иммиграционная политика в Северной Америке, а позже (в 1970-х гг.) и в Австралии избавилась от расистской дискриминации, тем самым открывая дорогу значительным потокам иммигрантов из Азии. Если говорить коротко, классический Северо-Атлантический поток миграции был замещен потоком в направлении Юг – Север, хотя и меньших размеров. У этого нового миграционного паттерна должен быть эффект глобального уравнивания – как и у нового центра иммиграции в Персидском заливе, и у региональных систем миграции в Южной Африке, Юго-Восточной Азии и Западной Африке – пусть и скромного размера. До сих пор по вопросу эффектов такого рода накоплено мало системных знаний. Цифры, о которых идет речь, иногда очень значительны. В 1990-х гг. 8 % рожденного в Мексике населения проживало в США, около 10 % филиппинцев живут за рубежом. В малых нациях стран Карибского бассейна диаспора насчитывает до 10–15 % населения (Binational Study on Migration 1998; Castles 2000; International Office of Migration 2000).

Капитал по-прежнему перемещается главным образом между Северной Америкой и Западной Европой, поглощая от 3/5 до 2/3 всех потоков прямых иностранных инвестиций. Но их стремительный рост в последнее десятилетие XX в. стал свидетельством того, что может быть началом скорректированного паттерна, где более существенная часть направляется в развивающиеся страны. Этот сдвиг был вызван главным образом превращением Китая в «магнит» для иностранного капитала, получившего 1,8 % глобальных

вливаний в 1990 г. и уже 7 % – в 1998 г., а также обновленной привлекательностью Латинской Америки, увеличившей свою долю мировых капиталопотоков с 4,2 до 11 % (World Bank 2000:21; UNCTAD 1999: цифра 2 и табл. 6). В какой степени азиатский кризис 1998–1999 гг. приостановил эту тенденцию, еще предстоит увидеть, но вероятность ее остановки не так велика. Влияние кризиса все еще ощущалось в 1999 г., когда доля Восточной и Юго-Восточной Азии в стремительно возросших прямых иностранных инвестициях упала до 11 % в мировом объеме (из которых 4 % приходилось на долю Китая), почти настолько, насколько и в Латинской Америке. Однако в абсолютных цифрах сетевой поток прямых инвестиций в развивающиеся страны увеличился в 1999 г. почти в 5 раз по сравнению с ежегодными средними за 1985–1995 гг. с практически 30 до 140 млрд долларов США. Другими словами, прямые иностранные инвестиции выросли с 5 до 11 % валового прироста основного капитала в этих странах (UNCTAD 2000).

В то время как частичное изменение движения капитала может иметь краткосрочный внутренний эффект поляризации в принимающих странах, можно ожидать, что его влияние на экономический рост на Юге может уменьшить мировое неравенство.

В то же время либерализация краткосрочных перемещений капитала, насаждаемая МВФ и неолиберальными экономистами во всем мире, создала новый источник финансовой нестабильности, а последующие финансовые кризисы обычно ведут к увеличению бедности и неравенства. Финансовый кризис в Восточной Азии 1997–1998 гг. превратил 10 млн людей в нищих (World Bank 2000: 23; более подробно см.: Cornia 2001: 32ff). Подобный же эффект от финансовых кризисов наблюдался в Мексике в 1994–1995 гг. и в начале 1980-х гг. Огромное бремя внешнего долга, возложенное на себя Латинской Америкой в 1980-х гг. и Африкой в 1980-х и 1990-х гг., а также его обслуживание увеличили неравенство.

Гораздо менее изучен транснациональный поток знаний, хотя Джон Мейер (2000) и группа его сотрудников изучили распространение концепций организаций и институтов как заготовок социальных «сценариев» для акторов глобально связанного общества. В частности, под этим углом зрения было рассмотрено распространение образования, образовательных систем и учебных планов (Meuer et al. 1992). Развитие массовой грамотности во многих частях света во второй половине XX в. было частью этого процесса и внесло значительный вклад в более равномерное распределение человеческих возможностей, но оно, конечно, осуществлялось, в том числе и во многих сложных случаях, таких как коммунистический Китай и независимые бывшие колонии, главным образом национальными усилиями.

Более специфический характер имел глобальный поток медицинского знания – поток, который сталкивался и, как никакой другой, все еще сталкивается со значительными препятствиями, возникающими в результате асимметричного распределения прав собственности и исследовательских ресурсов. Тем не менее именно медицинские знания объясняют тот факт, что риски смертности и продолжительность жизни распределены в мире намного более равномерно, чем доходы. Распыление (например, против малярийных комаров), вакцинации, лечение пенициллином и другими антибиотиками, как и расширение знаний о роли санитарии и гигиены для профилактики распространения инфекционных заболеваний, распространяемые по всему миру, оказали огромное влияние на показатели смертности.

Решающий период наступил сразу после Второй мировой войны. Одним из самых ярких примеров стал Цейлон (сегодняшняя Шри-Ланка) и его послевоенная антималярийная кампания, важная, но не единственная. Так, в 1945 г. общий коэффициент смертности по стране составил 25,1 (число смертей на тысячу населения) – почти столько же, что и в 1939 г. В 1947 г. он снизился до 14 в первый и последний раз. К 1950 г. он остановился на

12,4, а в конце 1950-х гг. снизился до менее чем 10. Что касается Индии, то этот показатель, который в течение 1930–1945-х гг. колебался между значениями 21 и 25, снизился до 16 в 1949–1950-х гг. Коэффициент смертности в Гонконге в 1939 г. составлял 30, в 1946 – 11 (Chesnais 1992: табл. А3.11). Подобного рода изменения произошли и в других частях Восточной Азии. Если говорить об Африке, то здесь имеется мало надежных данных по исторической демографии. То, что можно считать наиболее надежными данными о Тунисе и Египте, свидетельствует о снижении коэффициента смертности с 27–28 во время Второй мировой войны до 18–19 в 1960 г. (Allman 1978: 12; World Bank 1978: табл. 15)*. В Восточной Африке коэффициент смертности в пределах 20–29 установился, вероятно, в 1950-х гг., с самым низким значением 18 – в Кении в 1962 г. По всей вероятности, в Бельгийском Конго данный показатель в 1955–1957 гг. составил 26, а в государстве Берег Слоновой Кости – 29. Но в Западной и Центральной Африке накануне независимости данный показатель обычно превышал 30 смертей на тысячу населения (Coale and Lorimer 1968: табл. 4.2; World Bank 1978: табл. 15).

В некоторых странах Карибского бассейна, таких как Куба и Ямайка, коэффициенты смертности снизились уже в межвоенный период, но официальные статистические данные вызывают сомнение. Например, звучит не совсем правдоподобно, что в 1930 г. на Кубе показатель смертности был ниже, чем во всех европейских странах, кроме Нидерландов (Chesnais 1992: табл. А3.4 и А3.9). Более репрезентативной кажется траектория Мексики, где показатель смертности со значением около 22 во время Второй мировой войны снизился до 15–16 в 1950–1953 гг.

В общем поток медицинского знания сыграл выдающуюся, если не главную, роль, в осуществлении самого важного процесса уравнивания мира. (Распространение контрацептивов может быть еще одним важным фактором распределения жизненных шансов на душу населения в мире; или же зерновые культуры с более высокой урожайностью, произведенные «зеленой революцией» 1960-х гг., сыгравшие огромную роль прежде всего в Южной Азии.) В 1900 г. разрыв между Индией и Францией по ожидаемой продолжительности жизни при рождении составлял 24 года, что означало, что француз жил вдвое дольше, чем индус. К середине столетия накануне распространения нового медицинского знания в Азии разрыв увеличился приблизительно до 34 лет. К концу XX в. он снизился до 15–16 лет (Mari Bhat 1989: 92; UN 1951: табл. 29; World Bank 2000: табл. 2). В 1960–1997 гг. ожидаемая продолжительность жизни среди так называемых развивающихся стран выросла с 46 до 62 лет, а разрыв с богатыми промышленными странами сократился с 24 до 12 лет. Ожидаемая продолжительность жизни стала одной из немногих длительных историй успеха в независимой Африке. В 1960–1998 гг. в африканских странах южнее Сахары ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 40 до 50 лет, но разрыв с богатыми странами в 28 лет сохранился (UNDP 1996: табл. 47; UNDP 1999).

Что касается населения мира в целом, то в 1962–1997 гг. ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла с 55 до 66,6 года. Коэффициент Джини (показатель, наиболее часто используемый для измерения степени неравенства доходов и обычно колеблющийся от 0,2 для самых равных стран до 0,6 для самых неравных) по неравенству ожидаемой продолжительности жизни среди наций мира снизился с 0,24 до 0,11**. Это вистальное уравнивание поразительно и является важным позитивным признаком глобального развития с точки зрения равенства. Однако его следует

* Chesnais (1992: 568) приводит данные по Египту: ниже 20 за все пятидесятые годы, и вероятно низкий коэффициент для Туниса – 8 в 1952–1954 гг. и 10 – в 1960 г.

** Расчеты сделаны А. Мельхиором и др. (A. Melchior et al. *Globalisering og ulikhet*. Oslo, 2000. P. 79). Источником их данных является «World Bank Development Indicators» за 1999 г.

оценивать с учетом негативных изменений в 1990-х гг. в посткоммунистической Восточной Европе, особенно в бывшем СССР и на Балканах, и в пораженной СПИДом Африке, особенно ее южной части. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин в России упала с 64 до 58 лет в период с 1991 по 1994 г., вновь поднявшись до 61 года в 1997 г. (Cornia and Paniciá 2000: 6; McKee 2001: 28). До сих пор эти последние изменения только замедляли, но не останавливали уменьшение глобального неравенства в ожидаемой продолжительности жизни.

Опыт Африки в последнее десятилетие может предвещать изменение направления потока знаний к худшему. В то время как традиционные экономические потоки могут стремиться к меньшему неравенству, поток знаний может идти в противоположном направлении. На это указывает новый, все еще непостижимый поток болезни – распространение СПИДа, который особенно свирепствует в Южной и Восточной Африке. Несмотря на значительную международную помощь в борьбе против СПИДа, до сих пор нет лекарства, которое было бы доступно заболевшим африканцам. В некоторых странах Африки эпидемия СПИДа несет прямо-таки катастрофические последствия. За прошедшее десятилетие ожидаемая продолжительность жизни при рождении сократилась в Ботсване на 21(!) год, Кении – на 8 лет, Мозамбике – на 2, Танзании – на 5, Замбии – на 10 и Зимбабве – на 12 лет (World Bank 1990: табл. 1; World Bank 2000: табл. 2). Это означает, что разрыв между странами к югу от Сахары и богатыми странами мира снова увеличился с 25 лет в конце 1980-х до 28 лет в конце 1990-х гг.

Проблема СПИДа поставила в центр внимания вопросы власти и ценообразования в фармацевтической промышленности, и в общем – исключаящий эффект международного Соглашения о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность («Trips»), которое навязали США. Крупные фармацевтические корпорации Севера стараются помешать правительствам и компаниям Юга – в Индии, Южной Африке, Бразилии – обеспечить ВИЧ-инфицированное население приостанавливающими развитие СПИДа лекарствами. Южная Африка и Бразилия выиграли несколько очков в этой борьбе в первой половине 2001 г., но Trips и патенты остаются главными проблемами для потока медицинских и сельскохозяйственных знаний.

Центры производства научных знаний расположены в богатой части мира, в особенности в США. Из 371 лауреата Нобелевской премии в области науки и экономики с 1946 по 2000 г. 218, или 59 %, работали в учреждениях США, а 139, или 37 %, – в учреждениях Западной Европы. В последние годы доминирование США усилилось. Из 61 лауреата с 1994 по 2000 г. 45 работали в США и 13 – в Западной Европе. Из трех оставшихся – один физик из Канады, один из России и химик из Японии. Эти центры также обеспечивают высшим образованием и студентов из других стран, что было бы благом для последних, если бы получившие образование ученые и исследователи возвращались на родину. В каком количестве они возвращаются и сколько из них – самых лучших – отбирают американские и европейские учреждения и предприятия, известно лишь частично. О масштабной утечке мозгов из бедных стран мира говорится в последнем Докладе о мировой миграции, в котором отмечается, что около 23 тыс. ученых сейчас ежегодно покидают Африку (International Office of Migration 2000).

Распространение неолиберальной экономики, поддерживаемое запутывающими институциональными силами и властью кредиторов, в роли которых выступают МВФ и Всемирный банк, в свою очередь поддерживаемые правительством США, может объяснить большую часть недавнего усиления экономического неравенства внутри стран. Джованни Андреа Корниа (2001: 36–37) сумел показать значительный негативный эффект принятия

* Данные Nobel e-Museum.

политических реформ, навязанных «Вашингтонским консенсусом» МВФ и Всемирного банка.

3.4. Сила глобальных пут

Быстрое увеличение национальных государств после Второй мировой войны сопровождалось все более и более замысловатым включением этих формально суверенных государств в различные международные сети. Некоторые из них институционально региональные, как Европейский Союз, другие – неформально региональные, как «инфекция» региональных кризисов, из которых кризис Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг. является последним по времени ярким примером. Некоторые – категориальные, как клуб богатых стран ОЭСР. Другие являются глобальными, создающими глобальные пути в более строгом смысле слова, как сверхдержавы времен холодной войны, или театры действий важных и владеющих ресурсами глобальных межгосударственных организаций, таких как МВФ и Всемирный банк; организации ООН или же НГО, как, например, Международная федерация планирования семьи.

Именно эта взаимосвязанность национального суверенитета и внешней зависимости государства и образует пути. Как правило, если только иное не является существенным принципом межгосударственного объединения, эта зависимость достаточно асимметрична, но было бы морально-политической и аналитической ошибкой сбрасывать со счетов национальные правительства и их ответственность даже по отношению к таким могущественным внешним силам, как МВФ. Ведь даже внешний долг – национальный по своему происхождению: правительство принимает решение взять кредит и каким способом его использовать или растратить.

Глобальные пути и сети формируют потоки торговли, капитала и людей посредством транснациональных корпораций и, например, бывших колониальных связей (ср. Kritz et al. 1992). Размещение глобальных потоков и связей в местах «глобальных городов», диаспор или иммигрантских гетто также производит глобально-локальные пути, порождающие локальные процессы неравенства. Но здесь я бы хотел выделить несколько других специфических механизмов. В частности, три из них представляются важными.

Первый механизм – глобальное (или международное) *формирование национальных повесток дня*. Ситуация в стране подвергается критическому анализу сил, устанавливающих глобальные нормы, и включается ими в национальную повестку дня благодаря своему особому доступу к процессу принятия решений, касающихся национальной политики. ОЭСР использовала данный механизм, чтобы лоббировать законы в пользу гибкости рынка труда, конкурентного управления коммунальными услугами и более низких ставок налогообложения. Глобальные структуры ООН используют этот механизм в целях повышения равенства и уровня жизни и формирования глобальных целей распределения, например воды и санитарных услуг, вакцинации, продуктов питания, образования девочек и снижения уровня бедности в целом. Эти цели зачастую не достигались, но попытки их реализации обычно предполагали транснациональное использование ресурсов и определенное давление на национальные государства. Механизм фокусировки целей обычно предполагает и более равномерное распределение, хотя, конечно, в принципе, как и любой другой механизм, он может работать в противоположном направлении.

Моделирование институтов – второй механизм, изобретающий и предписывающий определенные конкретные виды национальных институтов. В недавнем прошлом глобальное моделирование принимало две основные формы с ориентацией на противоположные тенденции распределения. Первая стремится к либерализации мира, способствует дерегулированию экономики, приватизации и открытию границ. Снятие барьеров для фирм и рынков – ее основа (критический обзор достигнутых результатов см.: Cornia

1999). МВФ, Всемирный банк и стоящее за ними правительство США (ср. Wade 2000) являлись главными силами этого направления.

Второй вариант зародился в недрах ООН, и его цели – снижение барьеров для отдельных людей, устранение социального исключения и понижение иерархий. Это движение за права человека в целом и в частности в поддержку слабых и подвергающихся дискриминации категорий, таких как женщины, дети, этнические меньшинства, рабочие-мигранты. Важными инструментами стали конференции и конвенции ООН. Равенство полов и полномочия для бедных совсем недавно были включены и в повестку дня Всемирного банка (World Bank 2000a: ч. III).

Третий механизм – конкретное *предписание политики*. В большом масштабе оно было развито и применялось в 1980-х гг. в «политике структурного урегулирования», предписанной странам Африки и Латинской Америки МВФ и Всемирным банком. МВФ использовал его повторно для разрешения кризиса в Восточной Азии от Таиланда до Кореи в 1997–1998 гг. Но и до этого существовали важные и эффективные предписания политики. Наиболее значительной была политика контроля рождаемости, насаждаемая международно с начала 1960-х гг. Всемирным банком, правительствами США и протестантских стран Европы, важных НГО (таких как Международная федерация планирования семьи), – политика, которая получила мировое признание между Конференциями по проблемам народонаселения в Бухаресте в 1974 г. и в Мехико в 1984 г.

Формирование повесток дня, моделирование институтов и предписание политики действуют посредством осязаемых форм давления, через советников (приглашаемых или навязываемых), экономические стимулы и помощь, а также посредством санкций в виде отказа в кредите, лишения членства или публичной критики. Их чистый распределительный эффект сложно оценить. Практика определения целей ООН и ее политика в области народонаселения действительно имели эффект уравнивания, даже если поставленные цели не были достигнуты. От такого вида глобализации выигрывают женщины. Непосредственный эффект от вмешательств МВФ, включая его последнее вмешательство в Азии, имел, как правило, регрессивный характер (Cornia 2001), тогда как их среднесрочный эффект роста оказывается неубедительным и, возможно, даже негативным (Przeworski and Vreeland 2000; Easterly 2001). Недавно в могущественных международных организациях возник растущий интерес к распределению, но отставка с постов Всемирного банка двух наиболее знаковых фигур данного направления, Джозефа Стиглица и Рави Канбура, обозначила его границы.

Прямая официальная помощь имела по крайней мере существенный краткосрочный эффект в ряде бедных стран. В 1990 г. она составляла десятую часть ВВП стран Африки к югу от Сахары. К 1998 г. она снизилась до 4 %, и для всех стран мира с низким уровнем доходов иностранная помощь сейчас составляет только 1 % их национального дохода. Однако для некоторых отдельных стран эта цифра по-прежнему весьма значительна: 28 % ВВП Никарагуа и Мозамбика в 1998 г., четверть ВВП Малави, пятая часть ВВП Эритреи и Монголии, восьмая часть ВВП Танзании и десятая часть Гаити и Сенегала (World Bank 2000a: табл. 21).

3.5. Резистентность и различие наций

Как было сказано ранее, механизм неравенства не должен быть обязательно глобальным, хотя мы можем видеть его влияние в качестве глобального результата как мировой паттерн неравенства. Мы можем иметь дело с национальными механизмами, влиянием национальных факторов, их использованием и развитием, с национальными институтами, национальными отношениями власти, национальными решениями и стратегиями. Здесь нет никакой глобальной каузальности, хотя результатом является глобальное распределение, реализуемое через механизм дистанциации, а

также совокупность национальных паттернов распределения. Поскольку существуют международные трансакции, совокупность остальных наций образует структуру возможностей, которой каждый национальный актор может воспользоваться с разным везением и умением. Представляется, что эти национальные механизмы подразумеваются в общем анализе и дискуссиях наций по вопросам экономического роста и составляют важную часть объяснения распределения доходов в мире.

В своем первом исследовании индивидуального глобального неравенства на основе опроса домашних хозяйств Бранко Миланович (1999) делает вывод о том, что 75 % мирового неравенства (среди индивидов) объясняется страной проживания, если использовать разложение индекса Тейля, и 88 %, если использовать разложение индекса Джини. Верная с точки зрения национального государства, эта цифра – важное преувеличение, поскольку ряд крупных стран, таких как Китай, Индия, Индонезия, Бангладеш, Египет, были первоначально разделены на городские и сельскохозяйственные регионы, что может быть полезным для других целей.

Самые неравные в мире национальные сообщества порождают между своими гражданами почти столько же экономического неравенства, что и весь мир. Миланович рассчитал, что в 1993 г. индекс неравенства Джини в мире составил 0,66. Для Бразилии в 1998 г. соответствующее значение было равно 0,6 (Paes de Barros et al. 2000). Южная Африка, избавившаяся от апартеида, и несколько малых стран (Центрально-Африканская Республика, Гватемала, Панама и Парагвай) имели схожее распределение, т. е. почти такое же неравенство, что и во всем мире (World Bank 2000a: табл. 5; Inter-American Development Bank 1998: 16).

Конечно, существует ряд разделительных линий между глобальными потоками, с одной стороны, и национальными политическими, экономическими и социокультурными процессами – с другой. Перечислим только некоторые из них. Глобальные потоки могут взаимодействовать и воздействовать на:

- функционирование национальной экономики и ее дистрибутивные механизмы,
- способность государства содействовать или противодействовать неравенству,
- стремления и возможные варианты национальных акторов.

Потенциально очень важное воздействие глобальных распределительных механизмов может производиться через их влияние на перераспределительную способность национальных институтов. В то время как это влияние представляет собой серьезную потенциальную возможность, современные дебаты на недостаточных основаниях стремились раздуть ее до уровня свершившегося факта.

Что касается стран, серьезно озабоченных перераспределением (а это после распада восточноевропейского коммунистического блока главным образом западноевропейские государства всеобщего благосостояния), есть веские причины для того, чтобы не видеть снижения данной способности в качестве общего, необходимого последствия открытия экономики. Одной из таких причин является реальная значительная положительная корреляция между открытостью экономики мировому рынку, с одной стороны, и пропорцией ВВП на общие правительственные расходы или муниципальные расходы на общественные нужды – с другой. Первая была продемонстрирована для всего мира в полном объеме в 1980-е гг., а вторая – для ОЭСР в 1990-е гг. (ILO 1997: 78–79; Therborn 2000c). В странах, длительный период являющихся членами ОЭСР, в 1990–1997 гг. объем экспорта в структуре ВВП коррелировал на уровне 0,26 с объемом социальных трансфертов, но имел негативную корреляцию с неравенством (индекс Джини), $r = -0,34$ (на основе данных о чистых доходах Люксембургского исследования доходов). По крайней мере для стран ОЭСР причиной этого является положительная

спираль, начинающаяся с удачной комбинации внутреннего эгалитаризма и активов международной торговли, где успех последних обеспечил более высокие уровни взаимовыгодных классовых компромиссов: согласия рабочих повышать производительность труда и обязательств нанимателей по налогообложению и повышению зарплат.

Другой причиной, почему не следует без веских на то оснований сбрасывать со счетов национальное государство, является тот факт, что недавней волне глобализации предшествовал значительный рост стран ОЭСР, измеримый среди прочего ростом доли государственных расходов.

Измерять ли рост государственного сектора посредством государственных расходов или государственных доходов, в богатейших странах мира этот сектор находится на своем пике или на самой верхней ступени развития? В странах ОЭСР в Западной Европе, Северной Америке, Японии и Океании национальный средний показатель общих правительственных расходов в 1960 г. составлял 25 % ВВП. К концу прошлого столетия в 1999 г. государственные расходы выросли до 47 %? В странах Большой семерки они возросли с 28 % их общего ВВП до 37 %. Правда, в годы спада в начале 1990-х гг. доля расходов в обоих случаях была на несколько процентных пунктов выше, чем в процветающем конце десятилетия, но это следует расценивать как главным образом конъюнктурное колебание. Что касается правительственных поступлений, то последнее десятилетие XX в. было более доходным, чем когда-либо. Для ОЭСР в целом это означает 37 % ВВП, поступающих в казну государств, для ЕС – 44–45 % (OECD 1999: табл. 6.5 и 6.6; OECD 2000: прил. к табл. 28).

Как для ОЭСР в целом, так и стран ЕС-15 характерно, что в последние 40 лет государство развивалось быстрее, чем внешняя торговля, – отношение, которое обычно игнорируется в разговорах о глобализации. Более быстрый рост зависимости от внешней торговли в 1990-х гг. пока не превысил более высокий кумулятивный рост государств ОЭСР и ЕС с 1960 г. или с 1974 г. В период с 1960 по 1973 г. Япония была даже более зависимой от экспорта, чем в 1990-е гг.

Таблица 6

**Рост государства и рост внешней торговли в 1960–1998 гг.
Общие правительственные расходы и экспорт в отношении к ВВП
(рост в 1960–1999 гг. в процентах к 1960 г.)**

Год	Расходы		Экспорт	
	ОЭСР	ЕС-15	ОЭСР	ЕС-15
1974	6,5	8,4	4,7	6,6
1987	12,9	16,7	4,7	7,2
1999	13,1	18,5	10,6	14,0

Источники: OECD, Historical Statistics 1960–1997, Paris, 1999, табл. 6.5 и 6.12; OECD, Economic Outlook June 2000, прил. к табл. 1, 9, 28. Paris, 2000.

Исторически современные государства наиболее развитой части мира имеют богатые ресурсы в плане финансов, административной компетенции и политического опыта. Правда, новая неустойчивость мировых финансовых рынков означала общий рост экономической непредсказуемости и неопределенности как для частных инвесторов, так и для самих государств. Однако, как показал азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и другие недавние кризисы, государственная способность их регулировать сейчас намного выше, чем в 1929–1931 гг.

* Моделируя влияние импорта промышленных товаров с Юга на рост безработицы на Севере в периоды с 1969 по 1973 г. и с 1986 по 1990 г., Адриан Вуд (1994: 314ff) получил достаточно достоверные выкладки ($R^2 = 0,60$), где в рамках интерактивной модели эффект безработицы на рост импорта такого рода мог быть устранен или за счет полной эластичности зарплат, или за счет решительной политики рынка труда.

Распределительная важность национальной политики, институтов и национальных распределительных норм недавно убедительно подчеркивалась британским специалистом Энтони Аткинсом (1999a, 1999b). Его наиболее впечатляющий довод – о двух противоположных траекториях чистых доходов домашних хозяйств в США и Канаде за 20 лет – с 1977 по 1998 г. В то время как в США распределение усиливало неравенство в 1980-х гг., особенно в первой половине десятилетия, и способствовало высокому уровню неравенства в 1990-х гг., соседняя Канада сохраняла гораздо более равномерное распределение на стабильном уровне с незначительными колебаниями, причем колебания имели тенденцию к некоторому снижению (к большему равенству) в 1980-х гг. (Atkinson 1999a: 4).

Картина будет, конечно, другой, если мы посмотрим на слабые, бедные, попавшие в пути государства третьего мира и посткоммунистической Европы. Транснациональные кризисы и навязанная политика «структурного урегулирования» произвели сильный негативный распределительный эффект. Но факты свидетельствуют о том, что кризисы и внешняя зависимость, к которой привели последние, попадание в сети МВФ и кризисная политика последних производят больше неравенства, чем увеличившиеся глобальные потоки торговли и капитала как таковые (ср. раздел 3.3). В то же время выживание коммунистической Кубы, самобытность Иранской революции и успешная независимая позиция Малайзии в недавнем кризисе в Юго-Восточной Азии – все это примеры продолжающейся резистентности относительно бедных национальных режимов.

Рост населения в странах и регионах обладает значительным воздействием на глобальное экономическое распределение. С 1991 по 1999 г. ВВП на душу населения в Африке (по покупательной способности) снизился на 6 %. Если бы в Африке была демографическая ситуация Южной Азии при сохранении ее собственного скромного пути экономического роста, доход на душу населения, наоборот, увеличился бы на 2 %. А с китайской политикой народонаселения и африканским уровнем экономического роста доход на душу населения вырос бы на 9 % (рассчитано по: UN 2000: табл. А1).

Выводы

Как и глобализации, или глобальные процессы, термин «неравенство» должен употребляться во множественном числе. Разные виды неравенства имеют различную природу развития. До последнего времени пандемии СПИДа в Африке и восточноевропейских травм посткоммунизма, самая элементарная человеческая способность к выживанию давали весьма значительное уравнивание в лучшую сторону на протяжении второй половины XX в. Глобальное витальное неравенство снизилось.

Экзистенциальное неравенство в мире в целом возрастало в XIX и начале XX в. с европейским империализмом и колониализмом и с трансатлантическим социал-дарвинизмом, хотя торговля рабами прекратилась, а рабство позже было отменено. Опыт поражения нацизма дал толчок росту экзистенциального равенства во второй половине XX в., поддержанному позже Верховным судом США (1954 г.), деколонизацией и постколониальными организациями ООН.

Экономическое неравенство, измеряемое ВНП на душу населения между странами, почти постоянно увеличивалось в последние 200 лет. Однако, если измерять его по покупательной способности, международный процесс увеличения неравенства прекратился в последней трети XX в., несколько тяготея к более эгалитарному направлению. В противоположность этому внутри наций в Северо-Атлантическом регионе со времени великой депрессии до приблизительно 1950 г. прошла волна уравнивания, затем другая – с 1960-х до 1975–1980 гг., после чего наметилась тенденция (национально неравномерная и не универсальная) к большему неравенству.

Неравенства в этом мире имеют различные причины. Мы выделили 4 механизма неравенств: дистанциацию, исключение, супер-/субординацию и

эксплуатацию. Далее, мы постарались распутать глобальные и субглобальные или национальные силы, определяя, во-первых, вес мировой истории, во-вторых, силу глобальных потоков товаров и услуг, капитала, людей, информации и идей по направлению к равенству или неравенству, в-третьих, национальные механизмы равенства и неравенства и их линии раздела с глобальными потоками и, наконец, глобальную запутанность национальных и глобальных институтов и организаций.

Выводы из этого объяснительного комплекса имеют пока предварительный характер. До сих пор причинная модель существует только на словах – то, к чему закаленные исследователи сложностей социума, как большинство историков и социологов, привыкли. Но приблизительное относительное сравнение и оценка факторов все же представляются возможными. Таким образом, с необходимыми оговорками можно сказать, что наиболее мощными производителями современных глобальных результатов неравенства являются *мировая история и текущие национальные процессы*. Неравенства мира производятся как национально, так и глобально. Современные глобальные потоки, из которых только один или два находятся в фокусе основного дискурса глобализации, оказываются недвусмысленно вторичными по отношению к исторической формации или национальным институтам и процессам, хотя поток информации и идей серьезно недооценивается в современных дискуссиях.

Удивительно, что некоторые национальные общества, даже такие небольшие, как Гватемала или Панама, наряду с таким большим, как Бразилия, имеют столько же неравенства, что и во всем мире. Хотя также верно, что гражданская принадлежность к богатым или бедным странам, иными словами, межстрановое неравенство, объясняет значительную часть глобального неравенства. Гражданство является основным институтом неравенства в мире.

То, что Западная Европа эксплуатировала Америку, Африку и Азию с XVI в., не подлежит сомнению. Но насколько история повлияла на современные неравенства в мире, остается неясным и наиболее дискуссионным вопросом. Хотя один постоянный аспект прошлого очевиден: империалистическая эксплуатация позднее породила постимпериалистические, национальные механизмы неравенства. Хищник оставил свой прочный след, хотя и с несколько изменившимся размещением добычи.

Сила транстерриториальных потоков может работать как по исключительному асимметричному, так и по инклюзивному (включающему) пути. Наиболее развитая теория подобных потоков, теория международной торговли, отходит от инклюзивной экстраполяции скандинавского опыта XIX в., сформулированного в так называемой теореме Хекшера-Олина (Heckscher-Ohlin), в направлении агностической неопределенности, где географические теории торговли обеспечивают формальные модели исключительной динамики. Исторически транснациональная миграция была крупным механизмом эгалитарного включения. Но как сегодня действует нижний уровень общей миграции в сравнении с коэффициентом столетней давности и верхний уровень высококвалифицированной миграции – известно недостаточно.

Поток информации и идей всех видов до сих пор имел скорее включающее, наделяющее полномочиями воздействие. Косвенным образом устремления акторов стали более равными, тем самым подрывая локальное и традиционное подчинение и самопожертвование. Более непосредственным образом распространение медицинских и гигиенических знаний по всему миру, начиная приблизительно с 1900 г и ускоряясь с 1945 г., внесло огромный вклад в существенное снижение витального неравенства в мире. Зеленая революция новых сельскохозяйственных знаний также сыграла достаточно значимую роль в уменьшении бедности в сельскохозяйственных регионах Южной и Юго-Восточной Азии. Однако сегодня потоку информации угрожают патентные права.

Хотя идеи могут быть самые разные, однако с высокой степенью достоверности и эмпирическими выкладками было показано (Cognia 2000), что неолиберальный «вашингтонский консенсус» значительно способствовал повороту к большему неравенству в мире в последней четверти XX в. как посредством общего идеологического воздействия, так и силами МВФ и Всемирного банка и запутывания слабых национальных государств.

Изложенный анализ обнаружил также удивительную резистентность национальных государств даже в условиях сильного международного давления. Независимый, явно более эгалитарный путь Канады по сравнению с ее огромным южным соседом и в условиях нарастающего сотрудничества в рамках НАФТА – поразительный тому пример. Другой пример – Финляндия, которая в 1990-х гг. смогла сохранить одно из наиболее эгалитарных в мире распределений чистого дохода, несмотря на глубокую депрессию с неожиданной двухзначной цифрой безработицы (Atkinson 1999b: 20). Финская история не становится хуже от того факта, что в том же десятилетии именно Финляндия создала мирового лидера в производстве мобильных телефонов «Nokia», однако затем неравенство несколько усилилось.

Двадцатый век был историческим веком национального государства, поднимавшегося на протяжении XIX ст., растущего после конца династических империй в результате Первой мировой войны, заполонившего мир в результате обширного процесса деколонизации после Второй мировой войны, подпитываемого распадом коммунистического интернационализма, усилившегося за счет подъема социального государства, прежде всего в Западной Европе, но в некоторой степени во всем мире богатых стран. В противовес многим заявлениям как ностальгическим, так и торжествующим недавняя, все еще продолжающаяся волна глобализации не положила конец эпохе национального государства. Новое столетие может стать свидетелем его упадка, но пока этого не случилось, за исключением посткоммунистической Восточной Европы. Объекты же вмешательства МВФ в третьем мире в современную эпоху всегда были слабыми, бедными и внешне зависимыми.

Неравенство важно, и принимать его серьезно – значит признавать, что это непростое явление. Неравенство стало глобальной проблемой, и его научное исследование должно учитывать всю сложность глобального мира – мира, сложившегося исторически, но продолжающегося формироваться и сегодня.

Поступила в редакцию 26.03.08.

Перевод с английского языка и научное редактирование
доктора социологических наук, профессора *Л.Г. Титаренко*
и доктора социологических наук, профессора *В.А. Симхович*

И.И. АНТОНОВИЧ,

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

РЕАЛЬНОСТИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Рассматривается порождаемая глобализацией новая геополитическая ситуация – создание единого финансово-экономического и индустриально-медийного пространства, вступающая в противоречие с многоцентром мировой политической системы. При анализе новых условий существования мирового сообщества, и в частности России, поднимается вопрос о легитимизации власти.

Considered is a new geo-political situation born by globalization – that of creation of a single financial-economic and industrial-media space which comes into conflict with the multi-centre of the world political system. When analyzing the new conditions of existence of the world community and of Russia in particular, the question of legitimization of power is raised.

Люди сами творят свою историю, но конечный результат их усилий редко совпадает с замыслами и надеждами. Кумулятивный эффект человеческой деятельности – реальность, которая мало похожа на программы человеческих действий, сколь бы тщательно они не планировались. Эта объективная

реальность и составляет человеческую историю, и в ее контексте свершается жизнь поколений. Историю можно и нужно предвидеть, но не надо ожидать полного совпадения предвидения и исторических реальностей. У истории не бывает итогов, только результаты. Последние распознаются по их ведущим тенденциям – трендам.

На стыке XX и XXI ст. господствующим трендом истории стала глобализация. Она создала единое финансово-экономическое и информационно-медийное пространство. Мировая паутина финансовых и телекоммуникационных связей управляется главным образом из США. В начале XXI ст. к власти в Соединенных Штатах пришла республиканская партия, хотя президент Дж. Буш победил в очень сомнительной ситуации, которая потребовала вмешательства Верховного суда США (впервые в американской истории), за что он и получил название «случайный президент». Практически одновременно к власти в России пришел В.В. Путин, и оба эти лидера явились своего рода оппонентами в геополитике, несмотря на то, что им удалось установить очень хорошие личные отношения. Дж. Буш стал строить однополярный мир во главе с США, а В.В. Путин занял ведущее положение среди тех лидеров государств, которые выступили сторонниками многополярного мира. Геополитическая ситуация двух стран – России и США – неодинакова, и тот факт, что стратегия однополярного мира США не удалась (и, видимо, не удастся), следует объяснять не столько силами противодействия, сколько стратегическими неудачами.

Американскому истеблишменту мало финансового и телекоммуникационного господства. «American supremacy» предполагает настойчивое и успешное решение задач политического преобладания в мире. Именно поэтому США, контролирующие «мировую паутину» – Интернет, навязывание политической воли всем регионам и странам мира рассматривают как свою неизменно приоритетную задачу.

Стратегия определилась вполне: параллельно сетевому обществу Интернета американцы создают всемирное военное присутствие в виде более чем 300 военных баз, расположенных практически во всех регионах мира. К этому достаточно добавить 12 военных флотилий, бороздящих воды Мирового океана, чтобы понять: мир «накрыт» и паутиной военной мощи США, которая не замедлит проявить себя. Военный удар по Ираку должен был стать центром новой стратегии. Америке нужна была победа, чтобы весь мир застыл в ужасе и беспрекословно подчинился американскому диктату. Победы не получилось, и это определило кризис стратегии однополярного мира.

В создаваемых условиях начала XXI в. «сетевое» общество единого финансового и телекоммуникационного пространства входит в явное противоречие с многоцентрием мировой политической системы. Даже знаменитая «глобальная деревня», предполагающая всеобщую взаимосвязь и взаимодействие мировых процессов и событий в режиме реального времени, оказалась не более чем метафорой. В отношениях между нациями и внутри них растут противоречия. Мировые альянсы вроде НАТО демонстрируют свою непрочность и невысокую способность решать поставленные задачи. Несовместимость социально-экономического и историко-культурного многообразия мира с целями строителей единой глобальной империи – факт современности, вызывающий заботу группы стран, пытающихся контролировать мировую процесс. Западные исследователи все более говорят о «балканизации» геополитического пространства как наиболее серьезной угрозе современному миру, когда этнические и социальные конфликты даже в небольших странах могут серьезным образом подрывать функцию и равновесие мировой системы.

Миропорядок, созданный по итогам Второй мировой войны, рухнул вместе с распадом СССР, а контуры новой мировой, но по необходимости противоречивой гармонии пока не прорисовываются достаточно четко. Наибо-

лее востребованной моделью социального менеджмента в международном масштабе сегодня является управление хаосом. Следует одновременно признать, что, как и пятьсот лет назад, экспансия Запада, выражающаяся в подчинении мира своим целям, сначала ослабляя регионы и страны, а затем подавляя их силой, не претерпела существенных целевых устремлений. Именно для этого расширяется и укрепляется Атлантический союз, его военная структура НАТО, а мировые цели Соединенных Штатов ставятся и реализуются в рамках стратегии, за плечами которой опыт более половины тысячелетия.

Все это указывает на то, что миру и впредь придется иметь дело с экспансионизмом Запада, со стремлением группы стран эксплуатировать остальную часть мира в своих интересах. И тем не менее глобализация, пока не допускающая становления монополярного мира, постепенно рождает новую геополитическую структуру, представленную Евразией, с одной стороны, и Евроамерикой – с другой. Евроамерика – это панатлантическое пространство, охватывающее собой западный мир. Он не может сегодня существовать и прогрессировать, обеспечивать экономический рост, поддерживать достигнутый уровень жизни, не эксплуатируя ресурсы остальной части мира. Обеспечение доступа к ним – одна из скрытых целей стратегии. Создается новая мировая иерархия, ориентированная на мировую экспансию с помощью силы, формируется Панатлантический военный союз в виде НАТО, совершенствуются новые технологии наступательных войн, воспитывается поколение политиков, не стесняющее себя выбором средств для достижения целей. Политические лозунги Евроамерики первого десятилетия XXI в. оформляются, как правило, в военные императивы действия, которые прикрываются идеологическим флером «продвижения демократии и прав человека».

Евразия – это геополитический Восток, объявляющий своей целью развитие, но фактически имитирующий Запад, в своих программах стремящийся постичь его экономические успехи и сравняться с ним по экономическим и военно-техническим признакам. Это зона «догоняющего развития», хотя его темпы и успехи возрастают. Сегодня трудно сказать, как поведут себя страны этого региона (Китай, Индия), когда их совместная мощь сравняется с мощью Запада. Уже сейчас многие деятели в Азии гордо заявляют: «Мы можем производить все то, что производит Запад». И то, что мы знаем о них в настоящее время, намного меньше того, что они готовят всем нам в будущем.

Великое историческое своеобразие России состоит в том, что она единственная из стран, часть которой находится в Евроамерике, часть – в Евразии. Это определяет ее естественную роль, заключающуюся в синтезе мировых цивилизаций, но в своем настоящем ослабленном положении она не в силах ее исполнить. Россия ищет новую роль в мире, но пока ее не находит, ибо отдельно взятая европейская или азиатская модель не способна вместить в себя всю российскую специфику.

Многое указывает на то, что эпоха, начавшаяся русскими революциями 1917 г., еще не исчерпала себя. Социальные реальности, формировавшиеся все истекшее столетие в России, пока еще неустойчивы и далеки от того, чтобы соответствовать мировым стандартам, российским историческим масштабам и предназначению. В этом российская историческая эпоха XX в. во многом идентична эпохе Великой французской революции, с трудом исчерпавшей себя в конце XIX в. в многочисленных военных конфликтах и политических преобразованиях.

Вопреки благостной избирательной риторике, которая была характерна для средств массовой информации России в течение нескольких месяцев конца 2007 и начала 2008 г., трудно избавиться от ощущения того, что страна еще не вышла из зоны кризиса. Она растеряла за последние двад-

цать лет бóльшую часть своих цивилизационных преимуществ, накопленных в течение тысячелетия. Евроамерика пытается воспользоваться этой переходящей исторической слабостью, чтобы политически и стратегически вытолкнуть Россию как можно дальше из своего пространства в Евразию. Именно за счет этого Запад хочет изменить миропорядок, сложившийся после 1945 г., когда Советский Союз играл роль ведущей мировой державы. Если однополярный мир будет невозможен, страны Евроамерики приложат все усилия, чтобы сохранить механизмы и усовершенствовать стратегию силового воздействия на мир. Пока им это в основном удается.

К сожалению, системные слабости России во многом слишком очевидны, чтобы надеяться, что она в скором времени будет в состоянии переломить эту мировую тенденцию. Коррупцированная административно-властная структура, которая неоднократно подвергалась критике со стороны В.В. Путина, не популярна в народе. Российская экономика пока не в состоянии удовлетворить и половины потребительских нужд населения и вынуждена закупать за границей большую часть продовольствия и других товаров потребления. В ходе избирательной кампании в печати появилась информация о том, что промышленный рост по итогам 2007 г. сократился почти на 4 %, несмотря на стремление осуществить прорыв в сфере новых технологий. Объявленные успехи в техническом перевооружении армии во многом виртуальны: недавно спущенный на воду уникальный атомный подводный корабль оказался без вооружения, ибо сверхракета «Булава», которую испытывали более трех лет, оказалась не готовой. Подобного рода серьезные структурные слабости можно было бы перечислять долго, включая рост преступности, падение трудовой дисциплины, социальной ответственности и др.

Однако самое главное в России сегодня – духовный кризис, который общество не способно преодолеть, и это остается основой роста коррупции, аморализма, жестокости. Художественная культура мотивирована рыночной ситуацией, научная мысль малоинновационна, общественное мнение стагнирует, гражданское общество еще только рождается. Кризис в России рано или поздно исчерпает себя. Однако до этой поры отсутствие России как посредника и примирителя интересов Евразии и Евроамерики будет ощущаться в мире весьма болезненно.

В XX в. многие великие страны попадали в полосу острых структурных кризисов, которые навряд ли были легче российского. У тех из них, кому удалось его преодолеть, имелось одно общее обстоятельство – в трудные периоды национальной истории во главе их оказывались харизматические личности, навязавшие стране мобилизационный путь развития. Харизматическая личность отличается от энергичного властолюбца одним чрезвычайно важным качеством – у нее есть своя собственная программа преобразований. Такая личность, как правило, серьезно корректирует существующий порядок вещей, а то и разрушает его. После выхода из кризиса под ее руководством социально-экономические системы мало напоминают свой докризисный облик.

Вспомним период президентства Ф. Рузвельта в США, пришедшего к власти в период острейшего социально-экономического кризиса в Америке в 1920-х гг. Принятые им законы о повышении налогообложения богатых (в особенности введение налога на наследство), о программах социальных работ, о пенсионном обеспечении и государственном финансировании ряда направлений экономической деятельности способствовали преодолению системного кризиса американского общества. В то время они вызвали резкое неприятие со стороны богатой политической элиты. Готовились даже заговоры с целью физического устранения Рузвельта. Возможно они и удались бы, но помешала Вторая мировая война, в которую Соединенные Штаты оказались втянуты как бы против своей воли. И в период войны Рузвельт сыграл ведущую роль в обеспечении победы над фашизмом и вывел

свою страну на уровень вершителя судеб мира, противостоять которому мог только СССР.

Харизматические личности известны и Европе. Достаточно вспомнить генерала де Голля и его второе пришествие во власть во Франции в конце 1950-х гг., когда он спас страну от фашистского переворота. Де Голль принял решительные меры по укреплению центральной власти и защите суверенитета Франции. Он был единственным из европейских лидеров, который считал необходимым вывести Францию из военной организации НАТО, чтобы не нести бремя военных расходов, непосильных для экономики и ненужных для ее развития. И на него готовились покушения. Де Голль был также единственным из политических лидеров Европы, который решил обменять более чем 2 млрд долларов наличными, накопленных банками Франции (сумма, равная более 100 млрд по нынешнему курсу доллара), на золото Соединенных Штатов, которым был обеспечен бумажный доллар. Соединенные Штаты впервые в своей истории распечатали хранилища и отправили во Францию два сухогруза, груженные золотыми слитками. Не случайно поэтому за 50 лет послевоенной истории автору этих строк не удалось прочитать ни единой положительной оценки в американской периодической печати и монографических исследованиях в адрес честолюбивого галла.

Можно вспомнить и новейшие примеры. Самым ярким среди них является сегодняшний Китай. Фраза Дэн Сяопина: «Не важно, какой кот – черный или серый, главное, чтобы он ловил мышей» – открыла путь смелым экономическим реформам в Китае. В конце 1970-х гг. после смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин осуществил, несмотря на сопротивление старых кадров, мощные социально-экономические преобразования, в результате которых родилась новая общественная система в Китае, соединившая исторические преимущества социализма с рыночной экономикой. Харизматические личности приходят во власть по-разному: демократическим путем, путем референдумов, а то и посредством силового захвата власти в условиях общественного хаоса. Их легитимизация – в успехе предпринимаемых реформ, орудием которых является мобилизационная стратегия. Мало кого интересует сегодня, как приходили во власть упомянутые лидеры. Все помнят об их успехах.

Для понимания опыта мобилизационного развития в странах, сумевших успешно преодолеть кризис, очень важно, что на период кризиса они были озабочены больше судьбой своей страны, экономическим положением своих граждан, состоянием социальных отношений между ними, а не целями мировой политики. Эти страны частично ограничивали себя от воздействия мировых сил той или иной формой самоизоляции, и это помогало, если она была краткосрочной. Успех мобилизационных мероприятий всегда зависит от того, насколько они совпадают с чаяниями народа. И в этом еще одна особенность харизматической личности: ее программы формируются не умозрительно, с точки зрения высших интересов государства или целей мировой революции, а исходят из реальных нужд своего народа и возможности их реализовать. Именно в этих случаях мобилизационное развитие пользуется поддержкой. Никогда не стоит недооценивать интеллигентность «простого» человека. Народ, как правило, разгадывает и оценивает в лидере его суть, скрытую до поры до времени, в зависимости от предпринимаемых им действий.

Начало XXI в. в мировой политике, как мы уже отмечали, обозначилось приходом к власти в США Дж. Буша, а в России – В.В. Путина. Перед обоими стояли чрезвычайно важные задачи: для Буша – любой ценой обеспечить господствующее положение в мире, для В.В. Путина – вернуть Россию в группу ведущих стран.

Российский президент очень быстро проявил качества харизмата, а Буш – техасского ковбоя, который, по его признанию, так же говорит по-английски, как и по-испански (т. е. плохо), откровенно тяготится интеллектуальными беседами, культурной средой, равнодушен к гуманитарным проблемам. Историческое наследие Буша Америка будет переживать долго и болезненно, историческое наследие Путина сегодня предназначено продолжать его преемнику. Оно реализует позитивное направление, обеспечивающее выход страны из кризиса.

Многое говорит о том, что итоги деятельности Путина составят одну из ярких страниц российской истории: он остановил развал государства, выдвинул в качестве стратегической задачи ликвидацию нищеты и обеспечение обороноспособности страны. Но в момент, когда он мог вплотную приступить к реформам русской общественной жизни, он ушел в сторону вопреки желанию большинства граждан России. Главный аргумент – нежелание менять Конституцию. Новый президент с самого начала поклялся продолжать курс В.В. Путина. Трудно предсказать будущий ход событий. Молодость нового президента не может считаться недостатком, а упреки в том, что он якобы не обладает достаточным политическим опытом, неуместны, ибо этот опыт он приобретет, когда вступит на этот пост. Нелишне вспомнить, что президент США Дж. Кеннеди пришел к власти, когда ему было 43 года и, несмотря на то, что он пробыл на своем посту только три года, в исторической памяти он занял прочное место великого президента. Более того, относительно молодому человеку гораздо легче нести огромный груз работы, овладеть определенными функциями намного быстрее людей пожилых, поскольку он отзывчив к новациям в экономике и политике, отвечающим духу времени.

Но цена ошибки России чрезвычайно высока, тем более что демократический процесс в течение этой избирательной кампании претерпел очень глубокие изменения. Достаточно вспомнить, что выборы в Государственную Думу были подменены референдумом по одной кандидатуре. Многие зарубежные издания упрекали главного претендента на президентскую должность в том, что он уклонился от избирательной кампании и от дебатов и даже не пожелал уйти в отпуск.

Пока нельзя делать из этого никаких поспешных выводов, ибо только конкретные действия нового президента и формирующейся власти покажут, был ли удачен и исторически оправдан этот замысел. Однако новые условия в России да и ситуация в мире серьезным образом ставят вопрос о легитимизации власти. На рубеже XX и XXI вв. считается общепризнанным, что демократия и демократическая система – единственный путь функционирования власти в условиях глобального мира. Важно, чтобы власть избиралась большинством народа, а народ имел возможность отстранить от власти личности и партии, которые не выполняют его волю и не отвечают надеждам граждан. Другой легитимизации власти нет. Глобализация объективно содержит требования свободы – предприимчивости и инициативы, свободы личности, свободы творчества. Дать такую свободу может только демократия.

Истории известны многие формы демократии, но ни одну из них нельзя признать идеальной. Античная демократия, которая и сегодня служит прототипом демократических систем, сводилась к свободе волеизъявления. Демократия древних – правление народа на основе равенства. «Все граждане Афин равны» – этот лозунг был повторен в первых демократических конституциях мира (американской и французской) в виде «Все люди рождаются равными». Однако не все жители Афин были гражданами, и уже в момент принятия американской Конституции был введен жесткий имущественный ценз. И сегодня волеизъявление американского народа в выборе президента осуществляется не прямо, а через систему выборщиков, кото-

рая дала печальный и парадоксальный сбой в период президентских выборов 1999 г. и продемонстрировала себя как политический анахронизм. Достаточно вспомнить, что тогда кандидат в президенты от республиканской партии А. Гор набрал больше голосов избирателей, чем кандидат от республиканской партии Дж. Буш, но Буш тем не менее претендовал на победу, потому что за него высказалось несколько большее число выборщиков, чем за Гора. Тогда в дело вмешался Верховный суд и решил, кому быть президентом.

В американской Конституции записана классическая демократическая формула о том, что все граждане имеют право избирать своих правителей и отстранять их от власти, когда правители не исполняют волю народа. В сегодняшних США рейтинг Буша ниже 30 %. Тем не менее в американском обществе нет механизмов, которые могли бы путем народного волеизъявления отстранить президента от власти.

Демократическая система западных стран, начиная с середины XIX в., многопартийна. В это время капитализм характеризовался четкими классовыми различиями и антагонизмом между буржуазией и пролетариатом. Тогда партии достаточно адекватно выражали интересы господствующих классов общества и защищали их, используя конституционные механизмы. В XX ст. социальные антагонизмы капиталистических стран постепенно размывались. Политические партии Запада сегодня уже не в состоянии выражать волю конкретных социальных слоев и классов. Они превратились в машины для организации выборов, прокручивающие огромные суммы для привлечения избирателей, а политическая борьба приобрела характер межличностного соперничества.

Граждане западных стран во второй половине XX в. достаточно четко почувствовали эти перемены, что вылилось в падении интереса к выборам. Абсентеизм – острая болезнь западных стран, где сегодня большая проблема собрать на выборы большинство населения. В итоге лидеры, которые приходят к власти, как правило, избираются меньшинством, а результат 51–52 % от участвующих в голосовании считается хорошим. Демократическая власть становится непрочной, ибо, пользуясь поддержкой фактически меньшинства населения, она не может рискнуть на серьезные реформы, которых требуют новые условия социального развития и жизни западных стран. Именно эта модель была навязана в качестве образца для постсоветских государств. Демократические процессы быстро приобрели форму затяжного, хронического кризиса в большинстве стран СНГ, где ошибки политических амбиций, интриги криминальных структур частенько превращают политическую жизнь в балаган.

В этих условиях надо признать, что демократическая модель для стран переходного периода все еще не найдена. Она, естественно, должна основываться на мировом опыте, но исходить из государственной специфики. Характер демократических систем в странах постсоветского пространства может быть многопартийным либо приобретать характер преемственной демократии, корпоративной демократии (где одна партия правит в течение многих десятилетий, как это было в Японии, Италии и других странах). Но, скорее всего, должны возникнуть какие-то иные формы, отвечающие принципиально новым историческим реальностям молодых стран, где суверенитет был получен не в результате многолетней борьбы, а после распада федеративного государства – СССР. Важны не сами сроки пребывания у власти, важны личности. Народ может оказывать доверие отдельным политикам, не прибегая к ограничению срока их пребывания у власти, когда они достаточно эффективно выполняют волю избирателей. Главным остается одно: политики должны приходиться к власти в результате голосования большинства в пользу того или иного кандидата.

Из трудного и кровавого опыта европейской истории XX в. страны постсоветского пространства должны извлечь необходимый урок: главная задача демократического правления – повышение уровня жизни, безопасности граждан и свободы личности в своих странах. Главное средство прихода к власти – всенародное волеизъявление. Меры, которые приняли некоторые постсоветские страны, сняв минимально необходимый процент явки на выборы и из избирательных бюллетеней строчки «против всех», другие недемократические по своему характеру ограничения волеизъявления избирателя, должны быть отменены, ибо они ставят борющиеся за власть политические силы и личности вне воли народа. Демократия – это право большинства избирать своих лидеров и отзываться их, когда они более неспособны выполнять волю своих граждан. Решающим критерием для лидера должно быть стремление исполнять волю народа. Формальные ограничения (по времени, возрасту и т. д.) в этом случае вторичны.

Реализуя стратегии преобразований, направленные на благополучие своих стран, лидерам нельзя отказываться от накопленного мирового опыта. Не надо спешить подвергать критике чужие достижения и промахи. Надо помнить, что критикуют политику своих лидеров сами граждане западных стран – философы, социологи, писатели, политики. Это они делают намного более убедительно, чем критики извне, ибо критика общества в условиях демократической системы – неотъемлемая часть развития.

Столь же осторожно и тактично нужно подходить к критике США. Соединенные Штаты заслуживают резкой критики за империалистическую внешнюю политику, за стремление создать новый миропорядок на основе однополярности, за попытку использовать ресурсы Земли для обеспечения роста только собственного благополучия. Но нельзя забывать о том, что весь XX в. американские ноу-хау преобразовывали жизнь человечества в большом и малом. Все прорывные инновации – конвейер, супермаркет, небоскреб, автомобиль, телевидение, Интернет – шагнули в мир из-за океана. Джаз стал музыкой всех, Голливуд – мировыми грезами. Это всемирные исторические достижения, их можно критиковать или не принимать, но их надо изучать и обогащать свою собственную политику и практику.

США – трудный партнер, с которым сложно быть на равных. Поэтому, прилагая все усилия в защиту национального достоинства и суверенитета, у Америки надо учиться и без нужды отношения с ней не обострять. Автор этих строк выпустил немало критических стрел в адрес Америки в течение более чем сорока лет своей научной работы, и сегодня мне практически не в чем себя упрекнуть. Тем не менее наряду с критикой на страницах моих книг всегда был призыв учиться у Америки, прежде всего опыту демократического правления, гласности в работе политических учреждений и институтов, сменяемости политических структур. Демократия предполагает существование оппозиции. Однако деятельность оппозиции – это не бесконечная критика лиц, находящихся у власти. Те, кто находятся в оппозиции по отношению к властям, должны разрабатывать и предлагать альтернативные пути развития страны, дополнять ими существующую политику, добиваться своего избрания демократическим путем.

Поскольку демократическая система правления единственная жизнеспособная в условиях глобализации, постольку демократии надо серьезно учиться защищать себя от посягательств разрушительных сил, памятуя, что кризис политических систем оплачивается всегда страданиями масс людей, длительными периодами политического хаоса. Безвластие – страшная социально-политическая болезнь. Возврат из состояния хаоса в состояние сбалансированного развития занимает многие десятилетия. Ценой пренебрежения к демократической процедуре являются периоды мрачных деспотий, примерами которых изобилует история Европы в XX в.

Память о них должна учить граждан постсоветского пространства уважению к праву и законам (the rule of law), а их лидеров – легитимному исполнению демократических процедур, в основе которого – главный классический постулат: демократия – всегда воля большинства, выраженная в бесперебойном функционировании общественных институтов и в личностях, облеченных высочайшим доверием народа. Международная легитимизация демократически избранного лидера заключается в его способности реализовывать внешнюю политику, основные принципы которой – уважение к международному праву и стремление интегрироваться в систему международных отношений, не рискуя суверенитетом и международной правосубъектностью своей страны. Самоизоляция – период мобилизационного рывка – оправдана только на момент выхода из кризиса. Овладение опытом международного сотрудничества в режиме двусторонних и многосторонних связей является важнейшим условием реализации национальных целей и задач развития.

Поступила в редакцию 20.02.08.

Г.Н. СОКОЛОВА,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

РЫНОК ТРУДА г. МИНСКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Предлагается авторская концепция рынка труда в качестве методологической основы социологического анализа совокупного и текущего рынков г. Минска. Дается характеристика рынка труда столицы. Рассматриваются социальные механизмы регулирования нерегистрируемой безработицы.

The author's concept of labour market as a methodological basis for sociological analysis of Minsk cumulative and current labour markets is suggested. Minsk labour market is characterized. The social mechanisms for regulating non-registered unemployment are considered.

Концепция анализа рынка труда г. Минска

Рынок труда – наиболее сложный элемент экономики. Здесь не только переплетаются интересы работника и работодателя, но и как в зеркале отражаются все социально-экономические явления, происходящие в обществе. От того, насколько успешно функционирует экономика, в какой фазе экономического цикла она находится, каково поведение основных субъектов рынка (работника и работодателя), зависят спрос на рабочую силу и ее предложение, а соответственно уровень и структура занятости, незанятости и безработицы.

Согласно концепции анализа рынка труда в плане соотношения структур спроса и предложения рабочей силы *совокупный* рынок труда представляет собой механизм согласования интересов нанимателей и наемных работников при посредничестве государства. Главными элементами этого механизма являются: совокупный спрос как синоним общей потребности экономики в наемной рабочей силе и совокупное предложение, охватывающее всю наемную рабочую силу из числа экономически активного населения. *Спрос* на рабочую силу отражает природу и структуру занятости и определяется числом и структурой рабочих мест, существующих в экономике и требующих заполнения, *предложение* – состояние незанятости и безработицы в экономике и охватывает все категории населения, претендующего на работу по найму.

Совокупный рынок труда играет важную роль в процессе воспроизводства ВВП и создании благоприятного климата в обществе. *Текущий* рынок труда рассматривается как часть совокупного рынка, оставшаяся за пределами удовлетворенного спроса на труд, и определяется числом вакансий и количеством занятых поиском работы. Данный подход позволяет проанализировать состояние рынка труда на макро- и микроуровне и выделить меха-

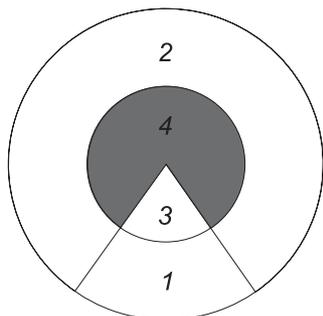

Рис. 1. Текущий рынок труда:
 1 – официальная часть открытого рынка труда,
 2 – неофициальная часть открытого рынка труда,
 3 – официальная часть скрытого рынка труда,
 4 – неофициальная часть скрытого рынка труда

исщущее работу и нуждающееся в профессиональной подготовке, и вакантные места во всех секторах экономики. Его *официальная часть* включает свободную рабочую силу и вакансии, зарегистрированные в МГЦЗН, *неофициальная часть* охватывает неучтенные МГЦЗН вакансии и незарегистрированную часть предложения рабочей силы.

Скрытый рынок труда включает лиц, которые формально числятся занятыми, но в силу отсутствия объемов работы, рынков сбыта продукции и других причин могут быть высвобождены без ущерба для производства.

Его *официальная часть* регистрируется органами статистики и охватывает лиц, находящихся в отпусках по инициативе нанимателя, а также вынужденных по этой же причине работать неполное рабочее время. Сюда относится также излишняя численность в связи с учтенными целодневными и внутрисменными потерями. *Неофициальная часть* – это излишняя численность работников в связи с неучтенными целодневными и внутрисменными потерями рабочего времени и низкой фактической интенсивностью и производительностью труда.

Необходимость подобного разделения текущего рынка труда обусловлена тем, что каждая из выделенных его частей характеризуется своими специфическими явлениями и процессами.

Рис. 2. Взаимодействие первичного и вторичного рынков труда

Для углубления содержательной характеристики рынка труда основную концепцию анализа дополним *концепцией сегментации совокупного рынка труда*¹, которая исходит из анализа различий между двумя – первичным и вторичным секторами в экономике с разной заработной платой и характеристиками занятости (рис. 2). *Первичный* сектор обладает высоким статусом работ, высокой заработной платой, хорошими предложениями со стороны работодателей в плане режима рабочего времени и условий труда.

Вторичный сектор характеризуется наличием безработицы, а также не требующими длительного обучения низкоквалифицированными работами. Каждый из секторов, в свою очередь, подразделяется на *внутренний* рынок труда (предприятия, организации, где уровни занятости и заработной платы определяются набором административных правил и процедур), и *внешний* рынок труда, где решения о ценообразовании, размещении и профессиональном обучении контролируются экономическими показателями. Эти два вида рынка труда связываются движением рабочей силы между ними через определенные входы и выходы, при этом работы на внутреннем рынке защищены от непосредственных влияний конкурентных сил внешнего рынка.

Работы в *первичном внутреннем* сегменте являются типичными для стабильно занятых на предприятии (организации); требуют долговременного обучения нужным предприятию специальностям; обладают гарантиями и хорошими перспективами продвижения, значительным уровнем автономии и высокими материальными поощрениями. Для *первичного внешнего* сегмента типичны востребованные специальности и профессии, прием на работу по набору профессиональных качеств.

Вторичный внешний сегмент рынка труда производит неквалифицированные работы с малой автономией и низкой ответственностью, невысокими и нестабильными заработками, неудовлетворительными условиями труда, включая сезонные работы. *Вторичный внутренний* сегмент предлагает работы в основном низкого класса (статуса) с малыми гарантиями и перспективами продвижения.

Движение между первичным внутренним и вторичным внешним сегментами является скорее исключением из правил. Варьирует в определенных количествах и направлениях движение между смежными сегментами (первичным внутренним и первичным внешним, а также вторичным внутренним и вторичным внешним рынками труда), определяемое изменениями в спросе и предложении рабочей силы на рынке труда.

Главная характеристика официальной части открытого рынка труда состоит в возможности его достоверной количественной оценки посредством сбора обширной статистической информации. В развитии официальной части минского рынка труда (как части белорусского рынка) можно выделить три этапа.

Первый этап (1991–1996 гг.) характеризуется переходом от административно-командного к экономическому механизму использования трудовых ресурсов и становлением спросоограниченного рынка труда. Характерными тенденциями являлись возникновение и рост уровня безработицы, увеличение масштабов высвобождения избыточной рабочей силы, рост обращений в службу занятости (т. е. предложения труда) и общее нарастание напряженности в этой сфере. Вместе с тем начали выполняться важные функции рынка труда: перелив и размещение рабочей силы по критерию эффективности (что выражалось в освобождении предприятий от избыточной занятости); стремление к повышению конкурентоспособности рабочей силы, поскольку в условиях рыночных отношений наиболее уязвимыми становятся лица с ограниченной конкурентоспособностью. Об этом свидетельствует динамика структуры безработицы: увеличивается доля молодежи, лиц со средним и общим базовым образованием, выпускников, женщин (стабильно более 2/3). Отметим, что все страны с переходной экономикой ощутили сходные тенденции. Нуждается в комментарии факт роста безработицы на этом этапе, воспринимаемый как отрицательное явление. Представляется, что данный показатель означал реальное состояние рынка труда и объем работы государственной службы занятости.

Второй этап (1997–2000 гг.) характеризуется усилением государственного регулирования рынка труда, где приоритет отдавался экстенсивным факторам экономического роста и контролю за количественными параметрами. Все более официально контролируемым становится *вторичный* рынок труда, связанный с неквалифицированной рабочей силой, а *первичный* перемещается за пределы видимости государственной службы занятости.

Основным источником пополнения числа безработных выступают уволившиеся по собственному желанию и так называемые прочие, доля которых достигает 1/2 всех безработных. Объяснений данному обстоятельству несколько. Во-первых, в условиях наращивания ВВП за счет экстенсивного использования рабочей силы снижается реальная заработная плата, что, несомненно, инициирует увольнения (до 90 % уволившихся определяют это как основную причину увольнения). Во-вторых, за этой причиной могло стоять завуалированное высвобождение «по соглашению сторон», когда работника пассивно вынуждают к уходу с предприятия. Обратим внимание на то, что сведения о вакансиях содержат информацию в основном о рабочих местах с низкой заработной платой и являются малопривлекательными, что затрудняет их заполнение. Достигнутый на этом этапе уровень регистрируемой безработицы – 2 % по стране и 1,5 % в г. Минске можно, по мнению экономистов, принять за естественный минимальный уровень, который не может быть далее снижен без необратимых изменений в системе использования труда (т. е. возвращения к всеобщей занятости). Таким образом, на этом этапе формируется разделение *открытого* рынка труда на официальную и неофициальную части, а также увеличивается объем *скрытого* рынка труда.

На **третьем этапе** (2001–2005 гг.) картина на официальной части *открытого* рынка не отражает всех проблем в области занятости и безработицы. Уровень регистрируемой безработицы к концу 2005 г. снизился почти вдвое (с 1,5 до 0,8 % от экономически активного населения города) по сравнению с 2001 г. Этому сопутствовало уменьшение в 1,5 раза численности зарегистрированных безработных (с 13,4 до 8,2 тыс. человек) и превращение *официальной* части *открытого* рынка труда в трудонедостаточный (на одного потенциального работника приходилось 2 вакансии). Изменяется структура безработных по возрасту: доля 16–19-летних уменьшается в 1,2 раза (от 13,4 до 8,2 %), а 50-летних и старше увеличивается почти вдвое (от 7,1 до 13,9 %). В структуре по уровню образования доля лиц с не востребовавшимся высшим образованием увеличилась в 2005 г. по сравнению с 2001 г. в полтора раза (с 15,9 до 23,1 %), а с общим базовым уменьшилась в полтора раза (с 15,9 до 11,2 %). Продолжает формироваться *неофициальная* часть *открытого* рынка труда, во многом связанная с самостоятельным трудоустройством временно незанятого населения, помимо Минского городского центра занятости населения.

На **четвертом этапе** (2006–2010 гг.) ситуация на рынке труда г. Минска по итогам 2006 г. свидетельствует о том, что уровень регистрируемой безработицы продолжал неуклонно снижаться, достигнув к концу 2006 г. 0,5 % экономически активного населения. Процесс сопровождался дальнейшим уменьшением численности зарегистрированных безработных почти вдвое (с 8,2 до 4,8 тыс. человек) и повышением трудонедостаточности рынка труда (до трех вакансий на одного человека) без качественных сдвигов в структуре спроса. В возрастной структуре безработных доля 16–19-летних уменьшилась в 1,5 раза (с 25,7 до 16,3 %), а доля лиц в возрасте 50 лет и старше увеличилась в 1,5 раза (с 9,7 до 13,9 %) по сравнению с 2005 г. Что касается структуры образования, то доля лиц с не востребовавшимся высшим образованием увеличилась в 2006 г. по сравнению с 2005 г. в 1,1 раза (с 19,9 до 23,2 %), а с общим средним и общим базовым образованием соответственно уменьшилась во столько же раз. В 1,5 раза сократились сроки поиска работы и трудоустройства, уменьшилась средняя продолжительность периода безработицы. Очевидно, что уже в начале четвертого этапа происходит окончательное оформление *неофициальной* части *открытого* рынка труда, представляющей собой типичный *вторичный* сегмент этого рынка*. Такое положение дел вызывает необходимость проанализировать социальные механизмы формирования регистрируемой безработицы, ее

* Далее мы будем рассматривать только открытый рынок труда, не касаясь его скрытой части, связанной с избыточной занятостью. Поэтому вместо термина «открытый рынок труда» будем употреблять более общий термин «текущий рынок труда».

взаимодействие с нерегистрируемой безработицей, оценить количественно и качественно контингент незарегистрированных безработных, вовлечение которых в сферу общественного производства могло бы способствовать формированию инновационной экономики в г. Минске и Республике Беларусь.

Характеристика совокупного рынка труда г. Минска

На первом этапе переходного периода динамика занятости в стране не отличалась от тенденций в других странах с переходной экономикой. Хотя экономика Беларуси претерпела значительно меньшее количество реформ, изменение уровня занятости в 1990-х гг. имело общие черты с подобным процессом в других странах с переходной экономикой. Начальный этап переходного периода характеризовался значительным сокращением рабочих мест, которое, однако, было менее существенным, чем спад промышленного производства, что привело к снижению уровня производительности труда. В структуре занятости наблюдался отток рабочей силы из промышленности в сферу услуг. В промышленности происходило перераспределение производственного персонала из подотраслей, испытывавших на себе воздействие снижения цен и уровня спроса (машиностроение, текстильная, швейная), в подотрасли, которым благоприятствовала начальная макроэкономическая либерализация (например, энергетика и металлургия).

Основным *источником* формирования ресурсов труда в г. Минске является трудоспособное население в трудоспособном возрасте, доля которого составила в 1997 г. 93,5 %, в 2000 г. – 93,3 %, в 2001 г. – 93,1 %, в 2003 г. – 93,1 %, в 2006 г. – 92,9 % наличных трудовых ресурсов (табл. 1). *Тенденции* изменения численности данной категории населения во многом связаны с демографическими факторами: вступлением в трудоспособный возраст молодежи и выбытием посттрудоспособного населения, численность которого существенно различается по отдельным годам. Так, в 1991–1992 гг. наблюдался рост трудоспособного населения, в 1993–1995 гг. – сокращение, в 1996 г. его численность вновь возросла и далее стабилизировалась на уровне 93 %.

Таблица 1

Распределение трудовых ресурсов г. Минска по видам занятости в 1997–2006 гг.

В среднем за год	1997		2000		2001		2003		2006	
	тыс. чел.	%								
Трудовые ресурсы	1126,1	100	1181,0	100	1203,1	100	1242,3	100	1303,2	100
В том числе: трудоспособные в трудоспособном возрасте	1053,4	93,5	1101,8	93,3	1120,3	93,1	1156,8	93,1	1210,2	92,9
работающие в нетрудоспособном возрасте	72,7	6,5	79,2	6,7	82,8	6,9	85,5	6,9	93,0	7,1
Экономически активное население	859,6	76,3	904,9	76,6	913,3	75,9	965,2	77,7	1012,6	77,7
Экономически неактивное население	266,5	23,7	276,1	23,4	289,8	24,1	277,1	22,3	290,6	22,3
Занятое население	841,4	74,7	891,6	75,5	899,9	74,8	949,3	76,4	1005,7	77,2
Незанятое население	284,7	25,3	289,4	24,5	303,2	25,2	293,0	23,6	297,5	22,8
В том числе: зарегистрированные безработные	18,2	2,1	13,3	1,5	13,4	1,5	15,9	1,6	6,9	0,7

Источники: Регионы Республики Беларусь, 2002 (Стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2002. С. 452; Регионы Республики Беларусь, 2007 (Стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 528; Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2006 году (по данным баланса трудовых ресурсов) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 5.

Важнейшей *составной частью* трудовых ресурсов г. Минска являются работающие лица – выше и ниже официально принятых границ трудоспо-

собного возраста, доля которых в 1997 г. составляла 6,5 %, в 2000 г. – 6,7 %, в 2001 г. – 6,9 %, в 2003 г. – 6,9 %, в 2006 г. – 7,1 %. Стабильный, на уровне 7 %, удельный вес данной категории населения свидетельствует о наличии спроса, с одной стороны, на специалистов высокой квалификации, опыт которых имеет непреходящее значение для обучения более молодых кадров, а с другой – на представителей профессий рутинного труда, в которые молодежь идет неохотно. *Стабильность* этой части трудовых ресурсов обуславливается благоприятным состоянием экономики и проводимой государством социально ориентированной политикой в отношении социально уязвимых групп населения.

Социологический анализ уровня и структуры реальной занятости населения показывает, что основные группы в структуре занятости – это работающие в трудоспособном возрасте (92,9 %), работающие пенсионеры (5,6 %), работающие учащиеся или студенты (1,5 %). Коэффициент реальной занятости составляет 77,2 %, реальной незанятости – 22,8 %. Специфика реальной занятости анализируемых групп свидетельствует, что до 90 % от общего числа занятых являются работниками по найму; по периодичности реальной занятости 95 % имеют постоянную работу; полнота реальной занятости такова, что полную занятость (основную работу с полным рабочим днем (неделей) имеют 95 %, а неполную – 5 % занятого населения. Подобная монозанятость наиболее уязвима в кризисных ситуациях, обладает низким адаптационным потенциалом и невысокой способностью к выживанию в условиях меняющейся макросреды. Возможность регулирования феномена занятости за счет изменения его структурных компонентов – специфики, периодичности и полноты занятости – незначительна.

Анализ распределения занятого населения по отраслям экономики г. Минска свидетельствует о положительных тенденциях в отраслевой структуре занятости в ходе процессов перераспределения рабочей силы по отраслям общественного производства. Прежде всего это касается соотношения численности работающих в производственной и непроизводственной сферах в сторону увеличения последней. Так, если в 1997 г. оно составляло 39,7 и 60,3 % соответственно, то в 2006 г. – 37,1 и 62,9 % соответственно (табл. 2). Однако, несмотря на рост занятости в непроизводственной сфере в целом, темпы прироста здесь не превышали 1 % в год, а в отдельные годы наблюдалось даже сокращение. Перераспределение высвобождаемых работников из отраслей материального производства проходит медленно и не выглядит значительным. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, наблюдалось сокращение расходов госбюджета на развитие социальной сферы экономики. Кроме того, вследствие растущей инфляции и спада производства многие предприятия не имели средств для финансирования своей непроизводственной инфраструктуры. Во-вторых, приватизация ряда предприятий сферы услуг в условиях резкого сокращения платежеспособности и уровня доходов населения зачастую вела не к росту, а к уменьшению числа рабочих мест. В-третьих, приток работников в эту сферу экономики сдерживался более низким уровнем оплаты труда по сравнению с производственными отраслями. Наблюдаемые тенденции расширения занятости в непроизводственной сфере во многом обусловлены несовершенством политики в области цен, налогов и кредита, направленной на достижение финансовой стабилизации в стране и одновременно ведущей к стагнации некоторых отраслей сферы обслуживания населения.

Позитивной *тенденцией* можно считать сокращение уровня занятости в промышленности, где доля работающих снизилась с 30,3 % в 1997 г. до 26,6 % в 2006 г. В то же время многие наблюдаемые в этой отрасли тенденции имели регрессивный характер. Наибольшее сокращение работников произошло в обрабатывающих отраслях промышленности при росте их численности в добывающих. Так, численность работающих значительно

уменьшилась в машиностроении и металлообработке, легкой промышленности, в то же время она возросла в электроэнергетике, нефтедобывающей и лесозаготовительной промышленности.

Таблица 2

**Распределение численности занятого населения г. Минска
по отраслям экономики в 1997–2006 гг.**

В среднем за год	1997		2000		2001		2003		2006	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%						
Всего занято в экономике	841,4	100	891,6	100	899,9	100	949,3	100	1005,7	100
Отрасли материального производства	334,1	39,7	348,2	39,1	349,4	38,8	353,1	37,2	373,1	37,1
Промышленность	254,8	30,3	264,7	29,7	265,5	29,5	256,6	27	267,5	26,6
Сельское хозяйство	—	—	—	—	—	—	—	—	2,6	0,3
Лесное хозяйство	0,8	0,1	0,9	0,1	0,6	0,1	1,1	0,1	1,3	0,1
Строительство	78,5	9,3	82,6	9,3	83,3	9,3	95,4	10	101,7	10,1
Непроизводственные отрасли	507,3	60,3	543,4	60,9	550,5	61,2	596,2	62,8	632,6	62,9
Транспорт	55,4	6,6	57,8	6,5	61,5	6,8	68,1	7,2	72,2	7,2
Связь	10,8	1,3	12,2	1,4	12,7	1,4	12,7	1,3	14,3	1,4
Торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки	126,3	15	146,8	16,5	145,9	16,2	163,8	17,3	193	19,2
Жилищно-коммунальное хозяйство и непроизводственные виды бытового обслуживания населения	42,3	5	44,9	5	45,0	5	57,3	6	56,9	5,7
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	55	6,5	58,1	6,5	58,7	6,5	60,2	6,3	61,5	6,1
Образование	84,5	10	87,2	9,8	92,9	10,3	94	9,9	91	9
Культура и искусство	16,2	1,9	20,3	2,3	19,3	2,1	18,8	2	20,8	2,1
Наука и научное обслуживание	32,4	3,8	30,7	3,4	31	3,4	29,6	3,1	25	2,5
Финансы, кредит и страхование	16,7	2	19,1	2,1	19,8	2,2	20	2,1	21,3	2,1
Управление	24,1	2,9	33,6	3,8	30,9	3,4	32,2	3,4	33,8	3,4
Информационно-вычислительное обслуживание	3,5	0,4	3,5	0,4	3,4	0,4	3,4	0,4	3,8	0,4
Общественные объединения	3,6	0,4	3,1	0,3	2,8	0,3	2,3	0,2	3,6	0,4
Прочие виды деятельности	36,5	4,5	26,1	2,9	26,6	3	33,8	3,6	35,4	3,5

Источники: Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2006 году (по данным баланса трудовых ресурсов) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 7–10; Регионы Республики Беларусь, 2002 (Стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2002. С. 453–454; Регионы Республики Беларусь, 2007 / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 529–530.

С переходом к рыночным отношениям новым явлением стало формирование занятости в негосударственном секторе экономики. В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь хозяйственная деятельность осуществляется с использованием как государственной, так и частной форм собственности. Структурные изменения занятости по формам собственности органически связаны с проведением реформ государственного и приватизации предприятий, развитием предпринимательства и самостоятельной занятости граждан. Медленное их осуществление обусловило низкие темпы формирования занятости в негосударственном секторе. Так, доля рабо-

тающих на государственных предприятиях снизилась с 57,7 % в 1997 г. до 47 % в 2006 г. по отношению к занятым в экономике (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение численности занятого населения г. Минска
по формам собственности в 1997–2006 гг.**

В среднем за год	1997		2000		2001		2003		2006	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%						
Всего занято в экономике	841,1	100	891,6	100	899,9	100	949,3	100	1005,7	100
В том числе по формам собственности:										
Государственная	485,3	57,7	484	54,3	489,1	54,4	463,1	48,8	473,1	47
республиканская	–		–		–		–		302,2	30
коммунальная	–		–		–		–		170,9	17
Частная	351,6	41,8	398,8	44,7	397,3	44,1	461,5	48,6	502,5	50
собственность негосударственных юридических лиц	–		–		–		–		209	20,8
смешанная без иностранного участия	–		–		–		–		119,9	11,9
смешанная с иностранным участием	20,9	2,5	27,4	3	28,7	3,2	37,6	4	44,1	4,4
собственность физических лиц с образованием юридического лица	–		–		–		–		54,1	5,4
индивидуальные предприниматели, лица, работающие у них по найму, лица, занятые в личном подсобном хозяйстве	–		–		–		–		75,4	7,5
Иностранная	4,5	0,5	8,8	1	13,5	1,5	24,7	2,6	30,1	3

Источники: Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2006 году (по данным баланса трудовых ресурсов) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 11–12; Регионы Республики Беларусь, 2002 (Стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2002. С. 452; Регионы Республики Беларусь, 2007 / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 528.

В 1991–1995 гг. высвобождение занятых из государственных предприятий в основном было связано с падением производства и низким уровнем заработной платы. При этом значительная часть высвобождаемых работников либо пополняла ряды безработных, либо уходила в теневую экономику, что обусловило низкие темпы перераспределения рабочей силы из госпредприятий в негосударственные структуры. В 1995 г. одним из факторов снижения темпов сокращения численности занятых в государственном секторе экономики явилось постепенное налаживание хозяйственной деятельности и стабилизация производства. Преобладание этого сектора экономики наблюдается практически во всех отраслях. В промышленности на государственных предприятиях сосредоточено около 60 % работающих в отрасли, в сфере образования – 93,8 %, здравоохранении – 94,3 %, жилищно-коммунальном хозяйстве – 82,6 %. Таким образом, основной формой занятости в настоящее время остается работа на государственных предприятиях.

В 2000–2003 гг. наблюдалось ускорение темпов изменений в промышленности г. Минска. Ресурсы начального роста были исчерпаны, а реальные издержки значительно возросли, столичные предприятия стали испытывать конкуренцию со стороны реструктуризированных российских предприятий. Данные явления повлекли за собой дальнейшее сокращение рабочих мест и проведение мер по реструктуризации предприятий, таких как дополнительные инвестиции в энергосбережение. В целом в промышленности г. Минска наблюдалось устойчивое и повсеместное повышение производительности труда. За период 1997–2006 гг. производительность труда

в промышленности возросла практически вдвое. Рост промышленного производства в отрасли был полностью обусловлен повышением производительности труда.

Отметим, что наряду с формальной (официальной) существует неформальная занятость, которая осуществляется без юридического оформления трудовых отношений. В силу своей специфики неформальная занятость по определению не находит отражения в государственной статистике; она устанавливается в ходе социологических опросов населения. Поскольку информация о трудовой активности респондентов носит обобщающий характер и не предназначается для налоговых или правоохранительных органов, стимулы к ее сокрытию относительно невелики, даже когда дело касается занятости, осуществляемой на неформальной основе. В этом случае сведения о структуре занятости в экономике, по данным республиканского социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, представляются достаточно надежными и репрезентативными. Неформальная занятость является одним из механизмов повышения если не качества, то уровня жизни населения. С одной стороны, неформальная занятость в определенной мере способствует решению проблем занятости и росту доходов населения, с другой – отсутствуют какие-либо социальные гарантии для занятых. В результате оттока в этот сектор части инициативных и квалифицированных работников снижается эффективность труда и качество рабочей силы в общественном производстве. Легализация неформальной занятости и ее интеграция в общественное производство – одна из основных задач государства.

Характеристика текущего рынка труда г. Минска Анализ регистрируемой безработицы в г. Минске

Рынок труда в нашей стране начал формироваться с середины 1991 г., когда был принят Закон «О занятости населения Республики Беларусь»². Процесс происходил в сложных социально-экономических условиях, которые характеризовались спадом производства, инфляцией, снижением уровня жизни населения. Главным определяющим моментом этой ситуации явилась трансформация общества от экономики централизованного планирования к рыночной экономике, что, в свою очередь, обусловило переход от преобладания трудодефицита на фоне предельного роста уровня занятости и неоправданно высоких скрытых внутрипроизводственных резервов к характерной для стран с развитой рыночной экономикой трудоизбыточности.

С 1991 по 1995 г. численность зарегистрированных безработных в столице возросла с 0,6 тыс. чел. до 12,9 тыс. чел.; в 2000 г. она достигла 13,3 тыс. чел., в 2001 г. – 13,4 тыс. чел., в 2003 г. – 15,9 тыс. чел., а затем начала стремительно уменьшаться, снизившись к концу 2006 г. до 4,8 тыс. чел. Соответственно уровень регистрируемой безработицы (в процентах к численности экономически активного населения) возрастал с 1991 по 1995 г. с 0,04 до 2,3 %, затем незначительно менялся в пределах 1,5–1,6 %, а к концу 2006 г. уменьшился до 0,5 % (табл. 4). Казалось бы, мы имеем позитивную тенденцию. Однако, как показано *теоретически* (см. рис. 1) и выявлено *эмпирически* (в результате выборочных обследований домохозяйств г. Минска в 1997–1998 гг.), регистрируемая безработица в определенной мере сокращается за счет расширения сфер нерегистрируемой безработицы, хотя общий ее объем практически не изменяется.

Динамика основных характеристик *официальной* части текущего рынка труда представлена в табл. 4.

Среди регистрирующихся в службе занятости безработных преобладали лица, уволенные по соглашению сторон (23,1 %), длительно неработающие (18,1 %), уволенные по собственному желанию (12,8 %), выпускники школ (9,9 %). При общей тенденции снижения числа регистраций отмечен рост обращений в службу занятости граждан, уволенных по соглашению сторон.

**Характеристика официальной части
текущего рынка труда г. Минска в 2000–2006 гг.**

На конец года	2000	2001	2003	2005	2006
Уровень регистрируемой безработицы, % к экономически активному населению	1,5	1,5	1,6	0,8	0,5
Число свободных рабочих мест и вакансий, тыс.	7	11,8	13,4	13,6	16,1
Численность зарегистрированных безработных, тыс. чел.	13,3	13,4	15,9	8,2	4,8
Конъюнктура официальной части рынка труда (численность безработных на 1 вакансию)	2	1,2	1,1	0,6	0,3
Структура безработных по полу, %					
Мужчины	40,7	39,4	33,1	32,3	35,6
Женщины	59,3	60,6	66,9	67,7	64,4
Структура безработных по возрасту, %					
16–19 лет	30,1	29,9	22,3	25,7	16,3
20–29 лет	30,5	29,8	32,4	32	32,9
30–49 лет	32,3	32,5	35,5	32,6	36,9
50 лет и старше	7,1	7,8	9,8	9,7	13,9
Структура безработных по уровню образования, %					
Высшее	14,6	15,9	18,2	19,9	23,2
Среднее специальное	11,6	12,7	15,5	14,9	16,3
Профессионально-техническое	56,1	55,5	51,1	14,2	16,4
Общее среднее				37,2	33,0
Общее базовое	17,7	15,9	14,8	13,8	11,1
Распределение безработных по длительности безработицы, %					
До 1 месяца	11,4	10,7	10,5	13,9	23,1
От 1 до 3 месяцев	21,7	21,7	20,1	25	41,4
От 3 до 6 месяцев	7,7	27,4	23,3	29	23,1
От 6 месяцев до года	26,7	28,3	29,2	20,4	9,2
Более года	12,5	11,9	16,9	11,7	3,2
Средняя продолжительность безработицы, месяцев	6,4	6,4	6	4,6	3,4
Удельный вес безработных, получающих пособие по безработице, %	25,7	27,7	28,7	29,7	36,6

Источники: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2007 (Стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 140–148; Мониторинг рынка труда Республики Беларусь, 2006 / Главное управление политики занятости и народонаселения М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь. Мн., 2006 (табл. 28); Анализ рынка труда г. Минска. Январь – декабрь 2006 года / Мин. гор. центр занятости населения. Мн., 2007. С. 3–9.

Структура безработицы по полу свидетельствует о том, что 2/3 безработных – женщины и 1/3 – мужчины. В возрастной структуре молодежь до 30 лет составляет 1/2 всех безработных (возраст среднестатистического безработного составлял 32,8 года), по уровню образования – 1/4 – лица с невостребованным высшим образованием. Свыше половины безработных – лица с высшим, средним специальным и профессионально-техническим образованием – имеют трудоизбыточные специальности (55,8 %). Лица с общим средним и базовым образованием, претендующие на рабочие профессии, составляют 44,2 %.

В профессиональном разрезе в 2006 г. заявленный спрос на 83 % был представлен рабочими вакансиями: рабочих массовых строительных профессий (13,9 %), водителей и машинистов (9,3 %), слесарей (8,7 %), рабочих-станочников, электриков-электромонтеров, сварщиков и прочих рабочих (51,1 %). Потребность нанимателей в низкоквалифицированной рабочей силе в структуре спроса составила около 11 %. Только на 17 % заявленный

спрос был представлен вакансиями для специалистов: врачей, инженеров-программистов, инженеров-конструкторов, технологов и некоторых других. Средний размер оплаты по вакансиям, согласно данным службы занятости, на конец 2006 г. составил 494 тыс. рублей, при этом вакансии с оплатой не выше 200 тыс. рублей (на уровне минимальной заработной платы) – 1/10, а с оплатой 300–500 тыс. рублей – около 1/2. Средняя оплата по вакансиям рабочих составила в 2006 г. 498,5 тыс. рублей и превысила среднюю оплату по вакансиям служащих (475,5 тыс. рублей) на 4,6 %. Средний размер пособия по безработице в том же году равнялся 45 тыс. рублей, т. е. около 1/4 от минимальной заработной платы³.

Несмотря на значительное снижение масштабов регистрируемой безработицы, ее социально-демографические характеристики не претерпели существенных изменений. Конъюнктура текущего рынка труда столицы формируется под воздействием снижения числа безработных и сезонных колебаний числа свободных рабочих мест. На протяжении 2006 г. конъюнктура рынка труда оставалась трудонедостаточной: на 100 безработных приходилось 332 вакантных рабочих места, что свидетельствует о существующем дефиците рабочей силы в столице. Одновременно на текущем рынке труда усилился дисбаланс между спросом на специалистов и рабочих и предложением ими своей рабочей силы. Если на одного рабочего приходится в среднем по 3–4 вакансии, то на трех специалистов (особенно трудоизбыточных специальностей, к которым относят учителей, преподавателей отдельных дисциплин, юристов, экономистов и др.) – только одна.

Таким образом, на текущем рынке труда г. Минска в основном концентрируются женщины, молодежь, лица без специального образования. Анализ динамики этого рынка за 2001–2006 гг. свидетельствует о том, что он *эволюционирует* в направлении типичного *вторичного* рынка труда с некоторым увеличением доли женщин, выпускников, лиц с невостребованным высшим и средним специальным образованием. В целом можно отметить, что *официальная* часть текущего рынка представлена в основном *вторичным* рынком труда с преобладанием работ средней и низкой квалификации.

Для *внутреннего* вторичного рынка труда характерны: высокий удельный вес вакансий физического труда средней и низкой квалификации (до 80 %); высокая доля рабочих мест и вакансий с низкой заработной платой, а также массовых рабочих профессий.

Для *внешнего* вторичного рынка труда характерны: стабильно высокий удельный вес женщин (2/3); высокий удельный вес лиц с общим средним и общим базовым образованием (1/2); низкий уровень пособия по безработице (10 % от среднемесячной заработной платы).

Анализ структуры общей безработицы в г. Минске

По данным 2006 г., распределение незанятого населения г. Минска свидетельствует о том, что 66,8 % составляют лица в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от производства; 10,1 % – женщины, находящиеся в отпусках по беременности, родам и уходу за ребенком; 2,3 % – безработные, зарегистрированные в МГЦЗН; 1,4 % – лица, содержащиеся в местах лишения свободы и следственных изоляторах. В незанятом населении г. Минска отдельной строкой идут так называемые «другие» (19,4 %), занятие которых оказалось невозможным установить (табл. 5).

Для служб государственной статистики и занятости эти лица не являются работниками, а их трудовая деятельность нигде и никак не фиксируется. Они составляют *неофициальную* часть текущего рынка труда г. Минска. Важным источником пополнения трудовых ресурсов выступают безработные, к которым относятся трудоспособные граждане в трудоспособном возрасте, постоянно проживающие на территории Республики Беларусь, не имеющие работы, не занимающиеся предпринимательской деятельностью, не обучающиеся в дневных учебных заведениях и не проходящие военной службы.

Распределение незанятого населения г. Минска (2006 г.)

В среднем за год	Население	
	тыс. чел.	%
Незанятое трудоспособное население в трудоспособном возрасте	297,5	100
В том числе: Учитываемое статистикой	239,7	80,6
лица в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от производства	198,7	66,8
безработные, зарегистрированные в МГЦЗН	6,9	2,3
работники, находящиеся в отпусках по беременности, родам и уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет	30,1	10,1
лица, содержащиеся в местах лишения свободы и следственных изоляторах	4	1,4
Не учитываемое статистикой	57,8	19,4

Источник. Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2006 году (по данным баланса трудовых ресурсов) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 5.

Общий уровень безработицы (табл. 5) складывается из регистрируемой и нерегистрируемой безработицы. Анализ данного феномена в контексте материалов выборочных обследований домашних хозяйств г. Минска (1997, 1998, 2001, 2005) приводит к следующим выводам. Удельный вес безработного населения составляет в среднем 3,7 % в общем объеме трудовых ресурсов (в 1997 г. он составил 4,2 %, в 1998 г. – 4,1 %, в 2001 г. – 3,5 %, 2005 г. – 3,1 % в общем объеме трудовых ресурсов), а численность безработного населения колеблется в режиме флуктуации (от 48 до 44 тыс. чел.). Вместе с тем численность зарегистрированных безработных неуклонно снижается (от 14,6 тыс. чел. в 1997 г. до 6,9 тыс. чел. в 2006 г.).

Допуская, что в 2006 г. доля безработного населения осталась на уровне 3,1 % в общем объеме трудовых ресурсов, получаем, что все безработное население г. Минска составило в этом году 40,4 тыс. человек*. Как показывают расчетные данные, уровень общей безработицы изменяется в г. Минске незначительно, уменьшившись за 10 лет (с 1997 по 2006 г.) с 5,5 до 4 % от экономически активного населения. При этом уровень регистрируемой безработицы снизился с 1,7 % в 1997 г. до 0,7 % в 2006 г. Обратим внимание на то, что уровень нерегистрируемой безработицы в течение прошлого десятилетия менялся в зависимости от уровня регистрируемой безработицы: при снижении уровня регистрируемой безработицы уровень нерегистрируемой возрастал и наоборот (табл. 6).

Таким образом, на материале выборочных обследований домохозяйств подтверждается высказанная автором еще в 1998 г. мысль о том, что «сокращение официального уровня безработицы сопровождается увеличением ее неофициального уровня и выходом из-под контроля органов управления 5/6 всей численности безработных»**.

Итак, безработица представляет собой двухкомпонентный феномен и состоит из регистрируемого и нерегистрируемого компонентов. При этом снижение уровня регистрируемой безработицы влечет за собой повышение уровня нерегистрируемой ее части, так что уровень общей безработицы

* Данное допущение сделано потому, что в 2007 г. статистический сборник «Основные социально-демографические характеристики домашних хозяйств в Республике Беларусь» не издавался.

** Отчет о НИР «Оценка реального уровня занятости, незанятости и безработицы (выборочное обследование домохозяйств г. Минска) / Мин. НИИ соц.-экон. и полит. проблем. Мн., 1998. С. 105.

В выборочную совокупность вошли 1000 семей, включающих примерно 3000 жителей в возрасте от 16 до 70 лет. Выборочная совокупность репрезентировала генеральную по признакам пола и возраста с погрешностью не более 2 %. Разработчик концептуальной основы социологического анализа, руководитель исследования – Г.Н. Соколова.

почти не изменяется. В контексте десятилетней динамики процесса их взаимодействия можно говорить о выявлении *эмпирической закономерности*, которая выражается в том, что *при практически неизменном уровне общей безработицы снижение уровня регистрируемой безработицы влечет за собой соответствующее повышение уровня нерегистрируемой безработицы*. При этом, чем ниже уровень регистрируемой безработицы, тем меньше ее доля в объеме общей безработицы и, следовательно, тем менее эффективны усилия государства по снижению уровня общей безработицы. Отметим, что усилия МГЦЗН достаточно эффективны в рамках регуляции регистрируемой безработицы. Но этими усилиями охвачена лишь 1/6 часть объема общей безработицы, 5/6 – остается за пределами внимания центра.

Таблица 6

**Динамика уменьшения доли регистрируемой безработицы
в общем объеме безработицы в г. Минске в 1997–2006 гг.**

В среднем за год	1997	1998	2001	2005	2006
Трудовые ресурсы, тыс. чел.	1126,1	1138,1	1203,1	1287,1	1303,2
Экономически активное население	859,6	873,5	913,3	996,8	1012,5
Занятое население	841,4	860,1	899,9	987,5	1005,7
Незанятое (прочее трудоспособное население в трудоспособном возрасте)	284,7	278	303,2	299,6	297,5
В том числе:					
Безработное население, тыс. чел.:	47,3	48	41,2	39,9	40,4
зарегистрированные безработные	14,6	13,1	13,4	9,3	6,9
незарегистрированные безработные	32,7	34,9	27,8	30,6	33,5
Доля безработного населения в общем объеме трудовых ресурсов*, %	4,2	4,1	3,5	3,1	3,1
Уровень регистрируемой безработицы, % к экономически активному населению	1,7	1,5	1,5	0,9	0,7
Уровень нерегистрируемой безработицы, % к экономически активному населению	3,8	3,9	3	3,1	3,3
Уровень общей безработицы, % к экономически активному населению	5,5	5,4	4,5	4	4
Доля регистрируемой безработицы в общем объеме безработицы	0,3	0,3	0,3	0,22	0,17

Источники: Регионы Республики Беларусь, 2002 (Стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2002. С. 452; Регионы Республики Беларусь, 2007 (Стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 528; Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2006 году (по данным баланса трудовых ресурсов) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь. Мн., 2007. С. 5.

*Отчет о НИР «Оценка реального уровня занятости, незанятости и безработицы (выборочное обследование домохозяйств г. Минска)» / Мин. НИИ соц.-экон. и полит. проблем. Мн., 1997. С. 74–80; Отчет о НИР «Оценка реального уровня занятости, незанятости и безработицы (выборочное обследование домохозяйств г. Минска)» / Мин. НИИ соц.-экон. и полит. проблем. Мн., 1998. С. 85–92; Основные социально-демографические характеристики домашних хозяйств Республики Беларусь (выборочное обследование домашних хозяйств). Мн., 2002. С. 14; Основные социально-демографические характеристики домашних хозяйств Республики Беларусь (выборочное обследование домашних хозяйств). Мн., 2005. С. 16.

Причины рассмотренного явления кроются в практике регулирования регистрируемой безработицы в Беларуси. Государственная политика занятости сводится к содействию в трудоустройстве, профессиональном обучении, переобучении и социальной защите зарегистрированных безработных. В то же время выход на новые рубежи инновационной экономики невозможен без использования всех трудовых ресурсов и свободного перетекания рабочей силы из одних сфер деятельности в другие. Государство должно взять на себя роль регулятора занятости, увязывая ситуации в сфере труда с макроэкономическими условиями функционирования экономики.

Необходимость регуляции процесса нерегистрируемой безработицы с помощью мотивационно-стимуляционных механизмов предполагает нали-

чие знания о том, кто эти люди, не считающие целесообразным обращаться в службу занятости, что они собой представляют, каково их материальное положение и особенности экономического поведения, связанного с поиском экономических альтернатив для оптимального выбора. Строго говоря, уровень безработицы складывается из комплекса решений, которые принимаются и теми, кто предлагает свой труд, и теми, кто предъявляет на него спрос. Очевидно, что все они учитывают и возможные выгоды, и ожидаемые издержки в ходе принятия тех или иных решений. Темпы роста уровня безработицы отражают не только растущую нехватку рабочих мест, но и изменения в оценке ожидаемых выгод и издержек, с которыми связаны поиски работы. Как издержки согласия на работу, так и издержки отказа от нее для разных людей весьма различны в зависимости от таких факторов, как пол, возраст, стаж, квалификация, принадлежность к тем или иным профессионально-должностным группам, источники дохода, средства существования.

Согласно социально-экономическому обследованию домохозяйств г. Минска в 1998 г.⁴, *контингент незарегистрированных безработных* состоял на две трети из мужчин, а на одну треть – из женщин; 46,7 % этого контингента составляли люди в возрасте от 16 до 30 лет; 30,9 % незарегистрированных безработных обладали средним специальным и высшим образованием. По профессиональным характеристикам данный контингент состоял: на 45,6 % из квалифицированных рабочих промышленности, сельского хозяйства и операторов; на 26,6 % – из руководителей и специалистов высшего и среднего уровня квалификации; на 9,6 % – из специалистов среднего уровня квалификации и служащих; на 15,2 % – из служащих и работников сферы обслуживания; на 12,6 % – из неквалифицированных рабочих.

Продолжительность незанятости составляла до года у почти половины незарегистрированных безработных. От года до 5 лет не имели постоянной оплачиваемой работы 1/3 безработных. В то же время среди незарегистрированных безработных наблюдалась более интенсивная сменяемость состава, что свидетельствует о большей активности экономического поведения: только каждый пятый незарегистрированный безработный обращался в службу занятости, а два из трех надеялись в поисках приемлемого для них заработка только на себя. Есть основания для вывода о том, что каждый четвертый из незарегистрированных безработных занимался «челночным» бизнесом, в то время как каждый второй довольствовался случайными заработками и каждый четвертый относил себя к категории «иждивенец».

По определению к незарегистрированным безработным относятся *лица, обладающие формальными признаками безработного, готовые приступить к работе при определенных условиях, но не состоящие на учете в государственной службе занятости*. Нерегистрируемая безработица представляет собой латентный феномен рынка труда, слабо изученный в силу естественной скрытости своих характеристик, что осложняет выработку эффективных социально-экономических механизмов регулирования данного явления. Существо проблемы нерегистрируемой безработицы для государства заключается в том, что эта специфическая группа представителей рабочей силы находится вне поля зрения органов власти. Это означает, что конструктивные результаты их возможной хозяйственной активности не приносят пользы бюджету страны в виде налоговых поступлений, и в то же время их возможные (в большей или меньшей мере осознанные) деструктивные действия непосредственно не контролируются соответствующими государственными службами.

⁴ К безработным в Республике Беларусь относятся трудоспособные граждане в трудоспособном возрасте, постоянно проживающие на территории данного государства, не имеющие работы, не занимающиеся предпринимательской деятельностью, не обучающиеся в дневных учебных заведениях и не находящиеся на военной службе.

Традиционная политика государства в области влияния на уровень нерегистрируемой безработицы связана с попытками ее преобразования в регистрируемую занятость. Включение данного механизма не оказывает заметного влияния на размеры нерегистрируемой безработицы хотя бы потому, что привлекать на государственные предприятия на худших условиях тех, кто уволился по причине низкого заработка, не имеет смысла. Выбрасываемые на рынок вакансии (в большинстве своем непривлекательные по уровню заработной платы) в конце концов замещаются, однако не безработными данной группы, весьма требовательными к размерам денежного вознаграждения за свой труд, а лицами, ведущими домохозяйство, преимущественно женщинами, которые используют возможность подработки.

Очевидно, что проблему нерегистрируемой безработицы невозможно решить «в лоб» и здесь нет и не может быть одного универсального «рецепта». Это связано со значительной разнородностью представителей данной группы, отличающихся как по своим социально-экономическим характеристикам (полу, возрасту, образованию, профессии и т. д.), так и по реализуемой модели экономического поведения. В рамках выявленной модели экономического поведения незарегистрированных безработных можно выделить основные «социологические портреты» типичных представителей этой группы⁵.

Тип 1. «Индивидуал» – представитель сферы нерегистрируемой занятости, носитель активного, рыночного типа экономического поведения. Работает в области малого производства либо в сфере услуг, обычно на дому. Спектр конкретных занятий весьма широк: пошив и ремонт одежды, обуви; выделка меха, кожи; слесарные и столярные работы; приготовление продуктов питания с последующей реализацией; выращивание на приусадебном участке овощей, фруктов, лекарственных трав с последующей их реализацией; репетиторство, консультации и т. д. Представители данной группы незарегистрированных безработных – мужчины и женщины в возрасте, как правило, от 30 лет и старше. К этим годам приобретаются и закрепляются навыки, позволяющие *индивидуалу* поддерживать достаточный уровень конкурентоспособности для сохранения и укрепления своей ниши на рынке.

Тип 2. «Теневик» – представитель полуполюгальной, нелегальной и криминальной сфер экономики, носитель псевдорыночного, потребительского типа экономического поведения; нередко – профессионал своего «дела»; как правило, не занимается производством. Стратегия экономического поведения состоит в перераспределении благ в свою пользу любыми средствами (шантаж, мошенничество, рэкет и т. д.).

Тип 3. «Люмпен» – представитель «коренной» подгруппы незарегистрированных безработных – социальный иждивенец, носитель приспособленческого, потребительского типа экономического поведения.

Тип 4. «Профессионал» – специалист высокого или среднего уровня квалификации, уволенный с последнего места работы по сокращению или ушедший по собственной инициативе, к примеру, из-за низкой оплаты труда; носитель профессионального типа экономического поведения. Считает ниже своего достоинства обращаться за помощью в трудоустройстве на биржу труда; как правило, достаточно высоко оценивает свою конкурентоспособность, верит в себя и свои силы, поэтому занимается поисками подходящего места самостоятельно. До тех пор, пока подходящая вакансия не найдена, представитель этой группы занимается, как правило, профессиональным надомным трудом (например, сборкой компьютеров на дому, написанием компьютерных программ под заказ и др.).

Из выделенных типов незарегистрированных безработных два – «теневик» и «люмпен» – бесперспективны в плане изменения модели их экономического поведения, поскольку не мотивируются к легальной трудовой

деятельности. Первый ориентирован на получение максимума выгод при минимуме затрат, второй испытывает неприязнь к самому процессу труда. Таким образом, реальную работу можно вести с двумя оставшимися типами – «профессионалом» и «индивидуалом». Применительно к ним возможно применение социально-экономических механизмов регуляции их экономического поведения.

Так, стремление «профессионала» к самостоятельному (по крайней мере на ранних стадиях безработицы) решению проблем трудоустройства необходимо поддерживать посредством расширения спектра возможных альтернатив. Поскольку содержание интереса «профессионала» ориентирует его скорее на работу в организации, нежели автономно, одним из эффективных механизмов включения безработных этой группы в сферу регистрируемой занятости мог бы стать сетевой маркетинг. Предпосылками именно такого выбора «профессионалов» являются, во-первых, их тяготение к «встраиванию» себя в некую хозяйственную систему, где они могут занимать определенное место и выполнять соответствующий набор функций (представителям этой группы легче оценить и освоить готовую модель организации, нежели пускаться в «одиночное плавание»); во-вторых, базовое высшее образование профессионалов (независимо от того, техническое оно или гуманитарное) способствует успеху их деятельности в сетевых структурах, использующих методы прямого распространения благ.

Сетевой принцип построения производственно-торговых компаний широко развит во всем мире и признан наиболее гибким механизмом распространения товаров и услуг высокого качества. Так, например, в США сегодня более 50 % совокупного товарооборота осуществляется по сетевому принципу, в Японии – до 90 % всех товаров и услуг «находят» своего потребителя посредством сетевого маркетинга. В целом же, по данным мировой экономической статистики, в сетевых структурах профессионально работают более 30 млн чел. В Республике Беларусь действует целый ряд компаний сетевого маркетинга, осуществляющих продвижение широкого спектра потребительских товаров. Они представляют собой самоорганизующиеся эволюционные структуры, которые не только способствуют насыщению рынка недостающими высококачественными товарами и услугами, но и создают новые рабочие места, на которые государство не тратит средств.

Что же касается рабочих, особенно рабочих-универсалов, то для них характерна сфера деятельности «индивидуала», когда на дому он занимается примерно тем же, чем он занимался в рамках организации (на заводе, фабрике).

Самостоятельную занятость в сложившихся социально-экономических условиях Беларуси следует рассматривать как реальную возможность снижения уровня нерегистрируемой безработицы, повышения экономической активности населения, создания новых рабочих мест. Кроме того, в период становления рыночных отношений неопределима роль самостоятельной занятости в связи с ее способностью формировать и поддерживать конкурентную среду, противодействующую монополистическим тенденциям.

В этой связи необходимы более активные, используемые в экономически развитых странах меры по поддержке и развитию самозанятости в области кредитной, финансовой и налоговой политики, а также переход от разрешительного к регистрационному порядку открытия собственного дела. Прямая финансовая помощь со стороны правительства должна быть увеличена. Республиканской службе занятости необходимо активизировать позицию в развитии и поддержке самозанятости. Последовательное формирование соответствующей инфраструктуры обеспечило бы функционирование малых предприятий (например, мелкооптовых магазинов и т. п.). Большую роль в развитии эффективности малых предприятий, специализирующихся на отдельных технологических операциях, должны сыграть крупные промышленные предприятия Республики Беларусь.

Анализ занятости, незанятости и безработицы в г. Минске показывает, что усилиями соответствующей государственной службы аккумулируется информация лишь о динамике *официальной* части текущего рынка труда, составляющей в г. Минске 1/6 от общего числа безработных. Между тем **необходимо** оценивать весь текущий рынок труда с точки зрения спроса и предложения рабочей силы с учетом как регистрируемой (0,7 % от экономически активного населения), так и нерегистрируемой (3,7 %) безработицы. Сложность проблемы состоит в том, что нерегистрируемая безработица перемещается в *первичный внешний* рынок труда, представляет собой феномен самостоятельного трудоустройства в обход государственной службы занятости. Практика регулирования занятости сводится к контролю регистрируемой безработицы, что приводит к расхождению между их уровнями. Административное снижение регистрируемой безработицы (официальной части открытого рынка труда) неизбежно ведет к повышению уровня нерегистрируемой безработицы на неофициальной части открытого рынка труда. Характер регулирования занятости, незанятости и безработицы в Беларуси, затрагивающий только *официальную* часть текущего рынка труда, способствует сохранению неэффективной занятости и пока что недостаточно согласуется с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг., обозначившей необходимость перехода к новой экономике знаний.

¹ См.: Loveridge R., Mok A. Theories of Labour Market Segmentation. Brussels, 1989. P. 90–115.

² См.: Закон Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» принят Верховным Советом Республики Беларусь 30 мая 1991 г., введен в действие с июля 1991 г.

³ См.: Анализ рынка труда г. Минска. Январь – декабрь 2006 года / Мин. гор. центр занятости населения. Мн., 2007. С. 7–9.

⁴ См.: Отчет о НИР «Оценка реального уровня занятости, незанятости и безработицы (выборочное обследование домохозяйств г. Минска)» / Мин. НИИ соц.-экон. и полит. проблем. Мн., 1998.

⁵ См.: Соколова Г.Н., Кобяк О.В. Социально-экономические механизмы регулирования нерегистрируемой безработицы // Бел. экон. журн. 2001. № 4. С. 91–99.

Поступила в редакцию 07.06.08.

Е.Е. КУЧКО,

КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ИЗУЧЕНИЯ ИННОВАЦИЙ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Представлены этапы становления инновативности и научных исследований инновационной деятельности. Рассмотрены актуальные проблемы изучения инновационной практики на современном этапе.

The stages of formation of innovative issues and scientific researches of innovative activities are described. Some actual issues of learning the innovative practice at present are considered.

Феномен инноваций на протяжении долгого времени является весьма привлекательным для теоретиков и практиков. Первые пытаются вскрыть их природу, описать закономерности и тенденции инновационного развития, показать диалектику традиций и новаций, определить специфику реализации инноваций, сравнить их виды, т. е. произвести по возможности системный анализ столь сложного и противоречивого явления. Вторые, порой даже методом проб и ошибок, стараются генерировать и реализовывать инновации любыми путями, стремясь к получению прибыли, приоритетов, укреплению позиций и ожиданий относительно перспектив. Историческое развитие показывает, что именно через инновации происходит обновление всех сфер жизнедеятельности общества. Но тот же исторический опыт позволяет сегодня с уверенностью говорить не только о преимуществах, дос-

тигнутых благодаря инновационной деятельности, но и об издержках, сложностях и противоречиях, связанных с ее осуществлением.

Осознание и понимание того, что инновационная деятельность связана не только с научно-техническим прогрессом, касается не только сферы материального производства, не всегда может быть измерена только коммерческими показателями (основным из которых является прибыль), заставило задуматься об иных аспектах инновационной теории и практики и заново поставить вопрос о природе инноваций, специфике их производства и реализации, их роли в функционировании общества, о возможностях и границах их применения. Вероятно, решить часть этих вопросов удастся, проводя историческую реконструкцию формирования научного дискурса изучения инноваций, репрезентации возможностей и перспектив изучения проблемного поля инноватики в настоящее время.

Обращение к инновационной проблематике можно усмотреть еще в творчестве Г. Тарда. В работах «Социальные законы. Личное творчество среди законов природы и общества» и «Социальная логика»¹ он показал роль инноваций в социальной жизни общества. По мнению Г. Тарда, отношение к изобретениям, творчеству является показателем социального прогресса, а освоение нововведений происходит через подражание, приспособление и конфликты. Именно законы подражания обеспечивают развитие общества в той степени, в которой общество способно производить и использовать нововведения.

Несмотря на то что уже с XIX в. на практике все активнее используются новшества (технические, технологические, производственные), систематическое научное изучение этого феномена оформляется только в начале XX в. Научное обоснование, анализ и описание инноваций связано с работами Й. Шумпетера, который впервые ввел в научный оборот сам термин «инновация». Изучение инноваций Шумпетером происходит с позиций технико-экономической парадигмы, а сами инновации трактуются как сугубо коммерческий процесс, средство преодоления экономического спада, источник прибыли². Необходимо отметить, что практически синхронно проработку инновационной проблематики вел русский ученый-экономист Н.Д. Кондратьев. Он утверждал, что основу общественного развития составляют крупные (базисные) инновации, которые влекут за собой множество вторичных, совершенствующих, используемых до тех пор, пока на смену не придет очередное базисное нововведение, которое откроет новый большой цикл в экономическом развитии³.

Сегодня можно утверждать, что работы Шумпетера (1911) и Кондратьева (1920–1925) представляли собой не только первую попытку научного оформления теории инноваций, но и стали началом формирования технико-технологической и экономической парадигмы их исследования.

Динамика научных исследований роли и статуса инноваций стабильно ориентировала на понимание их только как средства экономического роста, преодоления экономического кризиса, технико-технологической модернизации производства. Такая тенденция была очевидной вплоть до 1980-х гг. и нашла отражение как в трудах зарубежных исследователей⁴, так и в работах отечественных специалистов⁵.

Отрицать значимость такого рода исследований нет никаких оснований, поскольку в контексте научно-технического прогресса изучение особенностей технико-технологической реконструкции и экономической динамики производства давало возможность своеобразного мониторинга технических и технологических нововведений и корреляции их наличия с изменениями в экономических показателях. Тщательный анализ и отбор параметров эффективности таких нововведений и статистики их реализации послужили к 1980-м гг. осознанием того, что любое нововведение необходимо рассматривать как комплексный процесс, который измеряется множеством не толь-

ко технико-технологических и экономических показателей, но и социальных в широком смысле этого слова. Встал вопрос об организации и проведении системных исследований, направленных на выявление взаимосвязи инноваций различного уровня сложности, целевой направленности, содержательной наполненности между собой и социальной средой, на выявление и объяснение механизмов взаимоадаптации инноваций и среды их реализации, на создание способов интеграции инноваций с социальной средой. Актуальным стал вопрос о выходе инновационной проблематики на междисциплинарный уровень. Первыми прорыв в этом направлении осуществили немецкие исследователи В.Д. Хартман и В. Шток, которые обосновали связь человеческого фактора, организационной культуры с инновационной деятельностью⁶ и положили начало новому этапу научных исследований инновационной практики с позиций различных наук.

В сферу внимания исследователей начинают попадать вопросы, связанные с изучением причин противодействия нововведениям, психологических установок участников инновационных процессов, их мотивации, а также проблемы конструирования общей теории инновационного процесса (цикла) в единстве всех его фаз⁷. Особую роль в становлении инновационной теории этого периода сыграли разработки А.И. Пригожина, Б.В. Сазонова, Н.И. Лапина, В.С. Толстого⁸, осуществляемые во ВНИИ системных исследований под руководством Н.И. Лапина с позиций системно-деятельностного подхода. В этот же период достаточно активно начинают разрабатываться вопросы, связанные с методами управления нововведениями (Б. Твис)⁹, изучением социально-психологических (О.С. Советова и др.)¹⁰, организационно-управленческих (Е.Т. Гребнев и др.)¹¹ основ инновационной деятельности. Исследования этого периода весьма полиативны в содержательном и проблемном контексте. Иногда создается впечатление тематической разрозненности, эклектического сочетания тематических аспектов и целевых установок авторов. Но вместе с тем необходимо констатировать особую роль именно этих исследований в дальнейшей концептуализации инновационной теории и дальнейшей ее разработке. Этот период исследований показал возможности междисциплинарного анализа инновационной практики, раскрыл перспективы исследовательского поиска, сориентировал на дальнейшее изучение теоретико-методологических и практических проблем инновационного развития.

Таким образом, вторым этапом в формировании научного дискурса инновационной проблематики можно назвать период с начала 1980-х до середины 1990-х гг. Этот период как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях имеет целый ряд общих черт. Это, во-первых, интенция на изучение конкретных нововведений в различных сферах социальной жизнедеятельности, во-вторых, установка на комплексное исследование инновационной сферы с учетом системы факторов, прямо или косвенно влияющих на инновационную деятельность, что позволяло объяснить сам механизм инновационной деятельности, в-третьих, ориентир на междисциплинарный анализ проблем инноватики. Необходимо отметить еще одно достижение в разработке теории инновации, характерное для этого периода, – появление множества обучающих программ (тренингов, семинаров и т. д.) для участников инновационной деятельности на уровне конкретных предприятий, фирм и организаций. Такие программы носили конкретно-прикладной характер и создавались с целью консультации инновационной деятельности в конкретных ситуациях на конкретных объектах. Они были ориентированы на усвоение реципиентами конкретных нововведений определенных правил по их реализации и использованию. Так, речь идет о применении «мозговых штурмов», «синектики Гордона» как методов работы с руководителями и персоналом организации в целях формирования поведенческих установок и практических навыков в ситуации инновационных преобра-

зований. В традиции зарубежной социологии (в частности, американской) такие тренинги основывались на усвоении конкретных императивов, советов, носили рецептурный характер и имели узкую практическую направленность.

В отечественной социологии решение проблемы обучения инновационным практикам сводилось к использованию технологий «деловых игр» (в частности, «инновационных игр»), обучающих семинаров информационного характера. Можно утверждать, что такая попытка привлечения внимания руководителей и сотрудников фирм и предприятий к возможностям инновационных преобразований в производственной и хозяйственной деятельности имела смысл. Она преследовала достаточно серьезные цели – научить работать с нововведениями и сориентировать на инновационный стиль профессиональной деятельности через рекламу всех его возможностей и преимуществ. Так зарождалась система инновационного образования, которая прежде всего была адресована пользователям и исполнителям нововведений и ставила задачей объяснить цели и особенности инновационных изменений, научить адаптироваться к инновационной среде и максимально использовать преимущества конкретных нововведений, а по сути, эффективно реализовывать новшества и их генерировать. Такое обучение азам инновационного поведения и мышления имело большое значение для практики реализации инновационной деятельности с точки зрения повышения ее результативности и эффективности. Именно из этих обучающих программ позже (только в начале 2000-х гг.) вышло целое научное направление, получившее название «консультирование нововведений», которое сегодня является элементом технологии инновационной деятельности и включает такие направления менеджмента, как «коучинг инноваций» (тренинги персонала фирм и организаций в ситуации осуществления перемен) и «ченч-менеджмент» (управление изменениями в организациях). Спецификой этого же периода для отечественных исследователей являлось еще и то, что активно изменяющаяся в результате политических и экономических преобразований жизнь в этот период предоставила богатейший эмпирический материал для анализа инновационных преобразований трансформирующихся обществ и, безусловно, пополнила инновационную теорию новыми разработками и послужила базой для дальнейшего теоретико-методологического ее осмысления на новом качественном (да и временном) уровне.

Наконец, третий этап в развитии инноватики. Оформление его происходило на основе теоретического переосмысления всех достижений инновационной теории и практики предыдущих лет. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в основном под влиянием процессов, связанных с «перестройкой», был приобретен достаточно большой практический опыт реализации инноваций в экономической, политической, культурной и других сферах социальной жизнедеятельности. Правда, не всегда такой опыт носил позитивный характер. Но для научных изысканий в постсоветский период практика естественным путем преподнесла огромное количество ценнейшего эмпирического материала для дальнейшего методологического анализа. *Наличие такого инновационного опыта инспирировало с конца 1990-х гг. исследование новых аспектов инновационной деятельности, в наибольшей степени связанных с выводом их на орбиту своего рода теорий среднего уровня, которые, возможно, должны быть вписаны в структуру инноватики как отрасли знания, формирующие и обслуживающие инновационную практику.* Речь идет о целом ряде разработок, касающихся теоретико-методологического осмысления очень разных проблем производства, реализации нововведений и адаптации к ним. Научно-теоретический поиск идет в рамках исследований инновационного предпринимательства (Е.Г. Павлова, Н.Н. Сечко, А. Поболь, Г. Лыч)¹²; инновационного менеджмента и менеджмента инноваций (Ю.П. Морозов, В.Г. Медынский, Р.А. Фахтутдинов)¹³; мар-

кетинга инноваций (О.В. Пугачева, М.В. Романова)¹⁴; социологии нововведений (Е.Е. Кучко)¹⁵. Кроме того, в сфере исследовательских интересов сегодня находятся формы инновационной экономики (А.Г. Краснов, Г.Н. Соколова)¹⁶, а также конкретные виды инноваций: социальные инновации (С.А. Шавель, И.В. Бестужев-Лада)¹⁷, инновационная политика (В.И. Громека)¹⁸, культурные инновации (В.Ж. Келле, А.С. Ахиезер, В.П. Петров)¹⁹, организационно-управленческие инновации (А.И. Пригожин)²⁰. Появились работы, связанные с анализом сущности и значения социально-экономических изменений, происходящих под влиянием глобальной трансформации современного общества. Такие изменения являются фундаментом построения новой социальной системы – постэкономического общества, где главную роль играют нововведения, творчество (которые, в свою очередь, необходимо тщательно изучать, но не ускорять, не форсировать)²¹. Обозначена версия теоретико-методологического изучения общественно-функциональных инноваций (т. е. тех, которые относятся к нематериальной сфере) как имеющих принципиальное значение для появления и реализации всех остальных типов инноваций²². Ученые в своих исследовательских интересах объективируют реальные практические нужды, связанные с производством и реализацией инноваций, и фиксируют приоритеты познавательной деятельности в этом ключе с учетом запросов практики.

Спецификой современного периода развития инновационной теории является то, что активно изучать названное проблемное поле начали и белорусские ученые (до середины 1990-х гг. основная масса исследований в этом направлении проводилась в России). Здесь просматривается безусловная связь науки с практикой. А принятые «Концепция инновационной политики Республики Беларусь на 2003–2007 годы» и «Концепция национальной инновационной системы Республики Беларусь на 2006–2010 годы»²³ обеспечили поддержку и стимулирование инновационной деятельности со стороны государства, открыли новые перспективы и возможности для проведения активной научно-исследовательской работы в этом направлении. Так, установка на проведение государственной инновационной политики активизировала исследовательскую деятельность и научный поиск, поставила науку на службу практике. В целом можно констатировать факт создания концепций национальных инновационных систем, обозначившихся в конце 1990-х гг. и до сих пор активно реализующихся многими странами, что является еще одной специфической особенностью современного этапа развития инновационной теории.

Анализ современных теоретико-методологических разработок в области инноватики дает основание выделить некоторые особенности настоящего этапа ее развития. Во-первых, по-прежнему доминирует тенденция изучения инновационной практики в рамках экономической парадигмы (отсюда – масса исследований, посвященных анализу новых экономических форм, хозяйственной и коммерческой деятельности, технико-технологических преимуществ конкретных производств, и относительно небольшое число исследований, связанных с изучением социальных аспектов инновационной деятельности). Следствием такой тенденции является локальный эпизодический характер исследования лишь только некоторых параметров социального фона осуществления инноваций. По-прежнему вне поля зрения остаются вопросы взаимоадаптации нововведений и среды их реализации; изучение потенциала обучающих инновационных программ и тренингов для участников инновационных процессов и пользователей конкретных нововведений; система управленческого консультирования нововведений; комплексный анализ факторов, предопределяющих восприятие нововведений и определяющих их эффективность; правовое обеспечение инновационной деятельности и др.

Во-вторых, все чаще говорится о необходимости междисциплинарности исследовательских работ в области инноватики. Речь идет не только о социологизации проблемного поля инноватики, что имеет весьма принципиальное значение для мониторинга состояния общественного мнения в отношении инновационных преобразований и уровня инновативности участников инновационной деятельности, диагностики и прогнозирования инновационных процессов. Принципиальным становится проведение комплексных исследований по выявлению социально-культурных, социально-психологических, организационно-управленческих, экономических особенностей, составляющих среду производства и реализации инноваций; исторических, философских, социально-политических, правовых, мировоззренческих аспектов инновационной деятельности; информационно-коммуникативных и статистических параметров, сопровождающих инновационные процессы.

В-третьих, обнаруживается необходимость комплексной проработки теории инноваций и создания общей методологической базы для изучения проблем инноватики на междисциплинарном уровне, конструирования и уточнения категориального аппарата инновационной теории. Так, речь идет о междисциплинарной инновационной методологии, комплексно учитывающей особенности инновационного процесса и всех групп факторов, влияющих на инновационную деятельность. Такая методология даст возможность представить инноватику в виде междисциплинарного синтеза. Реализация этой задачи позволит конструировать комплексную междисциплинарную теорию инноваций, достичь терминологического единства в описании инновационных феноменов, т. е. снять полисемантическую интерпретацию прежде всего центральных категорий инноватики («инновация», «нововведение», «новшество», «творчество» и др.); определить методологические принципы и методы изучения инновационных явлений и процессов.

В результате проведенной исторической реконструкции генезиса инноватики и формирования научного дискурса рассмотрения ее проблем можно сделать некоторые выводы о перспективах изучения инновационной практики.

Итак, изучение инновационной проблематики целесообразно проводить в двух направлениях: теоретико-методологическом и опытно-экспериментальном. В первом случае открывается перспектива дальнейшего изучения и конкретизации основ инновационной теории, разработки и уточнения категориального аппарата и классификационных моделей инноваций, принципов и методов исследования инновационных феноменов. Это обеспечит компаративный анализ подходов к изучению инноваций, типов конкретных нововведений и факторов их реализации. Во втором случае возможно эмпирическое изучение, что позволит получить систематические социологические и статистические сведения как о динамике самих инновационных процессов, так и о социальной динамике отношения к ним. Кроме того, нельзя забывать о необходимости выделения уровней исследования инноваций не только в рамках структуры самой инноватики как науки, но и в режиме охвата инновационного (изменяемого) пространства. И тогда можно утверждать, что существует необходимость исследования инновационных процессов и инновационной деятельности на макроуровне (когда внимание сфокусировано на изучении динамики инновационных процессов в контексте социального развития, глобального и локального в реализации инновационных изменений), на среднем, или так называемом мезоуровне (когда внимание концентрируется на конкретной отрасли, предприятии, организации с точки зрения производства и использования инновационных ресурсов), и на микроуровне (когда изучается качество участников инновационных процессов, их инновационной креативности, адаптивности, перспективности и пр.). Результаты таких исследований создают базу для инновационной диагностики и прогнозирования, составляют основу разработки системы консультирования и управления инновационной деятельностью, позво-

ляют оперативно корректировать инновационную политику, осуществляемую на всех уровнях.

Такого рода работы в междисциплинарном контексте в рамках названных уровней исследования позволят изучить сам процесс инновационного развития, объективированный в различных сферах, в различном времени и месте, измеряемый в системе различных показателей, имеющий различную результативность и эффективность.

Очевидно, что успешность в реализации инноваций не определяется только техническими и технологическими показателями. Прогрессивное развитие возможно при одновременном совершенствовании техники, технологии, управления, культуры, мировоззрения. Следовательно, инновационные изменения, лежащие в основе общественного развития, также должны ориентироваться не только на технико-технологические и экономические трансформации, но и на изменения социальной среды и в социальной среде. Источником всех инноваций является социальная сфера. Реализация инноваций также происходит через использование социальных резервов, социального потенциала и в любом случае имеет ярко выраженный социальный эффект (даже если инновации носят технико-технологический характер). В связи с этим можно считать актуальной и необходимой установку на гуманизацию и гуманитаризацию инновационной практики²⁴. Гуманизация инновационной практики предполагает необходимость приведения ее в соответствие с потребностями человека, а также решение целого ряда проблем, связанных с исследованием инновационных рисков, механизмов взаимoadaptации нововведений и среды их реализации. Гуманитаризация инновационной практики предполагает ее исследование комплексом социогуманитарных наук. Это даст возможность не только для разноаспектного изучения инновационных феноменов, но и для проведения сравнительных исследований как в рамках одной науки, так и в системе целого комплекса научных дисциплин. Такую установку вполне можно расценивать как шаг к реализации междисциплинарного подхода к исследованию инноваций и построению общей методологической базы их изучения.

Попытка системного анализа становления инновационной теории и динамики развития инновационной практики, представленная в рамках данной статьи, позволяет обозначить: 1) этапы конституирования инноватики как науки; 2) современные тенденции в проведении исследований инновационной практики; 3) приоритеты современных научных исследований в обозначенном проблемном поле.

Итак, в становлении научного дискурса инноватики можно выделить три этапа и определить их временные рамки: 1 этап – начало XX в. – конец 1970-х гг.; 2 этап – начало 1980-х гг. – середина 1990-х гг.; 3 этап – середина 1990-х гг. – до настоящего времени. Следует отметить синхронную реализацию исследовательских интересов в изучении инноваций как фактора экономического роста в контексте научно-технического прогресса на первом и втором этапах развития инноватики как для зарубежных, так и для отечественных исследователей. «Сдвиг» исследовательских программ в сторону социальных факторов и последствий реализации инновационной деятельности обозначился только на втором этапе, а начало своей практической реализации нашел только на третьем этапе.

В качестве тенденции, характерной для реализации исследовательских подходов в отечественных и зарубежных исследованиях, отмечается устойчивая ориентация на использование технико-технологической и экономической парадигмы к описанию инновационной практики, экспансии сугубо коммерческих показателей в оценке инновационных феноменов и обосновании их эффективности. Доминирование такой исследовательской традиции существенно сокращает познавательные возможности и самих научных школ, работающих в сфере инноватики, и самой инновационной практики.

Все это служит поводом для переосмысления научно-практических приоритетов в сфере исследований проблем инноватики и ориентирует на конструирование комплексной междисциплинарной инновационной методологии и теории инноваций с использованием возможностей социально-гуманитарных наук. Реализация этой перспективы является задачей очередного этапа становления инноватики как варианта междисциплинарного синтеза.

¹ См.: Тард Г. Социальные законы. Личное творчество среди законов природы и общества: Пер. с фр. / Под ред. А.Е. Оболенского. СПб., 1998; Он же. Социальная логика. СПб., 1996.

² См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития: (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): Пер. с нем. В.С. Тономова [и др.] / Под общ. ред. А.Г. Милейковского. М., 1982.

³ См.: Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Избранные сочинения. М., 2002.

⁴ См.: Mensh G. Stalemate in technology: Innovation overcomes the depression. Cambridge, 1979; Vager M. J. Marketing new industrial products. London, 1975; Pavitt K., Walker W. Government policies towards industrial innovation: a review // Research policy. 1976. Vol. 12. № 6; Rodgers E. M. Diffusion of innovations. New York, 1983.

⁵ См.: Аганбегян А.Г. Управление социалистическими предприятиями. М., 1979; Бляхман Л.С. Экономика научно-технического прогресса М., 1979; Рапопорт В.С. Развитие организационных форм управления научно-техническим прогрессом в промышленности. М., 1984.

⁶ См.: Хартман В.Д., Шток В. Критический анализ буржуазных теорий и практики управления промышленными исследованиями и разработками: Пер. с нем. М., 1979.

⁷ См.: Инновационные процессы. М., 1982; Нововведения в организациях. М., 1983; Проблемы интенсификации и диагностики нововведений. М., 1984.

⁸ Там же.

⁹ См.: Твис Б. Управление научно-техническими нововведениями: Пер. с англ. / Науч. ред. К.Ф. Пузыня. М., 1989.

¹⁰ См.: Советова О.С. Инновации: трудности и возможности адаптации. СПб., 2004.

¹¹ См.: Гребнев Е.Т. Управленческие нововведения. М., 1985.

¹² См.: Павлова Е.Г. Инновационный потенциал малого научно-технического предпринимательства Беларуси: Социологический аспект // Социология. 2007. № 4. С. 167–177; Сечко Н.Н. Инновационная деятельность малых и средних предприятий Беларуси: социологический анализ // Там же. С. 159–167; Поболь А. Роль частного бизнеса в формировании национальной инновационной системы // Наука и инновации. 2007. № 2. С. 42–44; Лыч Г., Куриленок К. Рынок или инновации: некорректное противопоставление // Там же. № 9. С. 47–52.

¹³ См.: Морозов Ю.П. Инновационный менеджмент. М., 2000; Медынский В.Г. Инновационный менеджмент. М., 2004; Фахтутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. М., 1998.

¹⁴ См.: Пугачева О.В. Маркетинг инноваций: Региональный аспект. Гомель, 2005; Романова М.В. Маркетинговое управление инновационными проектами. М., 2003.

¹⁵ См.: Кучко Е.Е. Социология нововведений как специальная социологическая теория // Социология. 2007. № 4. С. 91–101.

¹⁶ См.: Краснов А.Г. Теория инновационной экономики. Чебоксары, 2001; Соколова Г.Н. Инновационные процессы в модернизации инновационной промышленности // Социол. исслед. 2001. № 9. С. 44–50; Она же. Белорусская модель инновационного развития в социальном измерении // Социология. 2007. № 3. С. 57–68.

¹⁷ См.: Шавель С.А. Социальные инновации как источник развития общества // Социология. 2004. № 3. С. 3–20; Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993.

¹⁸ См.: Громека В.И., Гвишиани Д.М. Теоретические аспекты исследований инновационного процесса и формирования инновационной политики промышленно развитых государств. М., 1999.

¹⁹ См.: Келле Ж.В. Инновационная система: типология и эффективность // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 70–80; Келле Ж.В., Михайлов А.П., Шведовский В.А. О пределах инновационных заимствований // Социология. 2001. № 13. С. 114–122; Ахиезер А.С. От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 2; Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М., 2004.

²⁰ См.: Пригожин А.И. Управление нововведениями: неопознанные ресурсы // Управление персоналом. 2000. № 1. С. 17–21; Он же. Организационная культура и ее преобразования // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 12–22; Он же. Цели организации: стереотипы и проблемы // Там же. 2001. № 2. С. 5–19.

²¹ См.: Иноземцев В. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 459–553.

²² См.: Научные основы идентификации и использования общественно-функциональных инноваций / А.В. Марков и др.; Под науч. ред. П.Г. Никитенко. Мн., 2004.

²³ См.: О Концепции инновационной политики Республики Беларусь на 2003–2007 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31.07.2003 г. № 1016; Концепция национальной инновационной системы Республики Беларусь на 2006–2010 годы. Мн., 2006.

²⁴ См.: Кучко Е.Е. Методы социологического изучения нововведений: особенности, возможности и перспективы использования // Философия и соц. науки. 2008. № 1. С. 43–46.

Поступила в редакцию 23.05.08.

А.Г. ЗЛОТНИКОВ,
КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (ГОМЕЛЬ)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Освещается методология выявления принципов социологического знания. Раскрывается их роль в отражении сущности социальных явлений, развертывании процесса познания и определении его перспектив. Содержание социологических принципов использовано при характеристике демографической ситуации.

A methodology of discovering the principles of sociological knowledge is given light. Their role in reflecting the essence of social phenomena, in developing the cognition process and determining its perspectives is revealed. The contents of sociological principles are used to characterize the demographic situation.

Прогрессивной тенденцией современной науки стало взаимопроникновение различных подходов исследования, что является существенной особенностью, фирменным знаком процесса познания и способствует взаимному обогащению, развитию наук. Несомненно, эта тенденция станет ведущей и в нынешнем столетии. Такое многогранное взаимодействие отражают научные принципы, которые движут и развивают научное знание, в том числе и социологическое. Системный характер любых явлений и процессов основывается на использовании определенных принципов их функционирования.

Но, как ни парадоксально может показаться, теоретический анализ, который прежде всего должен быть прерогативой философской и социологической наук, был взят на вооружение учеными других отраслей. В частности, экономисты проблеме принципов познания всегда уделяли значительное внимание. Характерно, что многие классические работы экономистов содержали слово «principles». У Рикардо «principles» – это начала, у Дж. Ст. Милля – основы или основания (свою первую книгу «Основы политической экономии» сначала печатал под названием «Основания политической экономии»). А. Маршалл также назвал свою работу «Принципы политической экономии», где рассматривал такие из них, как непрерывность, замещение, всеобщность правил. Термин «principles» в русском переводе используют и как принцип, и как начала, и как основу, и как основания, т. е. все они предстают синонимами. И «The Principles of Sociology» Г. Спенсера, начиная с русского перевода 1898 г., для нас – те же «Основания социологии». Отметим и то, что на заре развития научного знания (например, классической экономической теории) первоначальный подход в использовании термина «principles» состоял преимущественно в выявлении первопричин.

Современные экономисты поиск первопричин уже не ведут. Но тем не менее в современных научных изданиях и учебниках многие отрасли экономической науки исходят из ряда своих основополагающих принципов. В частности, у нас в стране в 2006 г. вышла книга академика Национальной академии наук Беларуси В.Г. Гусакова «Основные объективные законы, закономерности и принципы рыночной экономики», где три главы посвящены: основным принципам развития рыночной экономики (гл. 3); основополагающим принципам коммерческого риска (гл. 4); важнейшим принципам конкуренции (гл. 5)¹.

Принципы науки не выдумываются, не сочиняются, они отражают существование как в реальной действительности, так и в самой науке тех основополагающих подходов познания, которые способствуют процессу проникно-

вения в изучаемые явления и их адекватному отражению. Теоретико-методологические принципы выступают в качестве способа понимания социальной действительности, исходными пунктами объяснения проявляющихся тенденций, познания совокупности социальных фактов, явлений, процессов. При этом они должны показывать безграничную возможность дальнейших открытий, иными словами, применяя те или иные принципы науки, человек имеет возможность овладеть сущностью социальных явлений и процессов и отразить их.

Еще на заре становления позитивистской философии в целом и социологического знания в частности О. Конт указал на важность разработки принципов науки. И в противовес «смутным» принципам прежних философских систем он выделил принципы позитивного направления. Утверждая их теоретико-методологическую роль и «отказываясь открывать первопричину», господствовавшую в предшествующие эпохи, О. Конт выделяет принципы **относительности**, **неизменности** естественных законов (постоянства физических отношений), неизбежного **противоречия** «как тайного источника различных преобразований», **условий существования** в противоположность догмы о первопричинах, а также **рационального определения истинной иерархии наук**².

Эти принципы (а у О. Конта они тождественны и законам) уже в начале научного становления социологии вызвали интерес, обсуждение и споры, что способствовало их развитию. Российскими социологами были выдвинуты принципы **эволюционизма (теории прогресса)**, **детерминизма и редукционизма**, кроме этого, утверждались также принципы **индетерминизма, интроспекции и нормативизма**. Это становление завершилось осознанием необходимости **интеграции** социального знания на основе принципа их **дополнительности и коммуникации**³. Уделяли внимание анализу принципов социологии и такие личности, как П.А. Сорокин и С.Л. Франк, рассматривая прежде всего формы реализации принципа интеграции социального познания.

И позже в США для студентов-выпускников Гарвардского университета П. Сорокин читал свой знаменитый курс лекций «Принципы социологии». Он стремился найти «основной принцип (основание, первопричину), который пронизывает все составляющие элементы» культуры, «придает им смысл и значение и тем самым создает единую упорядоченную систему из хаоса разрозненных фрагментов»⁴.

К сожалению, последующее развитие отечественной (русскоязычной) социологии эту проблему принципов социологической науки если не отвергло, то просто проигнорировало, что выражается в недостаточности социологического теоретико-методологического знания. Так, ни в российских, ни в белорусской социологических энциклопедиях нет даже упоминания терминов «принципы социологии», «социологические принципы». Автору статьи удалось найти только одну работу – энциклопедический словарь по социологии В.А. Бачинина, где упоминаются принципы противоречия, рационализации и социальной детерминации⁵.

Правда, в белорусской социологической энциклопедии (редактор-составитель – А.А. Грицанов) термин «принцип» упоминается, но с социологией автор статьи С.А. Радионова точек соприкосновения не находит: «Принцип – (начало, основа, происхождение, первопричина) основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям»⁶. Это сокращенный вариант статьи, позаимствованной из московского издания «Философского энциклопедического словаря» общеметодологического плана. В этой энциклопедии (автор – В.И. Овчаренко) принципы (постоянства, производительности, реальности, удовольствия, психической жизни) представлены как основания психической деятельности.

Среди белорусских социологов проблему принципов процесса проведения социологического исследования рассматривала С.В. Лапина, выделяя принципы моделирования, системности и рефлексии⁷.

В научном плане принципы выполняют гносеологическую роль социального познания, исследования социальной действительности в ее целостности. **Принцип – это исходное методологическое положение науки, отражающее развертывание процесса познания и основные тенденции в развитии социальной действительности, и представляет совокупность идей, определяющих характер ее функционирования и познания.** Это означает, что принципы как исходные положения научного познания отражают: а) реальные процессы социальной действительности, б) развертывание процесса познания этой действительности и в) служат отправным моментом (ориентиром) этого познания. Основополагающие подходы любого познания, во-первых, предполагают возможность сведения принципов науки к меньшему их количеству, во-вторых, открывают возможность большего диапазона их проявления во всех сферах познания данной науки и, в-третьих, служат ориентиром в деле открытия широких возможностей дальнейшего процесса познания и даже позволяют выходить за пределы этой науки. Только тогда они будут и основополагающими и действительно принципами научного отражения и научного познания.

В рецензии на работу, где нами были подняты вопросы принципов социологического познания⁸, ведущий научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси, лидер белорусской демографии А.А. Раков отметил их методологическую важность. Но вместе с тем он справедливо констатировал необходимость более глубокой разработки для современной социологической теории проблемы принципов, ибо поднятая проблема, по его мнению, была затронута вскользь⁹. Поэтому она требует особого анализа.

Сформулированный методологический подход позволяет выделить в современной социологической теории следующие принципы: диалектической взаимосвязи; постоянного развития, изменения; самодетерминированности; биполярности; интеграции и дифференциации; соответствия; дополнительности; относительности; объективности и субъективности; а также рефлексивности.

Принцип единства, диалектической взаимосвязи явлений, процессов, социальных систем отражает эту многомерную взаимосвязь. К примеру, демографическое развитие находится в системе сложнейших и теснейших взаимосвязей с социально-экономическими, политическими, культурными, экологическими явлениями, тем самым характеризуя и отражая их органическое единство. И это влияние, взаимосвязь демографического развития с экономикой, экологией, потреблением, перспективами будущего ставятся в центр многих научных концепций. Именно этот аспект в мировой экономической и демографической науке отразил Т.Р. Мальтус. В русскоязычной науке впервые связь демографического развития с экономическими, социальными, политическими и моральными проблемами проповедовал Д.И. Менделеев, чья работа «К познанию России»¹⁰, к сожалению, мало известна даже специалистам. Во второй половине XX в. в связи с мировым «демографическим взрывом» эта глубокая связь по заданию Римского клуба была представлена известной концепцией «Пределы роста». В сфере демографического развития принцип единства, диалектической взаимосвязи фиксирует реальность этой многогранной взаимосвязи социальной действительности, показывает путь процесса ее познания и демонстрирует возможности более глубокого проникновения в отражении сущности протекающих демографических процессов.

Наиболее знаменитым примером взаимосвязи различных сторон жизни является классическая иллюстрация Ч. Дарвиным зависимости будущего урожая красного клевера от... демографических процессов по следующей

цепочке: возможный урожай красного клевера зависит от численности шмелей, опыляющих этот вид клевера; численность шмелей зависит от количества полевых мышей, разоряющих их норы и гнезда; численность мышей – от проворства кошек, уничтожающих этих грызунов; количество кошек – от числа старых дев, проживающих в окрестных селах, которые в основном и держат кошек; а число старых дев зависит от войн, окончание которых приводит к увеличению числа мужчин, вернувшихся с войн, а значит, и возможному замужеству, т. е. каждое звено в этой цепи предполагает возможное изменение других звеньев¹¹.

Именно этот социологический принцип анализа логико-методологической рефлексии взглядов экономистов на нобелевском небосклоне показывает, что современная экономическая и социальная мысль развиваются во взаимопроникновении и взаимосвязи различных наук. В частности, в экономической мысли обнаруживается взаимодействие и взаимосвязь экономики и математики, экономики и социологии, экономики и политологии, экономики и морали, экономики и истории, экономики и этнографии, экономики и правоведения, экономики и психологии и т. д. Более половины лауреатов Нобелевской премии получили признание за свои работы на стыке экономики с другими социально-политическими науками, среди них Г. Мюрдаль и Ф.А. фон Хайек (1974 г.), М. Фридмен (1976 г.), Дж. Мид (1977 г.), Г. Саймон (1978 г.), Р. Стоун (1984 г.), Ф. Модильяни (1985 г.), Дж. Бьюкенен (1986 г.), У. Шарп (1990 г.), Р. Коуз (1991 г.), Г. Беккер (1992 г.), Д. Норт и Р. Фогель (1993 г.), Дж. Нэш и Дж. Харшани (1994 г.), А. Сен (1998 г.), Дж. Стиглиц (2001 г.), В. Смит и Д. Канеман (2002 г.) и др.

Все социальные явления, процессы, социальные системы находятся в состоянии непрерывного развития, изменения. Эту тенденцию отражает прежде всего **принцип их постоянного развития и изменения**. Демографические процессы на протяжении истории человечества претерпевали серьезные изменения. Так, при аграрном производстве преобладала патриархальная семья, представлявшая не только единый социальный, но и единый экономический механизм. И большое количество в ней поколений, и их многочисленность отвечали интересам функционирования аграрной экономики. Переход от аграрной к индустриальной экономике привел и к изменениям социокультурных основ демографического поведения. Прежняя аграрная экономика поддерживала сельский тип расселения. Индустриальная экономика вызвала рост городов, глобальное доминирование разделения труда. Городская, или индустриальная, экономика, основанная на углубляющемся разделении труда, в патриархальной семье уже не нуждалась. Сущностью современных тенденций развития общества является переход к новой экономике, содержание которой составляет доминирование знаний.

А это создает объективные экономические и социальные предпосылки преобразования и нынешней индустриальной нуклеарной семьи, а следовательно, и современных демографических тенденций. В частности, сегодня наряду с узаконенными семейно-брачными отношениями широкое распространение приобретает незаконное сожительство (или на быденном уровне называемое «гражданским браком», что неправильно, в котором многие исследователи видят будущее семейных отношений. Такую возможность уже «институционировала» первой на постсоветском пространстве белорусская статистика, которая при проведении первой национальной переписи населения в 1999 г. характеристику брачного состояния отразила показателями «нахожусь в зарегистрированном браке» и «нахожусь в незарегистрированном браке».

Принцип самодетерминированности в социологии отражает такие процессы в развитии различных социальных систем, которые проявляются в самовоспроизводстве социальных отношений и которые не просто следуют за изменениями общества, а имеют свою внутреннюю логику развития –

сохранение и самопроизводство. В частности, П. Сорокин социокультурные изменения объяснял принципом имманентного изменения, имеющего в своей основе принцип границ¹². И порожденные кем-то социальные процессы позже развиваются по своим законам и часто случается – даже вопреки желаниям и замыслам тех, кто их инициировал. Этот аспект выражен классической характеристикой Ф. Энгельса, отметившего, что конечные результаты революционных изменений никогда не совпадали с замыслами тех людей, которые их осуществляли, и их плодами пользовались всегда другие. Принцип самодетерминированности отражают и демографические процессы, которые под влиянием последствий двух мировых войн развиваются по своим собственным законам – законам демографических «волн», что позволило выходцу из Беларуси лауреату Нобелевской премии по экономике 1971 г. С. Кузнецу выявить чередование 20-летних демографических периодов.

Взаимосвязь и интенсивность глобальных, организационных, технологических, культурных, социальных и биологических процессов подрывают, как отмечает М. Кастельс, «упорядоченный жизненный цикл, не заменяя его альтернативной последовательностью», и современное общество «характеризуется уничтожением ритмичности как биологической, так и социальной»¹³, и это является естественной основой самодетерминированности.

Развитие исходит из наличия разнородности, разнополярности социальных явлений и процессов: мужчина и женщина, отцы и дети, научное и ненаучное знание (в частности – наука и религия), новое и старое, прогресс и регресс, город и село, война и мир и т. д. и т. п., что и отражает **принцип биполярности**, а биполярность выступает источником взаимодействия и прогресса. В результате этого всякое социальное действие имеет сложный диалектический характер, который выражается противоречием двух основных тенденций – интеграции и дифференциации: сотрудничества и соперничества, сплоченности и конфронтации, кооперации и разделения, коллективизма и индивидуализма, стабильности и изменений, прогресса и регресса, упорядоченности и хаоса и других парных явлений. А демографическое развитие на личностном уровне означает реализацию принципа биполярности – взаимодействия двух полярных и взаимосвязанных гендерных групп (мужской и женской), которые в демографическом развитии (и принцип биполярности не скрывает, а выявляет это) имеют полярные интересы. Именно эту полярность интересов выявляют материалы переписей населения, характеризующие брачное состояние, когда численность замужних женщин, к примеру, по всесоюзным переписям 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и первой национальной переписи населения Республики Беларусь 1999 г. значительно превышала численность женатых мужчин. В общем, как характеризует эту биполярность Ф. Фукуяма: мужчины и женщины по-разному смотрят на физическую близость – «их намерения различны, и один из участников в конце концов обычно остается обманутым»¹⁴.

И социологическая, и демографическая наука, во-первых, выявляют наличие этой биполярности, а, во-вторых, в процессе познания сущности демографических отношений их отражают.

Из принципа биполярности следует, что в своей сущности социальные процессы в соответствующих условиях способны осуществлять взаимный переход (превращаться из одного в другое), т. е. менять свою направленность и их итоговый результат (со знаком плюс или минус). А это означает, что **принцип интеграции и дифференциации**, характерный для социальной системы, является и ведущим принципом социологии. Представляется, что интеграция и дифференциация составляют такие явления, которые в процессе своего внутреннего развития, а также перехода в другое состояние пронизывают все сферы общественной жизни. Скажем, создание новой семейной ячейки, с одной стороны, процесс интеграции – мужчина и жен-

щина создают новую социальную группу, но, с другой стороны, это одновременно и дифференциация – создание новой семейной пары означает, что мужчина и женщина «уходят» из прежних семейных ячеек. Они, интегрируясь и дифференцируясь, осуществляют новую интеграцию – объединяют не только двух индивидов, но и несколько семей, откуда происходят. И этот процесс бесконечен.

Принцип соответствия означает (и проявляется в том), что то, что хорошо в одно время, в одних условиях, может быть дурно в другое. Другая трактовка принципа соответствия (дополняющая его) гласит: выбор средств соотносится с ситуацией, оценка результата – со средствами, наконец, все вместе – цель, средства, ситуация – должны соотноситься между собой. И рыночные преобразования на постсоветском пространстве, как никакие другие процессы, отражают эти аспекты принципа соответствия (в терминологии М. Вебера – адекватности), показывая неоднозначность западного типа рыночного механизма в разных конкретных социальных условиях.

Несмотря на отсутствие кастовых предрассудков в демографическом поведении, а также многообразии и разнообразии семейных союзов, все же в большинстве своем браки совершаются в пределах своих социальных групп: служащий и служащая, рабочий и рабочая. Гораздо реже наблюдаются браки людей из разных социальных групп, но в связи с диспропорциями между мужчинами и женщинами в уровне образования гораздо чаще встречается брак, где женщина – служащая, а мужчина – рабочий, нежели наоборот. Это связано с тем, что женщин, имеющих среднеспециальное или высшее образование, гораздо больше, чем мужчин, – в экономике Беларуси удельный вес мужчин, имеющих высшее образование, составляет 20,1, а женщин – 25,3 %; мужчин, имеющих среднее специальное образование – 16,7, а женщин – 28,2 %; а доля женщин среди студентов вузов, техникумов (колледжей) Беларуси колеблется в пределах 60–65 %, мужчин – соответственно 35–40 %.

Используя **принцип дополнительности**, в частности, при рассмотрении главного объекта экономики и социологии, исходят из того, что этот объект не только смитовский «человек экономический», но и, как это отмечал К. Маркс, социальный. Он одновременно и эгоист, и альтруист; и существо рациональное и иррациональное; действующий как независимо, так и в контексте многих социальных переменных; как обладающий определенной информацией, так одновременно и не владеющий ею полностью или действующий в условиях асимметрии информации. Следовательно, эта ситуация предполагает учет принципа дополнительности и в социологии.

Интересна и трактовка действия принципа дополнительности в демографическом поведении одного из разработчиков концепции человеческого капитала лауреата Нобелевской премии по экономике 1992 г. Г.С. Беккера. Этот ученый, считающий себя больше социологом, чем экономистом, полагает, что желание иметь и воспитывать собственных детей определяется взаимодополняемостью (комплементарностью) мужского и женского труда, что обеспечивает достаточно сильный стимул для образования таких союзов. По мнению Г.С. Беккера, для создания семьи необходим следующий подход: когда какие-то личностные характеристики являются комплементарными (взаимодополняющими) в семейной жизни, сильнее проявляется тенденция к заключению браков между похожими друг на друга партнерами; когда какие-то личностные характеристики являются взаимозаменяемыми (субститутами) – сильнее тенденция к заключению браков между несхожими друг с другом партнерами. В этой связи брак Г.С. Беккером интерпретируется по аналогии с созданием партнерской фирмы: люди вступают в брак, если ожидаемый объем выпуска совместно производимых ими потребительских благ превосходит арифметическую сумму того, что они могут производить порознь. Брак – решение, связанное с ожидаемым чистым выигрышем (издержки минус выгоды), для тех, кто в него вступает.

Дети выступают как своего рода «блага длительного пользования»: они для родителей источник удовлетворений (в современном обществе по преимуществу неденежных), но их содержание требует немалых затрат как явных, так и неявных (и прежде всего времени родителей). Поскольку воспитание детей – процесс достаточно времеемкий, «эффект цены» перевешивает «эффект дохода», так как с повышением заработной платы предлагаемый на рынке спрос на эти «блага» (т. е. рождаемость) сокращается. Эта времеемкость влияет и на фактор «качества» детей, включая состояние здоровья, уровень образования. Именно эти факторы, по мнению Г.С. Беккера, лежат в основе сокращения уровня рождаемости в индустриально развитых странах.

Аналогичным образом разводы происходят тогда, когда полезность от сохранения брака оказывается ниже ожидаемых выгод, связанных с его расторжением. Несоввершенством информации на брачном рынке объясняется, почему большинство браков распадаются в первые годы совместной жизни. Чем длительнее брак, тем ниже вероятность развода, так как супруги накапливают специфический – по отношению к данной семье – человеческий капитал (навыки, привычки, установки) и ее распад сопровождается для них большими потерями, чем на ранних этапах¹⁵.

Принцип относительности в социальных науках так же, как и принцип дополнительности, был применен значительно раньше, чем физиками. Напомним в этой связи цитированного нами выше О. Конта. Этот принцип отражает, во-первых, релятивистскую ценность самой социальной науки, все же не способной дать ответы на все возникающие вопросы и проблемы социальной действительности. Во-вторых, он выявляет зависимость ученых и их выводов от их социально-политических взглядов. В-третьих, он предполагает необходимость сопоставления различных явлений и процессов. Относительность социальных явлений и процессов проявляется и в различных их оценках одними и теми же акторами, скажем, в роли производителя и роли потребителя. Относительность социальных явлений и процессов проявляется и в различии оценок с позиций их одновременных социальных ролей – как участников, с одной стороны, и интерпретаторов – с другой. В демографическом аспекте эту относительность иллюстрирует известная история с характеристикой матери супругов своих детей: «Вот у дочери – муж хороший, каждое утро подает кофе в постель; а сыну не повезло, жена требует, чтобы он ей в постель кофе приносил».

Относительность самой социологии в этом случае состоит в признании приоритета тех или иных социальных механизмов. В результате современный социологический подход отказывается от рассмотрения сложных социальных процессов и явлений в одной плоскости или в одном цвете. Относительность отражает то, что между черным и белым имеется и много оттенков серого цвета, что значительное большинство социальных явлений и процессов вызывают как положительные, так и негативные последствия. К примеру, развитие современного индустриального производства ведет к повышению степени удовлетворения многочисленных потребностей людей, прежде всего материального плана, но при этом одновременно приносит людям много проблем экологического характера.

Также неодинакова оценка демографических тенденций. Для одних стран (Африки, Азии, Латинской Америки) высокий уровень рождаемости представляет угрозу для социально-экономических перспектив, национальной безопасности, вызывает негативные последствия и в глобальном масштабе. Современные демографические процессы новых независимых постсоветских государств оцениваются также как угроза национальной безопасности. Но в первой группе стран эту обеспокоенность вызывает высокий, неконтролируемый рост рождаемости, во второй группе стран (а к ним мож-

но добавить и многие европейские государства) обеспокоенность порождена снижением уровня рождаемости. Это подтверждает относительный характер или одинаковых, или различных явлений и процессов. Относительна и их оценка в разные исторические эпохи.

Относительны и предложения, связанные со стимулированием рождаемости: например, предложение ввести налоговые льготы для женщин, имеющих детей, непременно вызывает у людей одобрительную реакцию, а предложение обложить дополнительным налогом бездетных женщин вызовет скорее возмущение. А ведь последнее представляет иную формулировку, по сути, первого предложения. Эта их оценка выявляет склонность людей стремиться к *status quo*, что выражается прежде всего в том, что человеку свойственно расстраиваться от потерь в большей степени, чем испытывать удовлетворение от, казалось бы, равноценных приобретений. Аналогичной будет и ситуация, связанная с пересмотром выплат матерям, имеющим мужей, и матерям-одиночкам.

Принцип **объективности и субъективности**¹⁶ отражает реально существующие в социальной действительности материальные и идеальные процессы и явления. Сущность социальных процессов, их направленность и влияние на различные стороны жизни общества и человека невозможно выразить однозначно каким-либо одним и даже комплексом явлений, потому что они одновременно и объективны, и субъективны. Объективны – так как развиваются вне нашего желания, субъективны – поскольку социальные процессы – это совокупные результаты интересов и действий людей. И в этом плане демографические процессы всегда отражают объективные условия существования демографического потенциала, рано или поздно значительная часть мужского и женского населения начнет выполнять свои репродуктивные роли. Но когда начнет и какие будут ориентиры и результаты – это уже зависит от субъективного поведения. И эти реально существующие противоречия между объективными потребностями государства и субъективным поведением граждан служат препятствием в деле реализации демографических программ.

Имеется и другой аспект этого объективно-субъективного противоречия: с одной стороны, научной общественностью и правящими структурами осознана и понята необходимость улучшения демографической ситуации и принятия мер по ее решению. Но, с другой стороны, часто (а для Беларуси это составляет главную проблему в отличие от России с ее возможностями использования нефтяного и газового насосов) объективные материальные и финансовые возможности не способствуют их адекватному решению.

Сложным подтверждением объективно-субъективного принципа является преобразование биосоциального характера демографических процессов в социобиологический.

И наконец, **принцип рефлексивности** исходит из существования расхождений между реальными причинами действий индивидов и тем, как они на самом деле логически осмысливают (представляют себе, понимают и объясняют) причины своего поведения. Так, в интерпретации В.В. Леонтьева принцип рефлексивности звучит следующим образом: «Как м-р Джонс оценивает ожидания м-ра Смита касательно возможных действий м-ра Робинсона?»¹⁷ Эта рефлексивность иллюстрируется и В. Парето по поводу различных форм и уровней: обыденных представлений, отношения к авторитету, традициям, табу, мифам, религии, научным и (как их рефлексия) псевдонаучным теориям, политическим доктринам и т. д.

Рефлексивность проявляется в том, что, анализируя, скажем, демографические процессы, мы часто рассуждаем не о процессах рождаемости, миграции, а о представлениях различных людей об этих процессах и оцен-

как этих явлений. Рефлексивность проявляется также и в том, что научная общественность, чиновники, политики, разрабатывая демографические концепции и программы, предполагают, что их благие намерения приведут к поставленным целям, что, скажем, потенциальные отцы и матери осознают необходимость улучшения демографической ситуации. Социологические исследования, мониторинг перспективного демографического поведения молодежи, психологии толпы заставляют усомниться в успешности таких мнений политиков, чиновников и ученых. В общем, как заметил когда-то классик, «если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, они обязательно опровергались бы».

Если оттолкнуться от представленных в обобщенном схематическом виде вышеприведенных принципов социологического знания, то вытекает необходимость отказа от рассмотрения в качестве социального механизма одной (монистической) парадигмы. Соответственно возникает необходимость перехода к анализу социальных процессов с позиций **«полипарадигмы»** («мультипарадигмы»), объединяющей несколько локальных теорий. Если монистическая парадигма (божественного откровения; «мудрости» законодателя; «невидимой» руки рынка А. Смита; борьбы классов К. Маркса; социокультурных ценностей М. Вебера; «либидо» З. Фрейда или иная другая) исходит из абсолютизации для одного какого-либо уровня только определенного социального механизма (а следовательно, и игнорирования других объяснений), то полипарадигмальный подход не отказывает в праве существования тем или иным подходам, признавая их правоту для определенных социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей или их определенного уровня. В результате использования такого подхода в социологии видно органическое единство проблемы «новизна и преемственность», способствующее возникновению нового знания и новых ее направлений (аналогичные тенденции идут и в других науках), их признания, влияния на этот процесс многообразия социальных, политических, экономических, психологических и иных факторов. А это означает, что перед современными социологией и демографией встает задача создания большой теории, основывающейся на принципах и полипарадигмальном подходе.

Отсюда для современной науки вообще и философии и социологии в частности вытекает, во-первых, преодоление монистических интерпретаций социальных процессов, а, следовательно, во-вторых, – обоснование полипарадигмального (в терминологии В.В. Леонтьева – «плюралистического») характера социальных наук. Его аргументация означает, что «плюралистический характер какого-либо подхода заключается не в одновременном применении существенно различных типов анализа, а в готовности переходить от одного типа интерпретации к другому. Объяснение такому методологическому эклектизму лежит (и это принципиальный момент наших рассуждений) в ограниченности любого типа объяснений или причинно-следственных связей (я употребляю оба эти понятия как равнозначные). Ни экономический, ни антропологический, ни, скажем, географический анализ не могут при современном состоянии развития соответствующих наук привести к единственно правильному утверждению»¹⁸. Причем каждый из этих «столь различных подходов можно запросто отнести к различным уровням вероятности».

«Процесс постепенного углубления и расширения экономической теории, – отмечает далее Леонтьев, – естественным образом приводит к ее более плотному контакту со смежными областями знаний. Возникло такое сотрудничество между современной экономикой и технико-экономическими науками, основанное на эффективном разделении труда между ними. Однако пограничные области экономики, соприкасающиеся с другими общест-

венными науками, все еще слабо исследованы, а ее взаимосвязи с ними отмечены не столько активным сотрудничеством, сколько юридическими спорами, в которых каждая сторона выражает притязания на некоторые чужие территории, которыми при наличных на сегодняшний день ресурсах она не может овладеть. Две области научного знания могут активно взаимодействовать только на основе явного концептуального пересечения. Более того, внутренняя практическая значимость пересекающихся, то есть общих, понятий должна быть доказана независимо в каждой из двух смежных наук. Если эти основополагающие условия не выполняются, работа междисциплинарных комитетов и проведение переговоров только приведут к обмену взаимными притязаниями и упреками»¹⁹.

Таким образом, социологические принципы диалектической взаимосвязи, постоянного развития и изменения, самодетерминированности, биплярности, интеграции и дифференциации, соответствия, дополнительности, относительности, объективности и субъективности, а также рефлексивности, во-первых, фиксируют многоаспектный и реальный характер этой социальной действительности и процесса ее познания. Во-вторых, они дают логическое обоснование совершаемому в социологической науке переходу от монистического отражения социальной действительности к полипарадигмальному²⁰. Причем последний аспект не является характерным только для одной какой-либо общественной науки или ее отрасли, он наблюдается в каждой из тяготеющих к сотрудничеству социальных наук, отражая реальность объекта социологического познания в его единстве и его диалектической взаимосвязи.

¹ См.: Гусаков В. Г. Основные объективные законы, закономерности и принципы рыночной экономики. Мн., 2006.

² См.: Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д., 2003. С. 74, 81–84, 94, 113, 118–119, 230.

³ См.: Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. Мн., 2000. С. 25–28.

⁴ Козер Л. А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 373–374.

⁵ См.: Бачинин В. А. Социология. Энциклопедический словарь. СПб., 2005. С. 151–152.

⁶ Социология: Энцикл. / Сост.: А. А. Грицанов и др. Мн., 2003. С. 791.

⁷ См.: Лапина С. В. Социологическое познание: Методологические проблемы исследования социальных явлений и процессов: Учеб. пособие. Мн., 1998. С. 21–26, 52, 73.

⁸ См.: Злотников А. Г. Социология и экономическая мысль. Мн., 2002.

⁹ См.: Социология. 2002. № 4. С. 90–91.

¹⁰ См.: Менделеев Д. И. К познанию России. М., 2002.

¹¹ См.: Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. М., 2002. С. 374–375.

¹² См.: Козер Л. А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 375.

¹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 414.

¹⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2004. С. 140.

¹⁵ См.: Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. С. 382–486.

¹⁶ См.: Бабосов Е. М. Социология: в 2 ч. Ч. 1. Общая социологическая теория. Мн., 1998. С. 5–6.

¹⁷ Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ См.: Лапина С. В. Социологическое познание: Методологические проблемы исследования социальных явлений и процессов: Учеб. пособие. Мн., 1998. С. 49.

Поступила в редакцию 06.12.07.

А.Л. ПУШКИН (МИНСК)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

Рассматриваются основные факторы и условия, способствовавшие возникновению Чернобыльского синдрома среди значительной части населения страны. Предлагаются конкретные механизмы, реализация которых снижает уровень социально-психологического напряжения населения в посткатастрофный период.

Seen are the basic factors and conditions which contributed to creating the Chernobyl syndrome among the considerable part of the population in Belarus. Suggested are some definite mechanisms which when realized enable to decrease the level of social-psychological tension of the population in the post-catastrophic period.

После аварии на Чернобыльской АЭС прошло более 20 лет, за это время в стране выросло новое поколение, однако чернобыльская тематика продолжает оставаться актуальной не только для жителей пострадавших территорий, но и для значительной части населения Беларуси. Результаты многих научных исследований подтверждают наличие устойчивой связи между произошедшей аварией и социально-психологическим состоянием массового сознания населения страны.

Институтом социологии НАН Беларуси в 2007 г. проведен республиканский социологический опрос, в ходе которого по репрезентативной выборке опрошено 1005 человек, проживающих в сельской местности. Особенность данного исследования заключалась в том, что, во-первых, на вопросы о последствиях аварии на Чернобыльской АЭС отвечали респонденты, проживающие как на «чистых», так и на загрязненных территориях, во-вторых, чернобыльская тематика в данном исследовании являлась второстепенной наряду с основными вопросами по проблемам реформирования АПК. Это обстоятельство в определенной степени снижает эффект «испуга поля», когда содержание вопросов анкеты, касающихся только чернобыльской проблемы, суггестивно воздействует на респондента, а его опасения лишиться определенных льгот от проживания на радиоактивной территории влияют на его ответы.

Как правило, социологические исследования по данной проблеме проводились при помощи специализированного социологического инструментария среди трех категорий респондентов: 1) проживающих на территориях с повышенным уровнем радиации; 2) принимавших участие в ликвидации последствий аварии («ликвидаторов»); 3) переехавших на «чистые» от радиации территории, так называемых переселенцев.

Все население страны не опрашивалось по проблеме аварии на ЧАЭС, поскольку границы физического воздействия радиации были четко очерчены и, естественно, объектом научного исследования являлись люди, которые имели отношение к данным территориям. В нашем случае исследователи исходили из предположения, что наряду с физическим феномен Чернобыльской аварии оказывает социально-психологическое воздействие, которое по своим масштабам значительно шире.

Ученых интересовало мнение респондентов относительно гипотетического влияния последствий аварии на ЧАЭС на условия проживания. Эмпирическими индикаторами тревоги и беспокойства респондентов являлись ответы на вопросы о том, сказались ли на условиях их проживания последствия аварии на атомной станции, во-первых, и если да, то в какой степени их это беспокоит и по каким причинам, во-вторых. На первый вопрос почти каждый второй (47,7) ответил утвердительно, каждый пятый (18,9) придерживался противоположного мнения и каждый третий (31,5) не имел определенного мнения, только 1,9 % не дали ответа на данный вопрос, проигнорировав его.

Социально-демографические характеристики являются существенным дифференцирующим фактором, влияющим на восприятие респондентами последствий аварии. Так, среди женщин доля положительно ответивших

значительно больше, чем среди мужчин, – 52,2 и 42,5 % соответственно. В возрастной когорте 40–49 лет больше всего обеспокоенных последствиями аварии – 59,9 %. В целом среди респондентов от 20 до 60 лет каждый второй (52,5 %) считает, что последствия аварии сказались на условиях их проживания. Меньшую обеспокоенность высказывают респонденты в возрасте до 20 и свыше 60 лет – 43,3 %.

Среди категории холостых и незамужних респондентов только 29,8 % считают, что последствия аварии сказались на их жизни, среди тех, кто состоит в браке, также считают 54,9 %, что в определенной мере связано как с демографическими особенностями, так и с беспокойством по поводу здоровья детей.

Сравнительный анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о наличии определенных противоречий в ответах респондентов. Так, при оценке качества окружающей среды по месту жительства, в первую очередь радиационной обстановки, только 6,2 % от числа опрошенных негативно оценили ее уровень. Ответы остальных респондентов распределились следующим образом: хорошая – 12,5 %, удовлетворительная – 26,2 %, плохая – 6,2 %, затрудняюсь ответить – 53,7 %.

Среди оценивающих радиоактивную обстановку по месту своего жительства негативно 4/5 считают, что последствия аварии сказались на условиях их жизни; из оценивающих радиационную обстановку как хорошую 39,5 % считают, что последствия аварии сказались на условиях их проживания, а среди тех, кто оценивает радиационную обстановку как удовлетворительную, каждый второй (51,0 %) считает себя затронутым последствиями аварии на АЭС. Приблизительно половина опрошенных не владела информацией об уровне радиоактивного фона местности, в то же время среди данной категории 43,8 % считают себя жертвами аварии, а 16,7 % придерживаются противоположного мнения. Таким образом, даже при отсутствии определенных знаний об уровне радиации респонденты в большей мере склонны признать негативное воздействие на них последствий аварии на ЧАЭС, а тех, кто отрицает данное воздействие, почти в три раза меньше.

Далее в ходе анкетного опроса уточнялась степень тревоги, беспокойства респондентов по поводу возможного влияния аварии на условия их проживания.

В целом по стране (1005 чел.) каждый четвертый из числа опрошенных (26,1 %) испытывает в связи с произошедшей аварией в значительной степени тревогу, беспокойство и страх. В Могилевской области таких людей значительно больше – 43,3 %, а если добавить сюда тех респондентов, которые испытывают беспокойство, но в незначительной степени (15,8 %), то получится, что 59,1 % сельских жителей в Могилевской области, 52,8 % в Гомельской области и 45,7 % в Минской области в той или иной степени озабочены последствиями аварии на Чернобыльской АЭС. В других областях таких респондентов меньше, но тем не менее они составляют значительный процент от числа опрошенных. В целом по стране только каждый десятый (11,5 %) из числа опрошенных не испытывает никакого беспокойства и страха в связи с аварией, а почти каждый второй (45,7 %), в той или иной степени проявляет беспокойство по поводу последствий аварии на ЧАЭС. Представленные цифры свидетельствуют о неблагоприятной психологической обстановке, повышенной степени тревожности среди значительного числа сельского населения страны, что, естественно, сказывается на здоровье и репродуктивных установках населения, социально-экономическом развитии общества.

В табл. 1 представлены полученные данные в региональном аспекте.

Таблица 1

Испытываете ли Вы тревогу, беспокойство и страх в связи с возможным влиянием на условия Вашего проживания последствий аварии на Чернобыльской АЭС? (%)

Области	Да, в значительной степени	Да, не в значительной степени	Нет никакого беспокойства и страха	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Могилевская	43,3	15,8	7,4	14,8	18,7
Гомельская	26,3	26,5	12,3	11,6	23,3
Минская	28,7	17,0	3,3	11,9	34,1
Брестская	20,4	19,0	15,2	16,6	28,2
Гродненская	21,7	17,8	4,2	17,7	38,6
Витебская	19,7	14,7	29,8	13,9	21,9

Если рассмотрим конкретные причины, вызывающие беспокойство, то они в основном связаны с состоянием здоровья респондента, его родных и близких. На вопрос анкеты: «Если Вы испытываете определенное беспокойство по поводу аварии на ЧАЭС, то с чем это связано» – были получены следующие ответы: ухудшение своего здоровья – 31,4 %, ухудшение здоровья близких людей – 24,8 %, возможные негативные последствия, влияющие на здоровье будущих поколений – 18,7 %, вероятность потребления сельхозпродуктов с повышенным уровнем радиации – 10,7 %, возможность радиоактивного загрязнения ягод, грибов, дичи в лесу, рыбы в водоемах – 9,5 %.

Представленные цифры свидетельствуют о том, что среди значительной части населения страны существует повышенный уровень тревожности и беспокойства по поводу возможного негативного воздействия последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Данное явление вышло далеко за пределы реального воздействия аварии, так как существует на всей территории страны, независимо от того, выявлен ли в конкретном регионе повышенный радиационный фон или нет. Таким образом, термин «Чернобыль» стал самостоятельным информационным феноменом, который существует в определенной степени автономно и независимо от самого факта аварии на ЧАЭС и имеет тенденцию к росту. В истории человечества можно насчитать только несколько катастроф, породивших такой информационный резонанс, как Чернобыль, например крушение «Титаника».

Эмпирические данные свидетельствуют об определенной мифологизации общественного сознания среди значительной части респондентов по отношению к последствиям аварии на ЧАЭС. В данном случае мы рассматриваем понятие «миф» в переносном смысле слова как связанное с заблуждением, вымыслом, иллюзией. Подобное явление возникает, как правило, если ситуация неопределенная, имеются незначительные или противоречивые данные, которые воспринимаются в основном наглядно-образным мышлением или же воображением, в конечном итоге порождающим миф. Если же ситуация ясная, исходных данных достаточно и они не противоречат друг другу, то действует логическое, практически действенное мышление. Основными признаками мифологического мышления являются следующие: отсутствие рефлексии, т. е. принятие на веру любых утверждений, не требующее доказательств и аргументов, и безразличие к противоречию, содержащемуся в мифе, которое представляется его носителям в высшей степени реальным и служит в основном предметом веры, эмоционального, а не рационального познания.

Таким образом, наряду с физическими факторами воздействия катастрофы значительное влияние на здоровье респондентов оказывают психологические, стрессогенные причины, которые по значимости перекрывают прямые техногенные последствия, распространяясь далеко за пределы непосредственного воздействия катастрофы.

Если полученные нами данные сравнить с результатами других исследований, например, при опросе респондентов, проживающих в зоне радиа-

ционного загрязнения Могилевской области в 2005 г., то получим следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Как Вы оцениваете степень радиационной опасности в Вашей местности? (%)

Варианты ответов	Население	Эксперты
Очень высокая опасность	32,2	1,8
Умеренная опасность	58,8	57,1
Опасности нет	3,3	28,6

Проведенное Институтом социологии в 2000 г. при опросе респондентов исследование показало, что большинство жителей загрязненных регионов Могилевской области испытывают чувство страха в связи с радиацией (из них 44,1 % – «часто и постоянно», а 26,4 % – «иногда»)¹.

Результаты многочисленных социологических исследований свидетельствуют о широком распространении специфического радиозологического чернобыльского синдрома. При этом прослеживается его четкая взаимосвязь с уровнем беспокойства по поводу ухудшения здоровья. В 1987 г. данным синдромом было охвачено 48 % обследованных, в 1991 г. – 54 %, в 1995 г. – 74 %, в 2000 г. – 83 % респондентов².

Названная проблема особенно актуальна в связи с тем, что правительством страны принято решение о строительстве новой АЭС. В этом случае мнение всего населения по проблемам ядерной энергетики страны является важным фактором, оказывающим влияние на развитие и функционирование ядерной отрасли. По нашему мнению, необходимо существенное повышение уровня научного знания населения по ядерной тематике. Для улучшения качества данной работы в стране создается информационный центр развития ядерной энергетики. Очевидно, что эта структура должна стать не только еще одним органом по распространению информации, а координатором всей информационно-аналитической работы по проблемам развития и безопасного функционирования атомной энергетики, который не только информирует, но и создает предпосылки и условия для конкретного использования полученного знания в повседневной жизни населения, обеспечивающего безопасность в условиях развития ядерной энергетики.

Существующая радиофобия негативным образом сказывается на адаптационных стратегиях населения, разрушительно воздействует на социально-психологическое состояние личности. При этом следует учитывать то обстоятельство, что явление, воспринимаемое как реальность, воздействует на субъекты независимо от того, в какой степени оно фактически, объективно существует. Данное положение подтверждается теоремой Томаса, из которой следует, что если ситуация определяется субъектом (в данном случае – респондентом) как реальная, то она действительно становится реальной по своим последствиям³. То, что образы воображения могут конденсироваться и усиливаться до полного тождества с реальностью, отмечал, в частности, философ Б.П. Вышеславцев⁴.

Любая фобия опасна тем, что она может спровоцировать заболевания даже там, где для этого нет объективных предпосылок. Здесь играет роль не реальная взаимосвязь с негативными последствиями, а психологическая, иллюзорная взаимосвязь с негативом, которая провоцирует соматические и психологические заболевания человека.

Характерной особенностью современной жизни является резкое увеличение количества людей, находящихся в пограничных стрессовых состояниях, которые характеризуются неустойчивостью здоровья, балансирующего между здоровьем и нездоровьем. Психика такого человека не справляется с объемом негативной информации и дает сбой в виде психических или соматических заболеваний. По статистике 35 % больных хроническими заболеваниями в основе своей болезни имеют стресс, который вызывает неврозы, фобии, соматические заболевания.

Резюмируя материалы предшествующего анализа, отметим следующее. Работу по ликвидации чрезвычайных ситуаций необходимо проводить в тесном взаимодействии с деятельностью СМИ, писателей, ученых, социальных институтов, формирующих общественное мнение. При этом деятельность государственных и общественных органов должна детерминироваться так называемым законом висящего бревна, определяющего оптимальную высоту, на которую необходимо установить «бревно», чтобы его успешно преодолела большая часть пострадавших от чрезвычайной ситуации, т. е. успешно адаптировалась к произошедшим изменениям. Если «бревно» установить слишком высоко, то возникнут различные фобии, которые в конечном итоге приведут к дезадапционной стратегии поведения субъекта. Если «бревно» установить слишком низко, то происходит потеря бдительности, что чревато неадекватным восприятием существующей опасности и негативным влиянием на здоровье, отсутствием возможности успешно адаптироваться к существующей ситуации. Установка «бревна» на оптимальной высоте приведет к мобилизации человеческих ресурсов и эффективному преодолению чрезвычайной ситуации.

Поясним данную теорию с точки зрения социальной адаптации населения к последствиям аварии на Чернобыльской АЭС. Например, материалы под заголовками: «Не менее 40 тысяч лет Беларусь будет оставаться самым загрязненным радиацией регионом в мире» («Экспресс-новости» от 27 апреля 2001 г. № 17), «Практически все население Беларуси носит в своих телах разрушающую организм радиацию» («Труд в Беларуси» от 26 апреля 2001 г. № 17) поднимают «бревно» слишком высоко, содействуют возникновению радиофобии, которая препятствует большинству успешно адаптироваться к возникшей ситуации.

В то же время сразу после аварии информация была недостаточной в течение ряда лет, а та, которая была обнародована, содержала много неверных, противоречивых сообщений, скрывала реальные масштабы аварии, что привело, во-первых, к беспечному, легкомысленному поведению населения (участие в праздничных демонстрациях, отдых на природе, несоблюдение элементарных правил безопасности), во-вторых, данное положение обусловило широкое распространение недоверия к официальной информации, в-третьих, дефицит такой информации детерминировал повышение значимости всякого рода слухов от ближайшего социального окружения, что содействовало возникновению большого числа домыслов, заблуждений, что в конечном итоге содействовало созданию мифов в общественном сознании.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что при возникновении чрезвычайной ситуации на объектах ядерной энергетики государственным органам, руководителям средств массовой информации необходимо учитывать специфику поражающего фактора – радиоактивного излучения, которое не видно, не имеет вкуса и запаха и его нельзя почувствовать. Поэтому любая информация о радиации действует на психику как реальная угроза, иногда даже сильнее реальной опасности.

Проведенный контент-анализ материалов газет «Гомельская правда», «Экологический вестник», «Народная газета» за 1996 г. показал, что информация по чернобыльской теме, не соответствующая научно обоснованным сведениям и основным положениям в области радиационной гигиены и безопасности, содержалась в каждой четвертой публикации. При этом в материалах, посвященных эффектам радиационного воздействия, в половине случаев сведения имели запугивающий характер, даже среди публикаций о выполнении защитных мер 23 % информационных материалов были такого плана⁵.

В определенной степени информация, вызывающая обеспокоенность и тревогу, базируется на так называемой беспороговой концепции воздейст-

вия радиации на живые организмы. Среди ученых существует две крайние точки зрения по этому вопросу: 1) нет безопасной дозы радиации, 2) любая доза радиации, не вызывающая острой лучевой болезни, безопасна. В 1950 г. шведский радиобиолог Р.М. Зиверт пришел к заключению, что для действия радиации на живые организмы нет порогового уровня («беспороговая концепция»). Теория малых доз, утверждающая, что безопасного уровня радиоактивного облучения не существует, была поддержана рядом видных ученых, среди которых академик А.Д. Сахаров, утверждавший, что «радиация безопасной не бывает», член-корреспондент РАН А.Ю. Яблоков, член-корреспондент НАН Беларуси И.Н. Никитченко, директор Национального института рака А. Аптон (США), американский ядерщик К. Морган, Т. Манкузо и др. Их аргументы: действие радиации на человека является кумулятивным, длительные, малые дозы облучения могут быть опаснее большой кратковременной дозы⁶. Белорусский ученый И.Н. Никитченко утверждает, что «радионуклиды в любом количестве вредны для организма, так как разрушают его клетки и иммунитет, становятся причиной различных болезней и сокращают продолжительность жизни человека». Данная концепция является совершенно неприемлемой для миллиона наших сограждан, проживающих на радиоактивной территории, порождает дезадаптационные стратегии и разрушающе действует на психологическое состояние, здоровье личности. Воздействие данной концепции более разрушающее, чем сама радиация, а у проживающих на радиоактивной территории оно может вызвать «социальную травму» (П. Штомпка), породить страх, безысходность и отчаяние.

Следует иметь в виду, что радиоактивное излучение, как воздух, всегда сопутствует человеку в его жизни. Живые организмы постоянно подвергаются облучению от природных источников, к которым относятся космическое излучение, радионуклиды космического и земного происхождения (включая радон ^{222}Rn , гранит, строительные материалы). Агентство по охране окружающей среды США провело обследование жилых домов в 10 американских штатах. Оказалось, что в 20 % из них содержание радона равно или превышает опасный для здоровья человека уровень 4 пКи/л⁷.

Без радиации невозможно представить жизнь современного человека, а продолжительность жизни и уровень здоровья так называемых самоселов, проживающих на территории радиационно-экологического заповедника, свидетельствуют о том, что адаптационные возможности человека к радиации имеют значительные резервы.

В докладе Комитета по радиационной защите и здравоохранению Агентства по ядерной энергии, изданном в 1995 г., отмечается, что «глубокие психологические последствия, очевидно, проявляются в загрязненных регионах бывшего Советского Союза, вызывая беспокойство и стресс. Крайние формы этих последствий приводят к чувству апатии, безысходности и отчуждения. В остальном мире эти индивидуальные проявления были минимальными»⁸.

В 2005 г. по заказу трех международных организаций – МАГАТЭ, ВОЗ, Программа развития ООН (ПРОН) – подготовлен доклад «Наследство Чернобыля: воздействие на здоровье, экологию и социально-экономическое развитие. Рекомендации для правительств Беларуси, Российской Федерации и Украины». Авторы доклада утверждают, что, несмотря на то, что в течение ряда лет точная информация была доступной, она либо не доходила до тех, кто в ней нуждается, либо люди не доверяют ей и, получая такую информацию, не действуют в соответствии с ней.

По мнению польского социолога П. Штомпки, «социальные изменения перерастают в травматическое состояние благодаря интерпретативным действиям людей», которые в значительной степени детерминируются по-

лучаемой информацией. Данное положение подтверждает определяющую роль СМИ в процессе адаптации субъекта к изменившимся условиям.

Однако эффективность деятельности СМИ характеризуется такими критериями, как рейтинг и связанный с ним тираж газет и журналов и количество радиотелеаудитории. Для высокого рейтинга издания предлагаемая информация должна заинтересовать, удивить, ошеломить, вызвать определенный стресс у реципиента (потребителя). Для этого она должна быть необычной, содержать в себе сенсацию, еще лучше – патологию, при этом важно оперативно донести информацию до потребителя. Коммуникатор заинтересован прежде всего в высоком рейтинге предлагаемой информации, который является интегральной характеристикой эффективности СМИ, залогом их коммерческого успеха.

Таким образом, цели и задачи СМИ часто не содействуют социальной адаптации, а выступают фактором дезадаптации личности, социальных слоев и групп.

Как правило, СМИ при освещении катастрофы и посткатастрофных событий склонны сосредоточиваться на информации, вызывающей у населения страх того, что произошло нечто ужасное и что худшее еще впереди. Так преимущественно освещались события о Чернобыльской аварии после снятия ограничений, существовавших в первые годы после аварии.

По мнению Э. Фрома, газеты не столько информируют, сколько дезинформируют общественность, ибо факты не сообщаются беспристрастно, а все заголовки заведомо тенденциозны. Новости можно продать как товар, а средства информации определяют, какие события годятся для приготовления такого продукта, а какие – нет. Пока информирование населения остается бизнесом, считает ученый, никто не сможет помешать газетам и журналам печатать то, что хорошо раскупается⁹. Наряду с бизнесом важную роль в содержании материалов СМИ играют интересы определенных социальных групп и политических структур. Как правило, СМИ выражают интересы своих хозяев, для которых информация является средством достижения личных политических и экономических целей.

Научные исследования показывают, что в оценках серьезности тех или иных социальных проблем люди полагаются скорее на их освещение СМИ, чем на собственный опыт. Именно деятельность медиа за счет целенаправленного отбора информации и мобилизации общественного сознания является наиболее важным условием, дающим «жизнь» социальным проблемам¹⁰.

Ряд научных материалов и публикации в СМИ дают основания для создания социально-психологического напряжения в обществе, усугубляют его социальные проблемы. Например, издание «Труд в Беларуси» 26 апреля 2001 г. пишет: «Самый высокий уровень заболеваемости раком щитовидной железы в Беларуси (за 15 последних лет – увеличение в 88,5 раза)». В отношении данного утверждения следует пояснить, что в Республике Беларусь с 1986 по 2002 г. диагностировано 1152 случая рака щитовидной железы, при этом 98,8 % больных выжили. Следовательно, за 15 постчернобыльских лет в Беларуси от рака щитовидной железы умерли 9 человек, что, безусловно, печально, но по сравнению с тысячами ежегодных жертв ДТП, тонущих на воде и гибнущих на производстве, эта проблема не является для страны самой актуальной, как можно было бы представить, читая заметку в газете. Далее в редакционной статье «Чернобыльская авария – величайшая катастрофа в истории земли» журнала «Энергия. Экономика, техника, экология» (1990 г. № 7) утверждается, что «ликвидация всех последствий Чернобыльской аварии невозможна, ибо они вечны». Можно продолжить цитирование многих научных и публицистических материалов, содержание которых порождает чувство безысходности и отчуждения, содействуя дезадаптационным стратегиям поведения.

О значении СМИ в формировании общественного сознания и в создании социальных проблем свидетельствуют события, произошедшие в Гоянии в Центральной Бразилии. Дети нашли источник, содержащий 100 граммов цезия-137, и покрасили себя и своих друзей этой «люминесцентной краской». В результате четверо детей умерли, кроме того, было выявлено 249 случаев с подозрением на поражение, 50 человек госпитализировали. Когда это событие благодаря СМИ стало широко известно, началась паника, в результате которой 125 тыс. человек добровольно прошли обследование на предмет определения внешней дозы радиации и у 8,3 % (около 10 тыс.) отмечались признаки острого стресса или аллергические симптомы в виде кожных высыпаний, рвоты и т. д.¹¹ И так, травмирующее влияние оказывает не столько само по себе внешнее действие, а его значимость для субъекта воздействия, реальность его существования для субъекта, что, в свою очередь, зависит от установленной связи между субъектом восприятия и самим событием.

В этой ситуации большое значение приобретает информация, получаемая от ближайшего социального окружения, часто слухи, различные домыслы детерминируют поведение индивида, социальных общностей. Ряд авторов рассматривают информацию о радиационной опасности как фактор возникновения фобий¹². Полученные данные свидетельствуют о том, что психогении могут определяться не только реально существующей опасностью, но и формироваться на основе ложно оцениваемой обстановки в условиях дефицита информации¹³.

Информированность населения, знание им основных правил безопасного проживания на загрязненной территории – важнейшие условия безопасности человека, здоровья его родных и близких. При проведении многочисленных социологических опросов проявлялась одна и та же закономерность: во-первых, значительное недоверие респондентов к материалам в СМИ, во-вторых, плохое знание жителями радиоактивных районов основных правил безопасного проживания, в-третьих, несоблюдение ими основных правил безопасного проживания.

Так, опрос 1200 респондентов, проведенный Институтом социологии НАН Беларуси в 1996 г. на загрязненных территориях Славгородского, Краснопольского, Дрибинского, Ветковского и Брагинского районов, показал, что 46 % часто не согласны с тем, что пишут и говорят журналисты о чернобыльских проблемах, 20 % согласны с данными материалами, но очень редко. При этом правила радиологической безопасности знают хорошо только 12,2 %, знают плохо 45,7 %.

Вместе с тем обнаруживается еще одна устойчивая тенденция: то, что плохо знают, еще хуже используют в повседневной жизни. Так, в Славгородском районе только 2,9 % респондентов изучали и следовали правилам радиологической безопасности, в Краснопольском – 4 %¹⁴.

В 2006 г. в Могилевской области было опрошено 512 человек. При этом к официальной информации о радиационной обстановке, получаемой из СМИ, 71,1 % респондентов относятся с определенной долей недоверия, только 8,6 % доверяют полностью, а почти каждый пятый затруднился высказаться о своем отношении к информации, получаемой из СМИ¹⁵.

Изложенное позволяет сделать вывод о существовании социально-психологического напряжения у значительной части населения по поводу негативного воздействия последствий аварии на ЧАЭС на их жизнь. Существующая проблемная ситуация заключается в том, что в массовом сознании создан образ негативного воздействия последствий катастрофы на ЧАЭС на условия жизни почти каждого второго сельского жителя страны, что значительно превосходит физическое воздействие аварии. Связь с негативными последствиями аварии существует независимо от реального уровня радиоактивного заражения местности, что отрицательно влияет на социальную адаптацию людей, социально-экономическое развитие страны.

Резюмируя предшествующий анализ, выделим важнейшие факторы, содействовавшие мифологизации проблемы.

1. Политические ошибки руководства СССР на первом этапе после аварии на ЧАЭС, когда существовал дефицит информации, а та, которая была обнародована, часто носила противоречивый характер.

2. Ошибки первого этапа привели к установлению недоверия населения к материалам СМИ, официальному мнению ученых и государственных руководителей, породили широкое хождение различных слухов, спекуляций и домыслов.

3. Роль СМИ в запугивании населения при подаче неверной, необоснованной и недостоверной информации для повышения своего рейтинга или для выполнения определенного политического заказа.

4. Сложность радиоактивного излучения как для теоретического, так и для физического восприятия.

5. Существование различных точек зрения в научном сообществе по поводу влияния радиоактивного излучения на живые организмы.

6. Политические амбиции, карьерные соображения, когда определенные личности стремятся за счет раздувания и устрашения населения заработать политический капитал для достижения своих задач.

Учитывая специфику возникновения и функционирования мифа, а также принимая во внимание основные факторы, содействовавшие его созданию, считаем целесообразным в пропаганде безопасного образа жизни на территории, пострадавшей от аварии на ЧАЭС, использовать не только научные, рациональные формы убеждения, но также предоставлять информацию, затрагивающую эмоции и чувства, воздействующую на наглядно-образное мышление личности.

Необходимо добиваться повышения уровня доверия к информации официальных органов и материалов, опубликованных в СМИ.

Целесообразно изучить и проанализировать опыт успешной адаптации лиц, вернувшихся на территории с повышенным уровнем радиации, в том числе так называемых самоселов, проживающих на территории Полесского радиационно-экологического заповедника.

Рассмотреть вопрос об организации проведения для желающих безопасных экскурсионных маршрутов по территории радиационно-экологического заповедника.

При информировании населения по проблемам радиации исключить запугивание и угрозы, а предложить конструктивную помощь людям с конкретными мерами безопасного проживания на радиоактивной территории.

Адаптировать информацию о радиации до уровня рядового потребителя с четкими критериями безопасного проживания.

¹ См.: Бабосов Е.М. Социальные последствия Чернобыльской катастрофы, пути их преодоления. Мн., 2001.

² Там же.

³ См.: Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособие. М., 1998.

⁴ См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса: Избр. соч. М., 2006.

⁵ См.: Зыкова И.А., Соколова Т.А., Шаршакова Т.М. Оценка общественного мнения о радиации на основе информации в печати // Социология. 1999. С. 57–62.

⁶ См.: Шеннон С. Питание в атомном веке. Как уберечь себя от малых доз радиации Мн., 1991.

⁷ См.: Science News. 1987. Vol. 132. № 7.

⁸ Чернобыль десять лет спустя. Радиоактивное воздействие и последствия для здоровья населения: Оценочный доклад комитета по радиационной защите и здравоохранению Агентства по ядерной энергии. Ноябрь 1995 / Агентство по ядерной энергии, организация экономического сотрудничества и развития. М., 1996. С. 84.

⁹ См.: Фром Э. «Иметь» или «быть». М., 2007.

¹⁰ См.: Черных А.И. Реальность «четвертой власти» // Социол. журн. 2008. № 1. С. 100–126.

¹¹ Там же.

¹² См.: Хавенаар Й.М. После Чернобыля: Исследование психологических факторов, воздействующих на здоровье после радиационной катастрофы. М., 1996; Дудаль С.Н. Ин-

формация о радиационной опасности как фактор возникновения фобий // Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего от экологических и техногенных катастроф: 7-я Междунар. конф., Минск, 30 мая – 2 июня 2000 г. Мн., 2000. С. 76

¹³ См.: Лазарев В.С. Вклад средств массовой коммуникации в развитие постчернобыльского психологического неблагополучия у населения // Междунар. науч. конф. «Европа – наш общий дом: экологические аспекты», Минск, 6–9 дек. 1999 г. Мн., 1999. С. 260.

¹⁴ См.: Сухотина Н.К. Нерадиационные факторы в комплексном воздействии на нервно-психическое расстройство детей, проживающих в зонах радиационного контроля // 7-я Междунар. науч.-практ. конф. «Экология человека в постчернобыльский период», Минск, 27–29 сент. 1999 г. Мн., 1999. С. 260–263.

¹⁵ См.: Шавель С.А., Смирнова Р.А. Социальная реабилитация населения, пострадавшего в результате Чернобыльской аварии. Мн., 1997.

Поступила в редакцию 18.06.08.

С.Н. БУРОВА,
КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК),
А.В. ДЕМИДОВА (МОГИЛЕВ)

СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются процессы трансформации семьи. Отмечается, что в постсоветском обществе изменение сущности семьи происходит под остаточным влиянием советской идеологии, процессов трансформации общества, общеевропейских тенденций в сфере брачно-семейных отношений.

The article deals with the processes of family transformation. In a post-soviet society the essence of the family is changed under the remnant influence of Soviet ideology, post-soviet transformation processes of the society, all-European tendencies in the sphere of marriage-family relationships.

Современная Беларусь переживает динамичные преобразования всех сфер жизнедеятельности общества, в ходе которых изменяются основы экономического функционирования семьи, возможности самовыражения индивидов, образцы гендерных взаимодействий в брачно-семейных отношениях, роли и статусы, матримониальные и прокреационные установки женщин и мужчин, внутренние связи между членами семьи, ценностные ориентации и жизненные приоритеты.

Проблема изучения изменения семьи в условиях всестороннего реформирования белорусского общества не только чрезвычайно актуальна, но и отличается определенной сложностью как в теоретическом, так и практическом отношении. Четкое разграничение понятий «изменение», «трансформация», «тенденция», «развитие» является довольно проблематичным, так как иногда в научной литературе они используются как синонимы, иногда определяются с помощью друг друга. Поэтому нам следует уточнить значение этих терминов в нашей работе.

«Изменение» представляет собой более общее понятие по отношению к другим терминам, потому что оно может относиться и к трансформации, и к тенденциям, и к развитию. *Семейные изменения* – сложная научная категория и многогранный социальный процесс, один из важнейших элементов социальных изменений. Под социальным изменением в социологии понимается «переход социального объекта из одного состояния в другое; социальная модернизация, трансформация в социальной структуре общества, его институтах, представлении о нем»¹.

Термин «*трансформация*» (от латинского transformare) означает изменение, преобразование, превращение. В общественных науках он стал употребляться для описания радикальных структурных перемен в 1950–1960-х гг. и выражает переход к качественно новому состоянию общественной организации². Под трансформацией семьи мы понимаем видоизменение ее сущности, предназначения, роли в жизни индивида, общества и государства.

На этот процесс воздействуют социальные условия, определяющие и тенденции ее развития, выражающиеся в изменении ее структуры, типов, функций. *Тенденция* – это направление, в котором совершается развитие какого-то явления. *Развитие* – это процесс перехода от одного состояния в другое, более совершенное. Причем не всякое изменение представляет собой социальное развитие. О *социальном развитии* можно говорить лишь тогда, когда социальные явления переходят на ступени более высокого либо более низкого уровня³. В этом случае, говоря о тенденциях развития брачно-семейных отношений, следует рассматривать и негативные (например, снижение прочности браков и увеличение количества разводов), и позитивные изменения (например, эгалитаризация внутрисемейных отношений).

Изменения, происходящие в брачно-семейной сфере на протяжении многих веков, вызывают у мыслителей и исследователей неоднозначную реакцию. Содержательная сторона социологических подходов к объяснению сути семейных изменений в течение различных исторических периодов выражается в двух научных парадигмах. Первая – «либерально-прогрессистская», утверждающая *возникновение и развитие* на обломках старой традиционалистской семьи новых альтернативных семейных структур. Вторая – «консервативно-кризисная»⁴, обращающая внимание на возможность *исчезновения семьи* и семейного образа жизни и утверждающая необходимость укрепления традиционалистских семейных основ существования. До сих пор в научной среде нет единого мнения по вопросу «историчности» или «не-историчности» семьи. Развивается ли семья как социальный институт вместе с ходом исторического развития или, напротив, она как явление специфическое стоит обособленно, вне исторического процесса, и если изменяется, то как, в каком направлении идет это развитие? Что первично: семья или общество? Если они равнозначны, то как реально выровнять эту равную значимость? В социологической литературе не прекращается научный спор о характере изменений, происходящих с институтом семьи: являются ли трансформации, происходящие в семейно-родственных и демографических отношениях, показателем кризиса семьи как социального института либо они свидетельствуют о переходе семьи на новую ступень ее развития. Как в России, так и на Западе существуют прямо противоположные точки зрения. Так, в России сторонники «парадигмы модернизации» (А.Г. Вишневский, С.И. Голод, А.Г. Волков и др.) выступают за завершение перехода от семьи традиционной, патриархальной к семье современной. Сторонники «кризисной парадигмы» (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.А. Борисов, В.М. Медков, С.В. Дармодехин и др.) высказывают опасения о возможности разрушения семьи в результате преобладания индивидуализма и эгоизма над интересами общества.

Методология изучения трансформации и тенденций изменения семьи включает анализ социального развития на протяжении длительного времени. Семья как живой социальный организм находится в постоянном движении, видоизменяясь и наполняясь новым содержанием под влиянием тех процессов, которые происходят в обществе. Большую роль играет политика государства по отношению к семье. Социальная сущность семьи связана с тем, что в ней происходит физическое и духовное воспроизводство общества, так как в ней рождаются и социализируются дети, члены семьи получают эмоционально-психологическую, физическую и материальную заботу и поддержку, возможности для саморазвития. До сего дня ни один социальный институт не может справиться с этой ролью лучше, чем семья. Но, исходя из статистических оценок и результатов социологических исследований, а также жизненных наблюдений, мы можем констатировать, что в современном белорусском обществе семья далеко не всегда успешно справляется с выполнением своих функций и отведенной ей социальной ролью. Об этом свидетельствует большое количество разводов, низкая рождае-

мость, высокий уровень подростковой и молодежной преступности, снижение престижа брака как правового института, распространение альтернативных форм брачно-семейной жизни и т. д. Наличие семьи и ее состояние (в широком смысле слова) напрямую связано с ощущением человеком индивидуального счастья или несчастья. В связи с этим наиболее актуальной проблемой в социологии семьи и брака стало изучение процесса трансформации семьи и факторов, влияющих на специфику этого процесса.

Институциональные изменения, происходящие с семьей, отмечаются во все времена, но каждый исторический период накладывает на эти изменения свой специфический отпечаток. Советская эпоха и постсоветские политические и экономические преобразования оказали определяющее воздействие на формирование современного белорусского общества и функционирование его социальных институтов. Процесс трансформации современной белорусской семьи, хотя и идет в рамках общемировых (прежде всего европейских) тенденций, но до сих пор существенно определяется влиянием долгосрочного эффекта прежней идеологии. Массовое сознание людей, воздействующее на их поведение, меняется очень медленно. На наш взгляд, можно утверждать, что процесс трансформации семьи как довольно консервативного социального института в нашем обществе сегодня испытывает на себе влияние советской идеологии, постсоветских процессов трансформации общества, общеевропейских тенденций изменения семьи.

Исходя из этой посылки, представляется целесообразным описать особенности таких изменений семьи в белорусском обществе в контексте названных воздействий.

Рассмотрим более детально специфику развития семьи в советском обществе. Определяющим фактором влияния на семью после Октябрьской революции 1917 г. оказалась официальная идеология правящей коммунистической партии по отношению к этому социальному институту. Партийная позиция была не всегда последовательной в своих требованиях к семье как институту и социальной группе. На протяжении существования СССР в отношении семьи она неоднократно изменялась. Отметим, что под идеологией в рамках настоящей работы понимается достаточно жесткая система идей и взглядов, выражающих интересы, мировоззренческие идеалы социального класса, социальных групп.

Исследуя литературу советского периода, посвященную брачно-семейным отношениям, можно заметить существенные отличия во мнениях исследователей в отношении сущности и роли семьи в различные отрезки времени существования советского общества. Можно выделить по крайней мере два временных периода, значительно отличавшихся между собой по отношению к семье.

Первый период (дезинтеграция семьи): 1918 – начало 1940-х гг. В это время семья интерпретировалась как вспомогательная социальная формация при переходе к социализму. Необходимость ее сохранения диктовалась невозможностью общества на переходном этапе (от капитализма к социализму) взять на себя многие функции семьи⁵. С.Я. Вольфсон в 1929 г. пишет о том, что с исчезновением капиталистических отношений семья «как частнособственническая ячейка, как аппарат наследственного консервирования собственности теряет смысл своего существования... Социализм несет с собой *отмирание семьи*»⁶. По мнению А.М. Коллонтай, одного из известных идеологов того времени, «семья перестает быть необходимостью как для самих членов семьи, так и для государства... Прежняя форма семьи становится только обузой»⁷. Не менее ярко иллюстрирует отношение официальной идеологии государства к семье в тот период высказывание педагога-революционера М.М. Рубинштейна: «Внешне она еще жива, но это уже сосуд без содержания, скорлупа без ядра... в недрах пролетариата пускает ростки такое поколение, для которого семья... перестала вовсе существовать»⁸.

В 1922 г. П. Сорокин, осмысливший начавшуюся коренную ломку традиций и основ патриархальной семьи на базе революционного брачно-семейного законодательства, констатировал, что «родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество»⁹.

Проводимая в данный период семейная политика государства основывалась на фанатическом следовании идеологическим установкам, что привело к следующим негативным последствиям в сфере брачно-семейных отношений:

- ослаблению посреднической роли семьи между личностью и обществом;
- игнорированию социокультурной природы материнства;
- снижению роли семьи в процессе воспитания подрастающего поколения;
- игнорированию права человека на выбор образа жизни семьи;
- разрыву связей между поколениями, которые через обычаи и традиции обеспечивали социальную преемственность и благополучие общества;
- нивелированию сложившихся в течение столетий семейных ценностей, проявлявшихся в следовании религиозным традициям и совершении церковных ритуалов (крещения, венчания, отпевания умерших и т. д.), и как следствие – установление ценностного вакуума.

Второй период (семья – важная ячейка социалистического общества): с середины 1940-х гг. до 1991 г. В идеологических построениях исследователей данного периода отношение к семье кардинально меняется – ей отводится более важное место в деле построения коммунистического общества. Существовавшая до этого точка зрения об отмирании семьи отрицается как ненаучная. По мнению исследователей, *советская семья*, возникшая на новой общественно-экономической основе, созданной в СССР в ходе строительства социализма, существенно отличается от семьи капиталистической и является в терминологии ведущего специалиста в области социологии семьи этого периода А.Г. Харчева семьей «нового, высшего типа»¹⁰. Сущность семьи, по Харчеву, заключается в воспроизводстве рабочей силы. Известный белорусский специалист по проблемам семьи С.Д. Лаптенюк выделил следующие отличительные черты *советской* семьи:

- обеспечение в семье равноправного положения женщин и мужчин;
- заключение браков по любви, ставшие в социалистическом обществе правилом;
- органическая связь жизни семьи с жизнью всей страны;
- постоянно растущее благосостояние;
- взаимосвязь семей, базирующаяся на их духовной общности;
- дружба полов и поколений;
- создание предпосылок для духовного роста и физического развития ее членов;
- обеспечение условий для проявления чувства отцовства, материнства, для выполнения сыновнего долга;
- забота о воспитании детей в духе коммунизма¹¹.

Авторитетный белорусский юрист и социолог Н.Г. Юркевич писал, что «советская семья, будучи ведомым, подчиненным элементом общественной структуры, пользуется относительной самостоятельностью и способна оказывать на общество весьма серьезное обратное воздействие»¹².

Таким образом, коммунистическая идеология оказала существенное влияние на трактовку сущности семейно-брачных отношений и способствовала определению нового типа семьи – *семьи советской*. Понятие советской семьи имело идеологическую окраску и «привязывало» семью к политическому пространству СССР.

Первые признаки смены господствующей идеологии в отношении семьи, роли женщины в обществе и участия государства в процессах социального воспроизводства наметились в СССР в начале 1980-х гг. Неуклонное сни-

жение рождаемости заставило правительство принять комплекс мер, нацеленных на расширение льгот работающим матерям и удлинение отпусков по уходу за ребенком, поощрение семьи к рождению третьего ребенка. Впервые был публично поставлен вопрос о чрезмерной перегруженности женщины, совмещающей производственные и семейные роли, о необходимости предоставления женщине свободы выбора между семьей и профессиональной карьерой. Одним из путей достижения такой свободы был переход от семьи с двумя доходами (зарплата мужа и зарплата жены) к однодоходной семье, т. е. повышение заработной платы мужчинам с тем, чтобы они могли исполнять роль кормильца, а женщины занималась бы рождением и воспитанием детей. Одновременно социологи заговорили о таких проблемах, как отсутствие отца в семье, кризис маскулинности, недостатки материнского воспитания и даже о матриархальности современной семьи. Это была не просто реакция на официальную идеологию эгалитаризма и проявление возрождения патриархата, а отражение реального кризиса социалистического «государства благосостояния», замаскированное признание неэффективности семейной политики, которую проводило государство, попытка вернуть семье ее экономические полномочия и ответственность за воспитание детей¹³.

Сегодня можно выделить *третий период – постсоветский – с 1991 г. по настоящее время, который, в свою очередь, может быть подразделен на ряд этапов*. Ключевые изменения в белорусской семье стали происходить в начале 1990-х гг. под влиянием начавшихся процессов демократизации общества. Продолжаются они и сегодня и связаны с тем, что белорусское общество находилось в переходном состоянии после распада СССР. Проходящие в этот период политические и экономические трансформации сопровождались серьезными изменениями в официальной идеологии семьи и семейной политики. С распадом советской системы и отказом от официальной коммунистической доктрины смена идеологии в отношении семьи приобрела радикальный характер. Советские достижения в области гендерного равенства утратили свою легитимность одновременно с крахом «коммунистического проекта»¹⁴. Однако влияние идеологии советского государства на процесс формирования облика современной белорусской семьи ощущается и по сей день. Существенно повлияли на семью и процессы политической и социально-экономической трансформации, происходящие на постсоветском пространстве.

Поэтому значимым при осуществлении анализа происходящих изменений семьи является общее описание преобразований, происходивших на постсоветском пространстве после смены политического режима. Так, польский социолог П. Штомпка выделяет шесть стадий так называемого «травматического состояния»¹⁵, которые можно применить для описания изменений, произошедших в постсоветских странах:

1. Прошлое состояние общества – это состояние стагнации советской экономики, экономическое и технологическое отставание от Запада, разрушение прежних производственных и торговых отношений, обесценивание экономического и военного потенциала.

2. Травматические события как таковые – денежная реформа, обесценивание вкладов населения в сберкассах, гласность и разоблачения коммунистических порядков.

3. Противоречивые толкования прошлого, его символического осмысления, что является одним из факторов дезинтеграции общества наряду с социально-статусной дезинтеграцией.

4. Травматические симптомы как разделяемые большинством образцы поведения и общепринятые мнения. Примерами этого являются признание института взятки, легитимация массовым сознанием проституции, всеобщая уверенность в том, что политики не думают о благе народа, что в обществе нет справедливости и т. д.

5. Посттравматическая адаптация, проявляющаяся в двух формах: использование активных стратегий борьбы с трудностями и противоположной пассивной стратегии примирения с ними («жить как все»).

6. Завершающая фаза преодоления травмы, по сути, совпадает с окончанием переходного периода, т. е. наступлением стабильного («нормального») состояния общества и его граждан.

Белорусский социолог А.Н. Данилов, анализирувавший состояние общества в конце 1990-х гг., определил трансформацию, охватившую страны Центральной и Восточной Европы, как системную, которая затрагивает весь спектр общественной жизни, политику, экономическую и социальную структуру, духовную жизнь¹⁶. По его мнению, можно обозначить некоторые результаты системной трансформации¹⁷.

1. *Изменение политической и государственной системы.* Однопартийный режим практически повсюду заменен плюралистической политической системой, действующей по крайней мере формально, на основе новых конституций. Разумеется, степень демократичности установившегося строя в разных странах различна, она обусловлена как особенностями исторического развития, так и сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, характеристикой управленческой элиты.

2. *Изменение экономических основ общества.* В постсоветских странах происходит попытка установления рыночных отношений, которая еще далека от завершения. Практически во всех государствах на постсоветском пространстве создана правовая база для развития «рыночного хозяйства». Крушение прежней системы разделения труда создало проблемы, которые для своего разрешения требуют огромных капиталовложений и многих лет созидательной работы. Сложность задач усугубляется международным противоборством за разделение сфер преимущественного влияния в трансформирующихся странах. Государственный сектор повсюду продолжает играть важную, а иногда и определяющую роль.

3. *Либерализация общественной среды.* Достижения в этой области также весьма противоречивы и неоднозначны. Коммерциализация всех отношений существенно изменила общекультурный ландшафт, вызвала новую напряженность в отношениях людей разных социальных страт, разных поколений, обострила проблему межнациональных отношений.

4. *Перемены в сфере духовных ценностей и приоритетов.* Трансформация породила для сотен миллионов людей проблемы социально-духовной адаптации к новым условиям существования.

Процессы, происходящие на постсоветском пространстве, повлекли глубокие изменения не только в политической и экономической сферах, но и в идеологии, существовавшей в СССР, в том числе в отношении семьи, роли женщины в обществе, семейной политики. В переходном обществе в политических и академических дискуссиях признается несостоятельность семейной политики советского государства и предпринимаются попытки возрождения традиционной семьи. Возврат к традиционной семье рассматривается как одна из стратегий «обновления» общества и избавления от коммунистического режима. Идеализация «традиционной семьи» предполагает дистанцирование от коммунистического опыта, навязанного государством формального эгалитаризма и возврат к «естественным» гендерным ролям¹⁸. По сути, все вариации постсоветского традиционализма стали господствующей формой *гендерной идеологии в переходном обществе*. Т. Журженко выделяет следующие ее особенности:

1) абсолютизацию семьи как одной из высших социальных ценностей. Рассмотрение в данном контексте кризиса института семьи как кризиса всего общества и, даже более того, кризиса цивилизации;

2) резко негативное отношение к практике и результатам советской семейной и гендерной политики;

3) сведение роли семьи к выполнению репродуктивной функции, задачам деторождения и социализации детей. Возрождение моральной и экономической автономии семьи, высокого статуса в глазах общества связано, по мнению исследователей этого периода, с восстановлением и расширением производственной функции семьи;

4) критику гендерных отношений в семье в рамках их существования в советском обществе;

5) определение приоритетов семейной политики коллективными интересами семьи как общности, которая не поддается дифференциации¹⁹.

Основными недостатками постсоветского традиционализма являются: идеализация традиционного типа семьи как панацеи для решения всех проблем, возникших в брачно-семейной сфере, а также несоответствие патриархальной семьи нуждам современного общества. В данном контексте процесс восстановления традиционных гендерных ролей сводится к обеспечению в рамках семьи деторождения и социализации детей.

Развитие института семьи в нашей стране на современном этапе во многом повторяет те тенденции, которые характеризуют процесс изменений семьи в Западной Европе. Среди этих тенденций – рост разводов, уменьшение значимости правового регулирования брака, увеличение деторождений вне зарегистрированного брака, появление и распространение нетрадиционных форм семьи (неполные, т. е. монородительские семьи, фактические сожительства и т. д.), уменьшение количества детей. Беларусь находится в открытом геополитическом пространстве, и процессы глобализации оказывают на нее воздействие, что очевидно. Социальные изменения связаны и с изменениями в семейной сфере, с появлением и освоением новых ценностей. *Таким образом, на трансформационные процессы, происходящие сегодня с семьей, разновекторное влияние оказывают отголоски идеологии советского государства, системный кризис 1990-х гг., связанный с глубокими изменениями в политической и экономической сферах, с социальной дезинтеграцией общества, ломкой его ценностно-нормативной структуры, а также происходящая интеграция в европейское сообщество.*

Все общественные преобразования нашли свое отражение и в движении изменений семьи как неотъемлемой структурной единицы общества. Строительство национального государства, внедрение институтов демократии и свободного рынка неизбежно влекут изменения статуса семьи, трансформации ее социальной роли. Из социалистической «ячейки общества», которая выполняет общественно полезные функции, и прежде всего репродуктивную по воспроизводству рабочей силы, семья превращается в символ национального возрождения, преемственности поколений, экономического и культурного процветания, среду для самореализации индивидов. При этом с семьей связаны государственные ожидания по воспроизводству поколений белорусских граждан в таких масштабах, которые обеспечивали бы не только простое, но и расширенное воспроизводство населения. Однако такая потребность на данном этапе пока еще значительно расходится как с установками белорусских людей, в основном ориентирующихся на простое воспроизводство, так и с их реальным репродуктивным поведением, которое не обеспечивает даже простое воспроизводство.

Роль семьи, ее сущность нельзя сводить только к решению демографических проблем и удовлетворению общественных потребностей. Семья – это сфера частной, интимной жизни человека. Трудно себе представить, что человек будет счастлив, не оставив себе этой «нетронутой зоны» для своей личной самореализации без какого бы то ни было вмешательства извне. Как замечают американские исследователи, все чаще приходится констатировать, что разные социальные институты (социальные работники, педагоги, врачи, психоаналитики, СМИ и т. д.) пытаются проникать в этот

интимный мир, руководствуясь, как правило, благими намерениями. В нашем обществе это происходит не так интенсивно, как в американском. Однако нельзя отрицать, что такое «проникновение» представителей государства и общества в семью, безусловно, оказывает воздействие на нее, ее членов, внутрисемейные отношения. Сделать прогноз о том, как это в будущем скажется на трансформации семьи, весьма проблематично, так как это только один из факторов, воздействию которого подвергается семья.

Традиционно в социологии семья рассматривалась как союз, основанный на гетеросексуальном браке, как сообщество с едиными интересами ее членов или стремящихся подчинять свои интересы интересам семьи как целого. Однако сегодня очевидна ограниченность такого взгляда. Как отмечает И.Н. Тартаковская, социологи недооценивают роль внутрисемейных конфликтов, противоречивость интересов мужчин и женщин, взрослых и детей, степень включенности членов семьи в социальные отношения иного уровня и на другой базисной основе. Не учитывается разнообразие реально существующих типов семьи, в то время как доля «обычных» нуклеарных для последних десятилетий семей (мать – отец – двое детей) статистически стала заметно уменьшаться²⁰. Более того, сегодня мы становимся свидетелями все более частого разделения институтов брака и семьи, автономизации родительства, родства, супружества. Это означает, что брачно-семейные субинституты нередко существуют как бы независимо друг от друга. Например, брачный союз не превращается в семейную общность (пробный брак, открытый брак, браки-посещения и т. д.). Получают все большее распространение семьи, в которой нет супружеской пары (в Беларуси каждая четвертая семья – неполная, с одним родителем). Родительство может осуществляться в ситуации, когда отсутствуют отношения между мужчиной и женщиной как супругами, но есть отношения между ними как между отцом и матерью одного ребенка или ограничение отношений только связью между матерью и ребенком – одинокое материнство, отцом и ребенком – одинокое отцовство. Родство становится все более отдаленным, так как распространение однодетных семей приводит к тому, что все больше людей не имеют не только родных, но и двоюродных братьев и сестер. Последствия этого пока не изучены.

Многие семьи сегодня безуспешны в приспособлении к новым социальным условиям. Но это «худо» не без добра. В.В. Солодников, глубоко исследовавший проблему семейного неблагополучия в современной России, выделил ряд типов так называемых социально-дезадаптированных семей. При этом он приходит к выводу, что сама социальная дезадаптированность и семьи, и личности обладает определенным позитивным смыслом. С одной стороны, такие семьи (послеразводные, бездетные, многодетные, гомосексуальные, с внутрисемейным насилием и т. д.) представляют социальное меньшинство, и их существование свидетельствует о том, что они удовлетворяют определенные потребности личности и являются признаком меняющейся природы человека, семьи, общества. С другой стороны, наличие подобного рода социальных меньшинств выгодно и полезно социальной системе с точки зрения ее развития. Как считает В.В. Солодников, именно семьи такого типа увеличивают разнообразие элементов общественной системы, повышая ее «выживаемость», и служат своеобразной периферией «системы координат» для определения того, чем является в данное время и в данном обществе «нормальная» семья. Статус социального меньшинства для составляющих его семей может оказаться временным, т. е. характерным только для определенного этапа их жизненного пути. Существование определенных типов социально-дезадаптированных семей, кроме этого, стимулирует рефлексию и привлечение дополнительных аргументов в пользу «нормативного» образца семьи²¹.

И еще. Сегодня выявилось множество теоретических проблем, связанных с изучением семьи и пониманием ее сущности. Начиная с того, что возникает сакраментальный вопрос: а что же это такое – современная СЕМЬЯ? Как ни парадоксально это звучит, но в социологии сегодня нет общепринятого, всеми признаваемого понятия «семья». Систематизация основных типологизирующих критериев, выделяемых в социологических исследованиях, приводит к выводу о том, что сегодня нужно говорить не о семье в целом, а о *разных типах семьи*, разных ее моделях. Они могут быть основаны либо на супружестве, либо на родительстве, либо на родстве, либо на разных сочетаниях этих трех оснований, а также разделяться в зависимости от этапа жизненного цикла семьи. Но это формальные признаки. Более важным является вопрос о семье как ценности, ее роли в жизни индивида, об ожиданиях, которые с ней связаны.

Семья продолжает изменяться, а это значит, что процесс ее трансформации не завершен, он будет происходить, пока будет меняться человек и общество.

¹ Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.Н. Данилова. Мн., 2003. С. 105.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 28.

⁴ См.: Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2005. С. 91.

⁵ См.: Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Мн., 1929. С. 379.

⁶ Там же. С. 375.

⁷ Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. М., 1920. С. 8–9.

⁸ Рубинштейн М.М. Семейное или общественное воспитание. М., 1918. С. 41.

⁹ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 184.

¹⁰ См.: Харчев А.Г. Брак и семья в советском обществе. Л., 1995. С. 61.

¹¹ См.: Лаптенко С.Д. Нравственные основы советской семьи: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мн., 1963.

¹² Юркевич Н.Г. Советская семья: функции и условия стабильности. Мн., 1970. С. 72.

¹³ См.: Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. ст.: в 2 кн. / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. Кн. 2. С. 256.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 8–13.

¹⁶ См.: Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Мн., 1998. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 15–16.

¹⁸ См.: Журженко Т. Указ. соч. С. 158.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М., 2005. С. 190.

²¹ Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб., 2007. С. 351–352.

Поступила в редакцию 27.03.08.

Редколлегия журнала считает необходимым познакомить научную общественность Беларуси с одним из основополагающих документов мирового социологического сообщества – «Кодексом этики Международной социологической ассоциации». Сформулированные в нем принципы в первую очередь относятся к теоретическим и методологическим исследованиям и являются базовыми, исходными для получения полноценного научного результата.

КОДЕКС ЭТИКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ (МСА)^{*}

Введение

Кодекс этики Международной социологической ассоциации (МСА) состоит из Преамбулы и четырех разделов конкретных стандартов этики. Принадлежность к МСА обязывает членов придерживаться его.

Настоящий Кодекс этики не является исчерпывающим, всеобъемлющим и жестким. То, что не каждый конкретный вид поведения специально оговаривается Кодексом этики, не означает, что такое поведение является по необходимости этичным или неэтичным.

Преамбула

Работа социолога есть создание надежного и выверенного научного знания, основанного на исследованиях, во имя вклада в улучшение положения людей всего мира. Главными целями Кодекса этики, символом идентичности МСА, являются: (1) защита благосостояния групп и индивидов, с которыми работают социологи или которые причастны к исследовательской деятельности социологов, (2) регулирование норм поведения членов МСА в отношении друг к другу и ко всему обществу. От тех, кто разделяет эти принципы, мы ожидаем, что они добросовестно будут их применять, уважать, обеспечивать их признание и широкое распространение.

Каждый социолог адаптирует Кодекс этики в соответствии с его/ее собственными личными ценностями, культурой и опытом. Каждый социолог дополняет, но не нарушает стандарты, очерченные в данном Кодексе. Стремление к высоким стандартам поведения – личная ответственность каждого социолога.

Действенность Кодекса этики основана на самодисциплине и самоконтроле тех, кого он затрагивает.

Социология как поле научного исследования и практики

1.1. Как ученые, социологи сотрудничают на местном и (транс)национальном уровнях только на основе научной корректности, без дискриминации по научно irrelevant факторам, таким как возраст, пол, сексуальные ориентации, этничность, язык, религия и политические связи.

1.2. Совместная работа, сотрудничество и взаимные обмены социологов необходимы с тем, чтобы социология добивалась своих целей. От социологов ожидается участие в дискуссиях о содержании своей работы, а также о работе других социологов.

^{*} Публикуется по изданию: Социол. исслед. 2007. № 11. С. 143–145. Источник. <http://ethics.iit.edu/codes/coe/int.socio.sssoc/html>

1.3. Социологам следует помнить, что их выводы и предложения могут влиять на общество. Поэтому они обязаны, с одной стороны, держаться по возможности не предвзятых установок, а, с другой – признавать предварительный и относительный характер результатов их исследований и не скрывать своих собственных идеологических позиций. Никакая социологическая посылка не должна представляться неоспоримой истиной.

1.4. Социологи в своих действиях должны заботиться об облике своей науки и ее авторитете (*integrity*); это не значит, что они могут забывать о критическом подходе к ее фундаментальным посылкам, методам и достижениям.

1.5. В своей профессиональной практике и преподавательской работе социологи должны придерживаться принципов открытости, критичности и уважения ко всем социологическим взглядам.

1.6. Следует защищать права заказчиков.

Исследовательские процедуры

2.1. Спонсоры

2.1.1. Исследовательская деятельность в социологии по необходимости часто опирается на частное или общественное (государственное) финансирование и тем самым в известной мере зависит от спонсорства. Спонсоры, частные или общественные, могут быть заинтересованы в определенном исходе исследования. Однако социологам не следует соглашаться с исследовательскими грантами или контрактами, в которых указаны условия, несовместимые с их научными представлениями о приемлемых средствах выполнения конкретного исследования, или которые позволяют спонсору, которому не нравятся его результаты, налагать вето на научные публикации.

2.1.2. Спонсоров нужно заранее ясно информировать о базовых стандартах исследовательских проектов, как и о методах, которые намерены использовать исследователи. Спонсорам также следует сообщить о риске того, что результат исследования может не совпадать с их ожиданиями.

2.1.3. Спонсоры, и частные, и общественные, могут оказаться заинтересованными в финансировании социологического исследования ради своих политических целей. Разделяя или не разделяя эти цели, социологи не должны руководствоваться ими. Они также должны воздерживаться от сотрудничества в реализации недемократических целей или дискриминационных намерений.

2.1.4. Условия договоренности исследователей и спонсоров предпочтительно следует излагать в форме письменного соглашения.

2.2. Цены и оплата

2.2.1. Средства на социологическое исследование должны использоваться в договоренных целях.

2.2.2. В ситуации, когда социологи соперничают в получении заказа, они не должны соглашаться выполнять исследовательские проекты при недостаточной оплате или, соперничая с другими, использовать иную нечестную тактику, несовместимую с соответствующими стандартами науки.

2.3. Сбор данных

2.3.1. Как ученые, социологи должны раскрывать методы, которыми они оперируют, а также общие источники своих данных.

2.3.1. Безопасность, анонимность и доверительность (*privacy*) субъектов исследования и информантов должны строго выдерживаться и при количественных, и при качественных исследованиях. Источники личной информации, полученные исследователями, должны оставаться конфиденциальными в той мере, в которой информанты просили, чтобы их цитировали или согласились на цитирование. Если информантов легко идентифицировать, исследователи должны определенно предупредить их о возможных последствиях публикации данных и результатов исследования. Оплату ин-

формантов, в принципе приемлемую, по возможности не следует поощрять и обставлять определенными условиями, особо учитывая надежность предоставляемой информации.

2.3.3. Социологам, получившим допуск к архивным данным (*records*), следует уважать правила доступа к ним и условия их использования. Однако они могут использовать данные, собранные в исторических архивах, и частных, и общественных, соблюдая юридические условия, установленные соответствующей страной и обычно принятые международным научным сообществом, а также правила данного архива.

2.3.4. Следует заранее получать согласие субъектов исследования и информантов. В принципе нужно избегать тайных исследований, если это не остается единственно возможным путем сбора информации и/или когда доступу к обычным источникам информации препятствуют власти.

Публикация и передача данных

3.1. Данные, собранные в ходе социологических исследований и исследовательской работы, представляют собой интеллектуальную собственность исследователей, которым в принципе и принадлежит авторское право. Если авторское право передано спонсору или нанимателю, исследователям полагается справедливая компенсация.

3.2. В принципе исследователи имеют право представлять свой труд к публикации или публиковать его за свой счет.

3.3. Исследователи имеют право добиваться, чтобы со стороны спонсоров их результаты не подвергались манипуляциям или не изымались из контекста.

3.4. Вклад ученых, спонсоров, техников или других сотрудников, существенно содействовавших выполнению исследовательского проекта, должен быть четко признан во всех последующих публикациях.

3.5. Базы данных не должны рассматриваться как общественное достояние, если исследователи, создавшие их, не уточнили источники своих данных и методы их построения. Информация об источниках и методах должна делаться доступной в пределах разумного времени. Промежуточные данные должны быть доступными для проверки со стороны других ученых [Примечание: этот пункт принят Исполкомом МСА 26–27 ноября 1996 г.].

3.6. Будучи опубликованной, информация об исследовательском проекте считается частью общедоступного знания и материалом (*background*) для научного сообщества. Поэтому она открыта для комментариев и критики, на что исследователи должны иметь возможность реагировать.

Использование результатов исследования вне науки

4.1. Результаты социологических изысканий могут стать предметом общественного интереса. Их распространению, являющемуся частью неотъемлемого права человека на информацию, не должны чиниться препятствия. Однако исследователи должны знать об опасностях, связанных с искажениями, упрощениями и манипуляциями с их собственным исследовательским материалом, которые могут произойти в процессе их воспроизведения со стороны индивидов или СМИ. Исследователи должны иметь возможность (и обязаны делать это) вмешиваться в целях предупреждения любых не верных интерпретаций или злоупотреблений их трудом.

4.2. Исследователям следует воздерживаться от претензий на роль экспертов в сферах, в которых они не имеют необходимой глубины исследовательского знания, особенно при выступлениях в общественных дискуссиях или политических дебатах.

КХАЛИД КХАМЛИШ (ИРАН)

КОНЦЕПЦИЯ С. ХАНТИНГТОНА О СТОЛКНОВЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОСТОЧНОМУСУЛЬМАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Осуществлен анализ теоретико-методологических подходов ученых мусульманских стран к осмыслению и интерпретации концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций.

The theoretical-methodological approaches to comprehension and interpretation of the S. Huntington's concept about the collision of civilizations shared by the scientists of Muslim countries are given analysis to.

Согласно концепции С. Хантингтона, после холодной войны центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет столкновение цивилизаций. Конфликты, представляющие наиболее серьезную угрозу для стабильности всего мира, – это конфликты между различными цивилизациями¹. После крушения международного коммунистического лагеря наиболее фундаментальными различиями между людьми, обществами и нациями являются уже не идеологические, политические или экономические, а культурные и культурно-цивилизационной идентификации. Эра идеологической и политической борьбы уступила место эре борьбы цивилизаций: «Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций»².

Наиболее важными группировками государств являются уже не три блока времен холодной войны – капиталистический, коммунистический и блок государств, которые заявили о политике неприсоединения, а семь или восемь основных мировых цивилизаций³. «Деление человечества времен “холодной войны” позади. Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов»⁴. «В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации»⁵ и не по идеологическим, политическим или экономическим причинам, а по причинам различия культурно-цивилизационной принадлежности.

Сегодня уже не борьба классов является движущей силой истории, как полагал в свое время К. Маркс, а борьба цивилизаций. Коммунистический Интернационал канул в прошлое. Дух нового мира олицетворяется в интернационалах нового типа не на классовой и идеологической основе, а на культурно-цивилизационной. В отличие от всех разновидностей конфликтов, возникающих в результате политического и идеологического противоборства или столкновения экономических интересов, культурно-цивилизационные конфликты не поддаются примирению. «Не определившись со своей идентичностью, – пишет Хантингтон, – люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы»⁶. Тезис «против кого мы» подчеркивает существенный момент как в политическом, так и в массовом общественном сознании западных обществ – момент убеждения в необходимости врагов. Жизнь мыслится как перманентный процесс борьбы, противоборства и столкновения. Враг необходим для того, чтобы каждый народ мог четко определить свою культурно-цивилизационную идентификацию и ее отличие от других, и для того, чтобы он занял свое место на арене мировой борьбы. «Для людей, которые ищут свои корни, важны враги»⁷. Конфронтация между народами различных цивилизаций неизбежна. Жизнь не мыслится без конфликтов. «Повсеместность конфликтов. Человеку свойственно ненавидеть. Для самоопределения и мотивации людям нужны враги»⁸.

Многие восточномусульманские исследователи указывают на то, что США нуждаются во враге, с помощью которого они объединяют западные государства, а также Японию и многие другие страны под своим политическим и военным руководством против общего врага, якобы угрожающего Западу и его интересам, как это было во время конфронтации с СССР. Враг нужен США для подтверждения своей лидерской роли в мире, для удерживания Запада, Японии и других государств в зависимости от американской гегемонии, для сохранения их на орбите американской политики. Он необходим США и по другим причинам – для придания легитимного характера своей интервенции во многие регионы мира, для оправдания весьма прибыльных сделок по продаже оружия.

С распадом СССР – общего врага, против которого объединился Запад под руководством США, Америка потеряла привилегированные позиции, для возвращения которых необходимо было найти нового врага. Создавая устрашающий призрак иранско-фундаменталистской угрозы, США заключают огромные сделки по продаже оружия с богатыми соседними Ирану арабскими странами.

Мнимый враг необходим и выгоден Америке и Западу; за этим врагом скрываются их экономические и политические интересы. Враг нужен США и для внутреннего сплочения общества, для предотвращения угрозы расово-этнических расхождений и конфликтов, которые могут возникнуть вследствие многоэтнической и многорасовой структуры американского общества, для которого характерна смесь национальностей, культур и цивилизаций. Статистические данные указывают, что Америка во всевозрастающей степени становится более разнообразной в своем расово-этническом строении и что к 2050 г. в состав народонаселения будут входить 23 % испанцев, 16 % негров и 10 % американцев азиатского происхождения⁹. Столкновение цивилизаций и культур, если оно произойдет, может не только взорвать американское общество изнутри, но и положить конец его существованию.

Теория Хантингтона видит в столкновении цивилизаций движущую силу истории и главный фактор регуляции международных и межгосударственных отношений. Однако, как известно, во всемирной реальной социально-исторической практике наиболее влиятельными, главенствующими и движущими факторами являются экономические, политические, военные и даже научные и информационные.

Основная задача каждого народа и каждого правительства – защита национального государства и национальных интересов, защита же цивилизаций или вообще нигде не фигурирует, или просто отходит на второй план. Государство занято защитой не глобальных вопросов цивилизации, а конкретных интересов страны. В социально-политической жизни понятие цивилизации не может заменить понятие народ-государство, являющееся основным игроком на мировой арене. Между различными государствами, принадлежащими к одной и той же цивилизации, разворачиваются кровавые войны в результате столкновения национальных интересов, поэтому ключ к разгадке истории войн и конфликтов необходимо искать именно здесь. В данном случае теория К. Маркса об определяющей роли экономического фактора в историческом процессе представляет собой важный концептуальный и методологический подход, способный помочь мировоззренчески сориентироваться и глубже увидеть суть истории и механизм ее функционирования и развития. Для многих мыслителей мусульманского Востока столкновение цивилизаций есть не что иное, как прикрытие, за которым стоит конфликт интересов. Именно борьба интересов есть действительная, тайная подоплека борьбы цивилизаций¹⁰.

С точки зрения восточной исламской интеллигенции, концепция Хантингтона о столкновении цивилизаций не имеет под собой никакой научной, философской и культурологической ценности, т. е. не является новой теорией в истории философии. Она представляет собой политико-идеологический проект, лежащий в основе внешней политики США и направленный на достижение определенных прагматических целей, – очередного колониального натиска на слабо-развитые народы и подтверждения своей мировой гегемонии. Говоря о концепции столкновения цивилизаций, иранский писатель Садек Хакимит утверждает, что «суть данной концепции политическая, а не идейно-культурологическая»¹¹.

По мнению Хасана Ханафи, на первый взгляд кажется, что тема столкновения цивилизаций имеет научный, идейный и культурологический характер, а в действительности же ключ к пониманию ее сущности может быть найден только в политике и интересах¹².

Проблема столкновения цивилизаций, как и остальные, поднятые Западом и США, такие как права человека, права женщины, гражданское общество, демократизация, либерализация и т. п., на первый взгляд провозглашают идеалы гуманизма, цивилизационности и культуры. Но в их глубинной сущности таятся определенная политика и интересы как действительные, тайные подоплеку и движущие мотивы¹³. Кроме того, следует отметить, что в качестве первоначального замысла исследование Хантингтона было направлено «Пентагону с целью организации американской внешней и военной политики»¹⁴. Концепция столкновения цивилизаций относится к политической стратегии и политико-идеологической доктрине США и, следовательно, Запада.

Иранский мыслитель Мухаммед Хатами после прихода к власти в результате президентских демократических выборов выступил с миролюбивой позиции с концепцией «диалога цивилизаций», ставшей официальной идеологией его правительства. Данную инициативу следует рассматривать как протест против возможных последствий использования концепции «столкновения цивилизаций», содержащей конфронтационные, воинственные выводы, в решении конкретных политических проблем.

В своем выступлении перед Генеральной Ассамблеей ООН Хатами сказал: «Я предлагаю от имени Исламской Республики Иран, чтобы Организация Объединенных Наций спешила сделать первый шаг к названию 2001 года годом диалога цивилизаций, с надеждой, чтобы данный диалог реализовал первые необходимые шаги к установлению справедливости и свободы в мире»¹⁵. Предложение Хатами было принято сначала европейским парламентом, потом и Генеральной Ассамблеей ООН. В своем выступлении Хатами обращается ко всему миру с инициативой заменить столкновения и борьбу диалогом между различными цивилизациями и народами, подчеркивая, что стабилизация цивилизации и ее процветание могут быть достигнуты только на основе диалога¹⁶. Все государства и нации, принадлежащие различным цивилизациям и культурам, должны обращаться к диалогу «как альтернативе, замещающей войны, кровопролитие и бойню»¹⁷. Хатами призывает к конструированию межгосударственных отношений в новом тысячелетии не на основе силы, военной угрозы и гегемонии сильнейшего, как это было ранее, а на основе цивилизационного диалога.

Хатами констатирует, что одно из главных препятствий на пути к диалогу заключается в том, что некоторые государства стремятся к гегемонии над другими государствами, к утверждению превосходства и господства своей модели цивилизации и культуры над другими, к диктату своей воли и навязыванию своих воззрений и ценностей другим народам. Такие государства исключают права других цивилизаций и культур на достойное существование, ущемляют их интересы, утверждают их неполноценность. Отсюда возникают различные виды дискриминации и вытекающие из них конфликты. Одной из центральных целей концепции Хатами о диалоге цивилизаций является установление мира на Земле путем распространения среди всех народов культуры миролюбия, взаимного доверия, признания права на существование различных цивилизаций и культур на равной и справедливой основе. Согласно Хатами, диалог цивилизаций возможен лишь при наличии определенных предварительных условий, отсутствие которых приводит к отрицанию диалога. Применяемый сильнейшим методом властвования, диктата своей воли и навязывания своих мнений, отрицания и исключения цивилизационно-культурных моделей и ценностей других государств неизбежно ведет к столкновению.

Хатами призывает к построению межгосударственных, межцивилизационных и межкультурных отношений на базе стройной системы этических норм и ценностей, в основе которой лежит принцип выслушивания других с целью глубокого и всестороннего познания. Затем следует с пониманием, а не с высокомерием относиться к их взглядам и ценностям и признать их право на достойное существование на равной основе с собственным. «Диалог, – заявляет Хатами, –

требует преобразования нашего взгляда на человечество, и диалог цивилизаций может быть реализован лишь тогда, когда мы будем верить в необходимость выслушивания другого, т. е. когда мы откроем наши внутренние миры перед другими»¹⁸. «Выслушивание есть добродетель, которой мы должны следовать»¹⁹. Диалог невозможен с теми сторонами, которым кажется, что они одни обладают истиной или монополией на истину. Эта иллюзия порождает высокомерное ощущение собственного превосходства и служит мотивом отказа от выслушивания другого. Более того, диалог цивилизаций и культур возможен лишь путем взаимопомощи и сотрудничества всего человеческого рода.

Главные принципы, к реализации которых стремится концепция диалога цивилизаций, – равенство всех государств в международных правах, уважение народов и их независимости, отказ от всех видов опекуна, мирное сосуществование различных культур и цивилизаций, их сотрудничество для решения глобальных философско-мировоззренческих, социальных, политических, экономических, экологических и прочих вопросов, остро стоящих перед человечеством. Хатами подчеркивает, что перед учеными и интеллигенцией стоит задача ознакомления своих народов с мировоззрениями и культурными ценностями других цивилизаций, это послужит необходимым условием дружбы и взаимопонимания между народами. Рассуждая о жизненной необходимости установления мира, Хатами утверждает, что человечество на протяжении всей своей истории мечтает о мире. Но истинный и постоянный мир может быть реализован лишь на основе справедливости, равноправия, признания прав всех, а не только сильнейших, отмены практики гегемонии во всех ее формах и установления взаимного уважения. «Взаимное уважение есть первое условие конструктивного диалога»²⁰.

В своем философско-политическом мировоззрении Хатами исходит из двух гуманистических идеалов. Первый напоминает человеческому роду о том, что «все люди – органы одного тела»²¹, и отсюда вытекает моральная необходимость культурно-цивилизационного диалога, мирного сосуществования, взаимопомощи и сотрудничества между народами. Второй утверждает, что интересы, целеустремления и проблемы человечества едины и взаимосвязаны, поскольку «все жители мира плывут на одном общем, совместном корабле, поэтому или все вместе, сообщая, спасутся от бурь и ураганов и доберутся до берега безопасности, или корабль утонет вместе со всеми пассажирами»²². Хатами призывает ко всеобщему человеческому сотрудничеству, поскольку безопасность, благо и интересы всех стран мира находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии.

Одно из фундаментальных требований концепции диалога цивилизаций – установление демократии не только внутри страны, но и на уровне отношений между государствами и народами, т. е. установление «нового мирового порядка», конструированного на базе и межгосударственной демократии»²³.

Концепция диалога цивилизаций выступает за культурно-цивилизационный плюрализм, против тенденций к слиянию всех культур и цивилизаций в одну единую всемирно господствующую культурно-цивилизационную модель, т. е. против западноамериканских тенденций к установлению мирового господства своей модели культуры и цивилизации. Она призывает к равноправию и мирному сосуществованию различных культур и цивилизаций, к их взаимоуважению, взаимопризнанию, взаимовоздействию, взаимосотрудничеству и взаимодополнению в рамках сохранения каждой культурой своей идентичности.

Концепция выступает за диалог между религиями, решение проблемы разногласия с помощью логики и разума на основе этических ценностей толерантности, веротерпимости и гуманизма. Исходная мировоззренческая позиция Хатами заключается в том, что сегодня на мыслителей христианского и мусульманского мира возложена задача работать над преодолением препятствий, тормозящих диалог, в том числе фанатизма, и установлением силы логики и мысли. В этом плане главное – не допустить, чтобы политики и все те, кто движим лишь собственными экономическими и политическими интересами, превратили религию в средство и орудие для достижения своих корыстных целей.

Мыслители должны взять в свои руки инициативу в международных делах из рук политиков, для которых имеют значение только личные, порой не всегда честные, интересы. Фундаментальный тезис концепции диалога цивилизаций, который Хатами отстаивает, гласит, что «отнюдь не политики, а мыслители и ученые являются героями этого диалога». Хатами исходит из концептуально-философской идеи, согласно которой «для преобразования мира политика должна быть зависимой от мысли и подчиненной ей»²⁴. «Я надеюсь, что новый век станет веком диалога цивилизаций вместо их борьбы и столкновения, а также веком интеллектуалов, в котором политики станут подчиненными мыслителям и зависимыми от них»²⁵. Очевидно, что Хатами черпает свое идейное и философское вдохновение из платоновской философии. Человечество, согласно Платону, никогда не положит конец злу и несправедливости, пока государственно-политическая власть не будет в руках философов.

По мнению Хатами, концепция Хантингтона о столкновении цивилизаций «была в действительности выражением реально существующей истины в нашу эпоху. Однако мы не должны позволить этой истине господствовать над судьбами народов и стран»²⁶.

Относительно диалога с Западом в мусульманском мире среди интеллигенции выделяются две диаметрально противоположные точки зрения, две позиции. Первая поддерживает диалог между цивилизациями как естественно-закономерное следствие развития современной истории. Она исходит из положения о том, что глобализация есть реальность объективно существующая и что эта реальность предполагает мирное сосуществование и ведет к сближению цивилизаций, а не к их столкновению. Следовательно, человеческие усилия должны быть направлены на распространение культуры диалога между народами, на поиски общей основы, ведущей к развитию диалога и его успешности. Однако империалистический натиск США, их неудержимая политика экспансии против мусульманского мира ставят восточных приверженцев диалога цивилизаций в затруднительное или даже тупиковое положение, поскольку своими военными действиями и военной угрозой США подрывают основы такого диалога. Египетский мыслитель либеральной ориентации Саид Ясен, один из сторонников концепции диалога цивилизаций, предложил создать международный блок интеллектуалов, интернациональный союз между интеллигенцией мусульманского мира и критически ориентированной интеллигенцией Запада и всего остального мира для противостояния колониальной политике США²⁷.

Вторая позиция ставит под сомнение продуктивность и результативность диалога с Западом. Другой египетский мыслитель Хасан Ханафи сделал вывод, что, принимая предложение Хатами, «Организация Объединенных Наций объявила 2001 г. годом диалога цивилизаций, однако ничего не произошло. Столкновение цивилизаций продолжало оставаться общепринятым, ориентирующим и движущим»²⁸. Согласно сторонникам второй позиции, тема диалога цивилизаций внезапно вспыхнула лишь как поспешная эмоционально-психологическая реакция на концепцию Хантингтона о столкновении цивилизаций, и, по существу, она не имеет под собой никаких объективных реальных оснований. В условиях отсутствия равновесия и равенства сил и возможностей цивилизаций любая речь о диалоге является бесполезной, бесплодной и безрезультатной. Отсутствие баланса сил, военного и экономического равновесия на международной арене закономерно приводит к ситуации, когда сильнейшие государства диктуют свое право, свою волю и власть слаборазвитым. История человечества никогда не отклонялась от этой закономерности. Логика, управляющая межгосударственными отношениями, есть логика силы, а не диалога. Всемирная государственно-политическая история есть история борьбы интересов. Поэтому аналитики, ставящие под сомнение возможность диалога и отвергающие его, утверждают, что за призывом к диалогу скрывается борьба интересов. Египетский мыслитель исламской ориентации Фахми Хувайди пишет: «Запад не нуждается в диалоге, и мусульмане не обладают возможностями диалога». «Диалог имеет цель, заслуживающую высокого уважения, однако Запад не признает существование других цивилизаций и термин диалога у него обманчивый. Запад... попросту не примет диалог, потому что он в нем не нуждается»²⁹.

Таким образом, в мусульманском мире перед философами, социологами и политологами, размышляющими над проблемами диалога или столкновения, остро стоит мучительный вопрос: как можно отстоять идею диалога с Западом в

то время, когда Запад выступает с позиций силы, стремится к гегемонии и к навязыванию своих идей, своей политики и своей воли Востоку? Разве можно говорить о диалоге с Западом, когда мы еще не успели освободиться от пережитков его колониального ига и разрушения, когда началась новая волна западноамериканской колониальной экспансии против мусульманского мира? Афганистан, затем Ирак подверглись тотальной вооруженной оккупации. Миллионы палестинцев согнаны с их земель, и они вынуждены жить в чужих странах как беженцы. Израильский геноцид против палестинского народа осуществляется при полной поддержке США и Запада с помощью их оружия и финансовых средств. Более того, на Востоке люди глубоко озабочены постоянными военными угрозами и угрозами применения экономических санкций со стороны США и Запада против многих мусульманских стран, во главе которых теперь стоят Иран и Сирия.

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 7, 40, 191.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 193.

⁹ См.: Хакикит С. Диалог цивилизаций и их столкновение. Бейрут, 2004. (На араб. яз.). С. 8–9.

¹⁰ См.: Ясен С., Эспозито Д., Ханафи Х. и др. Арабские и западные рассуждения о диалоге цивилизаций. Каир, 2004. С. 53, 54, 72, 73.

¹¹ Хакикит С. Указ. соч. С. 58.

¹² См.: Ясен С., Эспозито Д., Ханафи Х. и др. Указ. соч. С. 56, 60.

¹³ Там же. С. 56, 72.

¹⁴ Хакикит С. Указ. соч. С. 57.

¹⁵ Хатами М. Диалог цивилизаций. Дамаск, 2002. С. 28. (На араб. яз.).

¹⁶ Там же. С. 24, 28.

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Там же. С. 150.

²¹ Там же. С. 25, 44.

²² Там же. С. 51.

²³ Там же. С. 115, 139.

²⁴ Там же. С. 147.

²⁵ Там же. С. 139.

²⁶ Там же. С. 147.

²⁷ См.: Ясен С., Эспозито Д., Ханафи Х. и др. Указ. соч. С. 30.

²⁸ Там же. С. 53.

²⁹ Хакикит С. Указ. соч. С. 81.

Поступила в редакцию 27.12.07.

С.А. МУДРОВ (БАРАНОВИЧИ)

ОТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ К ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Анализируется отношение протестантских, католических и православных церквей к европейской интеграции. Отмечается, что представители традиционных протестантских церквей в целом занимают лояльную позицию по отношению к ЕС, в то время как неопротестанты относятся более критично. В католической церкви существует несколько точек зрения; можно говорить о формировании «фракций» – евроэнтузиасты, еврореалисты и евроскептики. В Греческой православной церкви преобладает прагматичный подход к интеграции. Делается вывод о том, что различные мнения о европейской интеграции отражают конфессиональные барьеры в христианстве.

Analyzed are the attitudes of Protestant and Catholic Churches towards European integration. The traditional Protestant Churches are stated in general as loyal towards the EU, while representatives of Free Churches are more critical. Different viewpoints coexist within the Catholic Church; it is possible to say that the appropriate «factions» were formed – of euro-enthusiasts, euro-realists and euro-skeptics. Pragmatic attitudes towards integration dominate within the Orthodox Church of Greece. The conclusion that diverse opinions about European integration reflect the confessional division lines in Christianity is made.

Христианское сообщество «единой Европы» проявляет к проблемам европейской интеграции все больший интерес. Обсуждается и анализируется как

история интеграции, так и современные тенденции развития Европейского Союза. Особое внимание церквей к «европейскому строительству» было приковано в 2003–2007 гг., когда выработывался текст Конституционного соглашения ЕС и происходило самое масштабное за всю историю укрупнение Евросоюза.

Невзирая на то, что христианские церкви уже не первый год оценивают и комментируют развитие ЕС, можно заметить, что анализу церковного осмысления европейской интеграции уделяется недостаточно внимания. Среди русскоязычных исследований наиболее компетентными являются работы епископа Илариона Алфеева, доктора богословских наук, руководителя представительства Московского патриархата при европейских международных организациях¹. В англоязычном мире известно имя британца А. Франклина, автора книги «Европейский Союз: последняя мировая империя»², а также американских ученых Б. Нельсена и Дж. Гута, опубликовавших ряд статей, в которых анализируется отношение верующих различных конфессий к европейской интеграции³. Шведский исследователь М. Хагеви известен благодаря своему материалу о церковном восприятии ЕС в Швеции⁴. Существуют также статьи и книги о роли церквей в европейской интеграции, опубликованные скандинавскими исследователями. Эти издания не переведены ни на русский, ни на английский язык, а потому знакомство с ними остается затруднительным. Также закрыта для широкой общности магистерская диссертация Д. Форда из Английского политехнического университета, поскольку она не публиковалась и не рассылалась в библиотеки. В диссертации Форд проанализировал отношение к европейской интеграции в церквях Великобритании (в период с 1967 по 1997 г.)⁵.

Таким образом, принимая во внимание ограниченное число научных работ, посвященных отношению христианских церквей к ЕС, мы вправе говорить об отсутствии четко сформулированных выводов в исследуемой области. Более информативными являются официальные документы церквей, касающиеся вопросов европейской интеграции. Кроме того, ряд ценных сведений был получен мной в Брюсселе из интервью с представителями церквей при европейских международных организациях. Собранные материалы были положены в основу настоящей статьи, анализирующей отношение протестантов, католиков и православных к европейской интеграции и различным аспектам деятельности Европейского Союза.

Протестанты и европейская интеграция

Учитывая деноминационное многообразие протестантских церквей в Европе, резонно предполагать существование различных точек зрения на европейскую интеграцию. Действительно, у протестантов мнения о Европейском Союзе меняются от деноминации к деноминации, а порой даже от епархии к епархии в рамках отдельной деноминации. Кроме того, позиции протестантских церквей зачастую совпадают с мнением правительств тех стран, в которых эти церкви находятся, и отражают господствующие в них настроения.

Социологические исследования, проведенные в отдельных странах Евросоюза, показывают, что наиболее лояльно к ЕС настроены представители традиционных протестантских деноминаций (особенно лютеране), в то время как неопротестанты тяготеют к разряду евроскептиков. Среди «традиционных» протестантов критика Евросоюза – явление редкое. Причины следует искать в специфике социальных концепций церквей. Так, многие лютеранские церкви (например, церковь Швеции) снисходительно относятся к однополым «бракам» и абортам. Как отмечает епископ Иларион Алфеев (Русская Православная церковь), один из лютеранских епископов, с которым планировалось подготовить совместную декларацию, так и не согласился с тем, что аборт – это грех (даже если он совершен не по медицинским показаниям и при отсутствии угрозы жизни матери)⁶. К. Хатцингер, заместитель руководителя представительства евангелических церквей Германии в Брюсселе, заметила, что осуждение аборт – это для них более сложная вещь, чем осуждение эвтаназии⁷. Протестанты в этой связи могут проявлять безразличие к аналогичным воззрениям идеологов интеграции (встречаемым довольно часто), поскольку они не усматривают в них существенных расхождений со своей позицией.

С другой стороны, более консервативно настроенные протестанты говорят о Евросоюзе с известной долей скептицизма. Один из примеров – англиканская церковь. И хотя для ее приверженцев тема евроинтеграции не является приоритетной, анализ выступлений архиепископа Кентерберийского позволяет уловить существующие сомнения и колебания.

«Для меня, – говорил Дж. Кэрей, архиепископ Кентерберийский до 2002 г., – быть европейцем – значит быть противоположностью замкнутости и исключительности. Быть европейцем – значит олицетворять ценности сотрудничества, толерантности, прощения и мира. Это поиск прогресса, построения общества справедливости... Это поощрение ценностей, прав, процветания, которые можно разделить с другими странами. Это противостояние национализму, ксенофобии и расизму, это поощрение... многоуровневой идентичности. Это выражение национальных, религиозных и расовых особенностей в разрезе мирного сосуществования и взаимного уважения, а не в агрессии и кровопролитии. Это возможность созерцать каждый уровень идентичности – начиная с семьи и небольшого города и заканчивая европейскими и международными структурами... каждый с потенциалом возможного вклада в добро и справедливость, послушания целям Божией любви»⁸.

Комментируя, казалось бы, сугубо светское событие – введение единой валюты в большинстве стран ЕС, архиепископ провел наглядные параллели: «Многие будут говорить, что моральная валюта Европейского Союза значительно девальвировалась в последние дни... Очевидно, что без уверенности людей в том, как управляют в Брюсселе, самые лучшие и восхваляемые европейские проекты не будут реализованы. Наиболее часто упоминаемый “дефицит демократии”, как и многое другое в Европе, имеет значительное моральное содержание. Я уверен, что еще есть возможности привнести в Брюссель дух Вифлеема»⁹.

Самую критическую позицию по отношению к ЕС занимают представители неопротестантских или радикализованных протестантских церквей. Так, И. Пэйзли, руководитель Свободной пресвитерианской церкви (Северная Ирландия), заявляет, что Евросоюз «инспирирован и контролируется Ватиканом»¹⁰. По его мнению, Евросоюз – это сверхгосударство Римского Папы. Профессор А. Нобель, провозглашающий многие идеи пресвитериан, утверждает, что «Папа Римский Иоанн XXIII запланировал создание европейского религиозно-политического чудовища, которое он назвал “величайшим (из известных миру) католическим сверхгосударством” ... Брюссельская бюрократия плясала под Римскую дуду, когда приняла в 1973 году ватиканского лакея – Ирландскую Республику»¹¹. Профессор Нобель указывает на существование «заговора», цель которого – подорвать протестантское наследие английской нации. И. Пэйзли откровенно заявляет, что «Папа Римский – это ключ к Европейскому Союзу»¹².

Следует отметить, что идеи такого рода, соединяющие жесткий антикатолицизм и обращение к библейским пророчествам, довольно распространены в среде европейского неопротестантизма, особенно в регионах, где столкновения католиков и протестантов носили затяжной и кровавый характер. Тем не менее европейские неопротестанты в большинстве случаев не пытаются апеллировать к доктринам о Папе как антихристе, столь популярным среди адвентистов. Для них Папа как глава Римско-католической церкви (РКЦ) – это средоточие ересей и заблуждений, это иерарх, для которого разрушение протестантского наследия в Европе – святая задача. Неопротестанты, видящие в Европейском Союзе исключительно католическую доминанту, отодвигают на второй план угрозы, идущие со стороны либеральных антицерковных сил, растущие вес и влияние которых невозможно отрицать. Рассуждения о том, что большая часть населения ЕС исповедует католицизм, не принимают в расчет низкой степени религиозности европейских католиков, многие из которых не разделяют идеи, проповедуемые Ватиканом.

Католики и европейская интеграция

Формально католицизм остается доминирующей религией в ЕС, и вплоть до вступления в Евросоюз Румынии и Болгарии (в 2007 г.) это доминирование ощущалось достаточно сильно. Тем не менее католики (вопреки утверждениям

непротестантов) далеки от того, чтобы позиционировать себя в качестве явных поводырей, или «серых кардиналов» европейской интеграции. «В интеграционном проекте есть своя логика, обогащенная христианским вдохновением множества участников, – подчеркивал Н. Тренор, Генеральный секретарь Комиссии епископских конференций Европейских Сообществ (КОМЕСЕ). – Но даже те католики, которые проявляли интерес к интеграционным проектам в начале 40-х годов, говорили о принципах субсидиарности, мира и справедливости. Полагаю, что они рассуждали во внеконфессиональных категориях. Речь вовсе не шла, скажем, о почитании или непочитании святых... Вряд ли Роберт Шуман считал, что те фундаментальные принципы, на которых должно основываться Сообщество, не будут разделяться христианами других конфессий»¹³.

Самое, пожалуй, парадоксальное в католическом восприятии ЕС – это кардинальные расхождения во мнениях, наблюдаемые внутри самой РКЦ. Это тем более удивительно, что католическая церковь остается централизованной структурой, в которой Ватикан и Римский понтифик играют главенствующую роль. Тем не менее «нестыковки» во мнениях прослеживаются на самом высоком уровне. Так, при анализе документа Синода епископов РКЦ «Иисус Христос, живой в Своей Церкви, – источник надежды для Европы» складывается самое мрачное представление о Европе – теряющей веру, превращающейся в пустынно-секулярное пространство... В документе констатируется, что люди ведут себя так, как «если бы Бог не существовал». Синод также предупреждает, что «до настоящего времени унификация Европы следует преимущественно по экономическому пути, а судьба социальных и культурных элементов не определена. Роль Церквей в этом отношении не ясна, но есть серьезный риск того, что их значение будет сведено до минимума в рамках различных социально-благотворительных программ. Ситуация будет еще более усугублена в том случае, если, помимо маргинализации позиции Церкви, приоритет будет отдан социологической интерпретации роли верующих в новой европейской ситуации»¹⁴.

Таково мнение одной стороны. С другой стороны, Папа Римский, понимая и, вероятно, разделяя опасения авторов документа, практически всегда позиционировал себя в качестве сторонника объединенной Европы. Напомню, что Иоанн-Павел II призывал своих соотечественников-поляков сказать решительное «да» вступлению Польши в Европейский Союз на референдуме в июне 2003 г.¹⁵ Дж. О`Хэнлон в статье «Европа и Римско-католическая церковь» утверждает, что понтифик явно ценил европейский проект, так как видел в нем «подтверждение трансцендентного достоинства личности, ценности свободы, демократии, конституционного государства и различие между политической жизнью и религией»¹⁶. Н. Тренор проявляет еще больший оптимизм, утверждая, что немалым достижением было включение в текст Конституции ЕС ссылки на религиозное наследие Европы и упоминание об «особом вкладе церквей»¹⁷. В пике Тренору его соотечественник – священник из Ирландии – рассуждает в гораздо более пессимистичном духе: «Вначале Брюссель отберет у нас независимость, затем навяжет аборт, эвтаназию и гомосексуальные “союзы”. Все эти вещи, как вы знаете, уже являются частью законодательства в определенных странах Европы. И все это будет навязываться как воплощение европейского стремления к “равенству и справедливости”»¹⁸.

Радикальная противоположность мнений в отношении ЕС, наблюдаемая в РКЦ, заставляет предположить, что в ней сосуществуют три «европейские фракции» евроэнтузиастов:

- 1) евроэнтузиастов, безоговорочно поддерживающих интеграцию;
- 2) еврореалистов, видящих в интеграции как позитивные, так и негативные стороны;
- 3) евроскептиков, полагающих, что членство в ЕС приносит странам больше вреда, чем пользы.

Конечно, такого рода деление условно и не дает оснований представлять «фракции» как четко очерченные, структурированные группы. Ни один из традиционно мыслящих католиков, даже из числа поддерживающих интеграцию, не станет оправдывать аборт или же защищать в рамках поощряемого Брюссе-

лем «равноправия полов» рукоположение женщин в священный сан. Тем не менее есть все основания предполагать, что фракция «евроэнтузиастов» является в РКЦ наиболее многочисленной и влиятельной. Американские исследователи Нельсен и Гут пишут о существовании некой «подсознательной» симпатии католиков к европейскому проекту, связанной, по их мнению, с многовековой привязанностью РКЦ к наднациональным структурам, в которых отдельные этнические общности и государства подчиняются единому центру¹⁹.

Судя по всему, католическая церковь находится сейчас в несколько двусмысленном положении. С одной стороны, никто не может отрицать вклад ревностных католиков в создание Евросоюза, особенно на начальных этапах интеграции, с другой – растущий секуляризм все более и более отодвигает Ватикан на второй и даже на третий план в ходе европейского строительства. Руководство римской церкви старается сохранять «официальный» оптимизм, используя имеющиеся рычаги влияния для изменения ситуации в свою пользу. Речь, в частности, идет о воздействии на решения, принимаемые в ЕС, через государства, где сильно влияние католицизма (Польша и Ирландия). Один из примеров – желание Польши добиваться включения ссылки на христианское наследие Европы в обновленный текст Конституции ЕС. Позиция Варшавы на сей счет не могла оформиться без участия Римского Престола.

Тем не менее официальный и зачастую вынужденный оптимизм Ватикана сталкивается не только с секулярными настроениями в коридорах Еврокомиссии, но и с пессимизмом части католических кругов. Вместе с тем занять позицию полного евроскептицизма католикам вряд ли возможно. Слишком плотно церковь вплетена в систему интеграции, и выхода из нее, похоже, уже нет. Критикуя отдельные аспекты евроинтеграции, Ватикан оставляет себе некоторое пространство для маневра, в целом следуя генеральной линии поддержки «великого европейского проекта», занятой Святым Престолом с самого начала.

Православные и европейская интеграция

В настоящее время из 27 стран-членов ЕС четыре государства (Греция, Кипр, Болгария и Румыния) относятся к числу стран с преобладающим православным населением. В Латвии и Эстонии находится значительное число прихожан Московского патриархата. Не следует также забывать о существовании автокефальных церквей чешских земель и Словакии, Польши и автономной церкви в Финляндии.

Среди православных церквей стран-членов ЕС наиболее детально вопросы отношения к интеграции разработаны в Элладской церкви. Греция, к слову, является одним из «старых» членов ЕС – она присоединилась к Европейскому Союзу в 1981 г. По мнению многих экспертов, страна в целом экономически выиграла от членства в Евросоюзе. Благодаря щедрым дотациям из Брюсселя греки смогли существенно повысить уровень жизни. «Евробарометр» (социологическая служба Еврокомиссии) свидетельствует, что на протяжении многих лет в Греции сохраняется позитивное отношение к Европейскому Союзу и интеграции.

Впрочем, это отнюдь не означает, что подданные Афин смотрят на интеграцию однобоко и подобострастно. В Греции понимают, что евроинтеграция – это двусторонний процесс, обратная сторона которого становится заметна с течением времени. Элладская православная церковь, чутко улавливающая нюансы европейского строительства, говорит об этом уже не первый год. Анализ документов, представленных церковью на суд широкой общественности, позволяет утверждать, что Афины церковные далеко не так оптимистичны, как Афины политические. Полагаю, что мы имеем право говорить о значительной доле критики, генерируемой действиями Брюсселя, неприемлемыми для церкви.

В качестве иллюстрации приведу цитату из документа «Священный Синод Церкви Греции о будущем Европы»:

«Европа не может и не должна забывать, что ее духовные основания находятся в Евангелии Христовом. Факт этот неоспорим, он был признаваем многие столетия, так что нет смысла утверждать его снова и снова. Но знания этого факта недостаточны. Европа должна относиться к нему с уважением. В этой связи слабование европейской политической элиты в принятии истории своей

цивилизации, попытка не допустить основоположника цивилизации в текст Конституции представляют собой опасный регресс»²⁰.

О Конституции единой Европы (лишенной ссылки на Бога и христианские ценности) церковь высказалась еще более жестко: «С точки зрения духовности и культуры это не Конституция Европейского Союза, а подтверждение политического упадка Европы»²¹.

Тем не менее церковь, указывая на негативные черты европейского строительства, утверждает, что в развитии ЕС есть и позитивные стороны. Достаточно прочитать отдельные высказывания архиепископа Афинского и всея Эллады Христодула, чтобы убедиться в том, что греки не стремятся описывать Евросоюз исключительно в темных тонах.

«Величайшая цель мира и развития в нашей истории – это Европейский Союз», – отметил архиепископ²². Развивая далее свою мысль, он подчеркнул, что Греция впервые в своей истории добровольно поступилась частью суверенитета. Для чего? Для сохранения мира и стабильности, для предотвращения глобальных конфликтов, ярким примером которых явились в XX в. две мировые войны.

«Для Церкви, – говорил архиепископ Афинский и всея Эллады, – Европейский Союз – это не только экономическое и политическое сотрудничество определенных государств, это даже не межгосударственное сообщество с определенными экономическими и политическими целями. Если бы то, что упомянуто выше, являлось Европой, то у Церкви не было бы никакой причины все это защищать, поскольку Церковь не занимается политикой. Для Церкви Европа – это духовный образ христианства, поскольку христианство вобрало как римское наследие, так и греческое образование, преподавая их как в средние века, так и в последующее время. Вот почему поддержка Европейского Союза для Церкви – это не политический акт, но духовная ответственность. И эта ответственность заключается в том, чтобы защитить образ жизни, как это делает духовник, дабы этот стиль жизни не опустился бы до уровня простых политико-экономических событий»²³.

Судя по всему, в Элладской церкви, как и в Римско-католической, уживаются несколько точек зрения на Европейский Союз, хотя говорить о формировании «еврофракций» преждевременно. Более того, православные, в отличие от католиков, в целом более критичны по отношению к ЕС. Впрочем, как отметил епископ Афанасий Хатзопулос, глава представительства церкви Греции при Европейском Союзе, «Церкви не собираются повторять то, что говорят политики, и их критику не следует воспринимать как неконструктивную... Скорее, речь должна идти о конструктивном вкладе в диалог, об определенном видении Европы»²⁴. В Афинах осознают, что процесс европейской интеграции необратим, а потому задача церкви – стараться не допустить его превращения в орудие антихристианских сил. Политика церковного прагматизма, проводимая церковью Греции, вполне закономерно вытекает из оценки развития ЕС, предложенной епископом Афанасием. Глава представительства в Брюсселе отметил, что в Европе «схлестываются» многие силы, порой идущие в разных направлениях. «В настоящее время, – подчеркнул епископ, – никто не может навязать свое мнение другим». Таким образом, из множества различных мнений формируется тот путь, по которому движется Европейский Союз²⁵.

Развитие Европейского Союза, тенденции хода европейской интеграции не остаются без внимания христианских церквей. Протестанты, католики и православные, выражая свои мнения по различным вопросам «европейского строительства», формируют христианский взгляд на европейскую интеграцию. Эти воззрения достаточно четко отображают конфессиональные барьеры, существующие в христианстве. Причем линии раздела проходят не только между конфессиями, но и внутри них самих.

Так, отношение протестантов к Европейскому Союзу меняется от однозначно положительного (лютеране) до резко отрицательного (Свободная пресвитерианская церковь Северной Ирландии). В католической церкви прослеживается сосуществование трех «еврофракций»: евроэнтузиастов, еврореалистов и ев-

роскептиков, каждая из которых вносит свой вклад в принятие решений, призванных отражать мнение всей церкви. Православная церковь Греции, отличающаяся большей однородностью, чем Римско-католическая церковь, утверждает в качестве ведущего прагматичный подход к европейской интеграции, отказываясь от ее однозначного одобрения или осуждения, хотя явно выраженная неоднозначность в оценках присутствует и здесь.

Следует особо отметить, что формирование единого христианского взгляда на европейскую интеграцию остается неосуществимой задачей, так как разногласия между конфессиями достигли значительной величины не только в богословской, но и в морально-нравственной сфере. Это отчетливо заметно при сопоставлении взглядов православных и католиков и «традиционных» протестантов по вопросам биоэтики и семейной жизни. Необходимость адекватно отвечать на вызовы ЕС только углубляет и усугубляет этот межконфессиональный разрыв.

¹ См.: <http://bishop.hilarion.orthodoxia.org>

² См.: Franklin A. EU: the Final World Empire. Fleet, 2004.

³ См.: Nelsen B., Guth J., Fraser Ch. Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union // European Union Politics. 2001. Vol. 2 (2).

⁴ См.: Hagevi M. Religiosity and Swedish Opinion on the European Union // Journal for the Scientific Study of Religion. 2002. Vol. 41. № 4.

⁵ См.: Ford D. An analysis of the response by the Christian UK Churches to the involvement of Britain in the European institutions 1967–1997 // Unpublished MA Thesis. Anglia Polytechnic University. 1999.

⁶ См.: Алфеев И. Благословение или проклятие? Традиционные и либеральные ценности в споре между христианством и западной цивилизацией [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: http://bishop.hilarion.orthodoxia.org/1_3_7_1. Дата доступа: 06.09.2007.

⁷ См.: Интервью автора с К. Хатцингер. Брюссель, 2007. 22 янв.

⁸ См.: Carey G. The Millenium and the Soul of Europe [Electronic Resource]. 1999. Mode of access: <http://www.archbishopofcanterbury.org/carey/speeches/990327.htm>. Date of access: 03.09.2007.

⁹ Ibid.

¹⁰ Paisley I. The Vacant Seat Number 666 in the European Parliament [Electronic Resource]. 2000. Mode of access: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=666>. Date of access: 03.09.2007.

¹¹ Noble A. The conspiracy behind the European Union: what every Christian should know [Electronic Resource]. 1998. Mode of access: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?printerFriendly=true&ArtKey=conspiracy>. Date of access: 03.09.2007.

¹² Paisley I. Be the soul of Europe [Electronic Resource]. 2000. Mode of access: <http://www.ianpaisley.org/article.asp?ArtKey=soul>. Date of access: 03.09.2007.

¹³ Интервью автора с Н. Тренором. Брюссель, 2007. 22 янв.

¹⁴ Jesus Christ, alive in His Church, the Source of Hope for Europe [Electronic Resource]. 1999. Mode of access: http://www.vatican.va/roman_curia/synod/documents/rc_synod_doc_19071999_europe-instrlabor_en.html. Date of access: 03.09.2007.

¹⁵ См.: Мудров С. Польша и Европейский Союз: возможный потенциал польского евро-скептицизма / С. Мудров // Неман. 2006. № 1. С. 140.

¹⁶ O'Hanlon J. Europe and the Roman Catholic Church/ Jerry O'Hanlon // The Future of Europe, ed. 2006. P. 58.

¹⁷ См.: Интервью автора с Н. Тренором. Брюссель, 2007. 22 янв.

¹⁸ Anderson M. Ungodly Ways: The Dark Side of the European Union [Electronic Resource]. 2003. Mode of access: <http://www.orthodoxytoday.org/articles2/AndersonEurope.php>. Date of access: 03.09.2007.

¹⁹ См.: Nelsen B., Guth J., Fraser Ch. Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union / B. Nelsen, J. Guth and Ch. Fraser // European Union Politics. 2001. Vol. 2 (2). P. 201.

²⁰ The Holy Synod of the Church of Greece on the Future of Europe [Electronic resource]. 2003. Mode of access: http://www.ecclesia.gr/English/EnHolySynod/messages/europe_declaration.html. Date of access: 03.09.2007.

²¹ Ibid.

²² Christodoulos. Peace and development [Electronic resource]. 1998. Mode of access: <http://www.ecclesia.gr/english/archbishop/speeches/EnAthens98.html>. Date of access: 03.09.2007.

²³ Christodoulos. The Word and Role of Orthodoxy in the European Union [Electronic resource] / Christodoulos. 2000. Mode of access: http://www.ecclesia.gr/English/EnArchbishop/EnSpeeches/role_of_orthodoxy.html. Date of access: 03.09.2007.

²⁴ Интервью автора с епископом Афанасием Хатзопулосом. Брюссель, 2007. 25 янв.

²⁵ Там же.

В. К. Щербин. **Комплексный науковедческий анализ деятельности Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в 1991–2006 гг.** / Науч. ред. С. М. Дедков. Мн.: Право и экономика, 2008. 247 с.

Вышла в свет новая книга белорусского ученого В. К. Щербина, посвященная проблемам грантовой поддержки отечественной науки. Если не принимать во внимание двух опубликованных ранее юбилейных сборников статей, рецензируемая книга является первым монографическим исследованием деятельности Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ), которое было выполнено в 2006–2008 гг. при финансовой поддержке данного фонда (проект № Г06-362). Нельзя не отметить, что содержание книги значительно шире тематических и хронологических рамок одного конкретного проекта, о чем свидетельствует тот факт, что из семи разделов и двух приложений непосредственному изучению деятельности БРФФИ посвящены только разделы 3–7. Что же касается разделов 1–2 и двух объемных приложений, то в них рассматриваются различные аспекты мировой системы грантовой поддержки науки, а также возможности использования различных науковедческих показателей и подходов для изучения указанной системы.

В частности, первый раздел монографии «Научные фонды в современном мире» содержит обстоятельный обзор отечественной и зарубежной литературы, посвященной деятельности международных и национальных научных фондов разных стран мира (с. 8–13), а также построенную автором типологию научных фондов с указанием места белорусских фондов (БРФФИ, Белорусского инновационного фонда, Белорусского фонда культуры, отраслевых инновационных фондов Беларуси и др.) в мировой системе грантовой поддержки науки (с. 13–18). Содержание данного раздела удачно дополняется двумя приложениями к монографии: в приложении 1 приводятся обозначения и сокращения названий 69 международных и национальных научных фондов разных стран мира (с. 177–181), а в приложении 2 – более 700 наименований опубликованных научных работ (книг, статей, отчетов о НИР и др.), посвященных мировой системе грантовой поддержки науки, сгруппированных по тематике в рамках четырех

подразделов – «Белорусские научные фонды», «Российские научные фонды», «Украинские научные фонды», «Международные и национальные научные фонды стран дальнего зарубежья» (с. 182–240). В качестве критических замечаний по содержанию первого раздела можно высказать следующие: а) типология научных фондов основывается главным образом на финансовых показателях (общий объем аккумулированного в том или ином фонде финансового капитала; количество финансируемых им научных проектов и т. п.), что обедняет типологическую характеристику; б) место белорусских фондов в мировой системе грантовой поддержки науки определяется исключительно при помощи библиометрического анализа имеющейся о них отечественной и зарубежной литературы, что является односторонним подходом.

Содержание второго раздела «Научные фонды в зеркале современного науковедения» вообрало в себя результаты многолетних исследований автора, проводившихся им в рамках различных направлений науки о науке (общего науковедения, методологии науки, логики науки, социологии науки, экономики науки, истории науки, наукометрии, языка науки и др.). Именно последнее обстоятельство позволило В. К. Щербину выделить 15 основных направлений современного науковедения и дать каждому из них развернутое энциклопедическое определение с указанием структуры и имеющейся о нем научной литературы (с. 18–48). Кроме того, в данном разделе кратко характеризуются монодисциплинарные науковедческие исследования разных типов о различных сторонах деятельности отечественных и зарубежных научных фондов (с. 48–62), а также раскрывается специфика комплексного науковедческого анализа их деятельности (с. 62–69).

Широкий тематический охват и богатое теоретическое содержание первых двух разделов монографии создают надежную научную основу для непосредственного рассмотрения ее автором деятельности БРФФИ в последующих пяти разделах. Так, третий раздел «История создания и развития БРФФИ» является самым большим по объему (с. 69–117) и включает три следующих подраздела: 1) «Хронологическое исследование деятельности БРФФИ в 1991–2006 гг.» (с. 69–76), в котором раскрываются основные принципы такого исследования; 2) «Краткая хроника деятельности БРФФИ в 1991–2006 гг.» (с. 76–98), содержащую 120 хронологических записей из истории формирования и становления БРФФИ;

* Конкурсная система научного поиска. К 10-летию Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований / Под общ. ред. А. С. Рубанова. Гомель, 2002; Первопроходец белорусского конкурсного финансирования науки (БРФФИ: 1991–2006) / Под общ. ред. В. А. Орловича. Мн., 2007.

** См., например, науковедческие публикации В. К. Щербина в журнале «Социология» (2002. № 2; 2005. № 1, 3; 2006. № 2; 2007. № 2).

3) «Основные этапы развития БРФФИ» (с. 99–117), раскрывающий смысловые доминанты и обосновывающий хронологические рамки четырех основных этапов создания и развития БРФФИ.

Этап 1 – вызревание самой идеи создания национального научного фонда в Беларуси (конец 1980-х – 1991 г.); этап 2 – формирование концептуальных основ деятельности фонда (1991–1996 г.); этап 3 – поиск и мультиплицирование фондом новых форм и способов поддержки (1996–2003 г.); этап 4 – укрепление основной (селективной) миссии фонда и расширение его международных и региональных контактов (2003–2008 г.).

Значительный интерес для научной общественности Беларуси представляют четвертый и пятый разделы монографии, в которых раскрывается все то новое, что внесла деятельность БРФФИ в отечественную практику проведения фундаментальных исследований. Так, в четвертом разделе «Философские, логико-методологические, этические и психологические принципы деятельности БРФФИ» (с. 117–135) всестороннее отражение получили следующие аспекты и результаты деятельности фонда: а) философия, логика и методология грантовой поддержки белорусской науки; б) этика взаимоотношений между учеными; в) изменения в психологии научного сообщества. К примеру, тесная взаимосвязь экономических, организационных, логико-методологических, этических и психологических аспектов любого фундаментального исследования раскрывается автором в процессе сравнительного анализа работы временных научных коллективов, финансируемых по «базовому» принципу и на конкурсной основе. В.К. Щербин пишет, что «все... случаи “неэтичного” поведения научных работников стали возможными по одной причине: якобы полученные научные результаты по итогам работы таких временных научных коллективов не публиковались в научной печати, а представлялись только в виде отчетов о НИР, которые к тому же оценивались “прикормленными” экспертами. В рамках системы конкурсного финансирования проектов научными фондами (независимо от того, в какой стране – России, Беларуси или еще какой-нибудь – работают эти фонды) отчитаться только “липовыми” отчетами о НИР просто невозможно, поскольку главное, чем отчитываются исполнители проектов, финансируемых научными фондами, это качественные научные публикации в авторитетных научных журналах, посредством которых грантодержатели передают научному сообществу полученные ими в рамках реализации проектов научные результаты» (с. 130–131).

Пятый раздел «Экономические, социологические, кадровые и наукометрические показатели деятельности БРФФИ» (с. 135–160) содержит убедительные доказательства высокой экономической эффективности грантовой системы финансирования науки, весомого вклада БРФФИ в реализацию отечественной нау-

кой своей социокультурной функции, в сохранение и обновление кадрового потенциала белорусской науки, ее научно-информационное обеспечение. В частности, вряд ли кто-нибудь сможет оспорить следующий вывод автора: «В условиях сегодняшнего освобождения отечественного социогуманитарного знания от идеологической шелухи прежних лет столь существенная финансовая поддержка, оказанная Фондом белорусским гуманитариям и обществоведам, позволила им существенно обновить и расширить проблематику социогуманитарных исследований, значительно увеличить глубину проводимого в них анализа, а также стимулировала их к смелому освоению новых ниш для белорусского обществоведения (социология, мировая история, международные отношения, геополитика и глобализация, инновационная экономика и экономика знаний)» (с. 150).

Весьма полезными для совершенствования деятельности БРФФИ представляются научные результаты, представленные в шестом и седьмом разделах монографии. Шестой раздел «Комплексная науковедческая оценка деятельности БРФФИ в 1991–2006 г.» (с. 160–168) содержит не только указанную оценку, но и комплексный науковедческий прогноз о перспективах развития грантовой формы поддержки науки в Беларуси. Седьмой, заключительный раздел «Перспективы дальнейшего развития БРФФИ» (с. 169–175) включает как весьма интересные соображения автора о возможных путях и механизмах дальнейшего совершенствования деятельности БРФФИ, так и веские аргументы в пользу скорейшего создания системы постоянного науковедческого мониторинга этой деятельности.

На наш взгляд, автору рецензируемой монографии удалось выполнить поставленную им задачу – провести комплексный науковедческий анализ деятельности БРФФИ. Более того, В.К. Щербин смог представить результаты такого анализа широкому кругу читателей. Поэтому хочется всячески поддержать высказанную автором в заключении к монографии «надежду, что полученные им в рамках выполнения данного исследования научные результаты позволят научной общественности Беларуси ближе познакомиться с такой новейшей формой организации и самоорганизации отечественной науки, как конкурсная грантовая поддержка науки, а также послужат фактологической и научно-теоретической основой для проведения новых, более продвинутых науковедческих исследований на материале данных о деятельности Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований» (с. 176).

А.Н. Данилов,

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор социологических наук, профессор

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ РЕЗЕРВОВ

Вышла в свет новая работа известного российского социолога, главного редактора журнала «СОЦИС» Ж.Т. Тощенко «Социология труда: учебник для студентов вузов». На протяжении более двух десятилетий Ж.Т. Тощенко скрупулезно изучает труд и роль человека, социальные резервы в трудовом процессе. Теперь результаты его исследований обрели концептуально законченную форму. Несмотря на то что книга написана как учебник для вузов, она представляет собой великолепное сочетание обучающих и исследовательских функций. Данная работа – результат длительных творческих поисков автора, оригинальная разработка концепции труда, которая по праву может считаться развитием Марксовской концепции труда в условиях современного общества.

История промышленности и сложившееся ее предметное бытие, согласно Марксу (т. 42, с. 123), являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали вне ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-либо внешнего отношения полезности. Данное положение К. Маркса является стержнем современного творческого поиска Ж.Т. Тощенко в сфере труда. Согласно концепции, представленной в рецензируемой книге, социология труда рассматривается как практико-ориентированная научная дисциплина, широко востребованная в нынешний период развития постсоветского общества и перехода к инновационным технологиям. Автор апробировал свою концепцию в лекционных курсах, прочитанных на протяжении многих лет в ведущих российских вузах (МГУ, РГГУ, МГСУ, РАГС), более того, она неоднократно использована им в практике осуществления крупномасштабных социологических проектов.

Что же отличает авторскую концепцию?

Исследовательские поиски и находки сформировались в стройную дисциплину социологии труда, в центре которой – человек в плане возможностей использования его социальных резервов. Ж.Т. Тощенко рассмотрены социально-экономические, социально-личностные, творческие и гражданские, а также системные социальные резервы. В авторском подходе **социология труда как специальная социологическая теория представляет собой органическое единство трудового сознания и поведения (деятельности) людей как субъектов производственной жизни и производственной среды** (с. 48). Содержание социологии труда не конструируется произвольно, само по себе, а отражает реально сложившуюся ситуацию: работник включается в трудовой процесс посредством реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от существующих усло-

вий. Такое описание содержания социологии труда, соединяющей в себе объективные и субъективные процессы, в которые включен работник, дает возможность наиболее полно и обстоятельно представить процессы, происходящие в производственных организациях, и ответить на вопрос о социальных резервах труда.

В этом плане чрезвычайный интерес представляет структура генезиса идей и практики использования социальных резервов труда (с. 50): рассмотрение социально-экономических резервов, присущих *экономическому человеку, технологическому человеку, профессиональному человеку, социально-биологическому человеку* (1890–1930-е гг.), затем – социально-личностных (латентных) резервов *социально-психологического человека, конфликтного человека, социально-бытового человека* (1930–1960-е гг.), далее – творческих и гражданских резервов *управляющего человека, творческого человека, социально-политического человека* (1930–1970-е гг.), наконец, системных социальных резервов, характеризующих изменение природы труда, его индивидуализацию в связи с внедрением новых, авангардных технологий (1970–1980-е гг.).

Каждый тип человека характеризуется специфическими отношениями между работником и организацией, а также отношениями между людьми – их глубиной и сложностью и соответственно механизмами регулирования этих отношений. Основным механизмом регуляции отношений работника и организации в рамках типа *экономического человека* является механизм оплаты труда, не связанный напрямую с содержанием этого труда и не мотивирующий личность на повышение его производительности. Механизмом регуляции отношений работника и организации в рамках типа *технологического человека* выступает научная организация его труда, причем не отдельных операций, а всего технологического цикла как единого целого, что требует от человека понимания конечного результата, заданного ему в виде алгоритма действий. Механизмом регуляции отношений работника и организации при рассмотрении *профессионального человека* является профессиональное обучение в соответствии с усложнением содержания и характера его труда. Механизм типа *социально-бытового человека* заключается в обустройстве его бытовой среды столь же тщательно, как и трудовой (производственной).

Особую актуальность приобретают в нынешний период творческие и гражданские резервы, когда на первый план выступают мотивационно-стимуляционные механизмы регуляции отношений между человеком-творцом и сферой его деятельности. Каждый тип человека требует специфических механизмов регуляции отношений субъектов деятельности с производственной и повседневной средой. Актуальность их рассмотрения и социологического анализа обусловлена еще и тем, что в переходный период, связанный с

¹ Тощенко Ж. Т. Социология труда: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Социология» и «Экономика труда». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

падением уровня жизни и негативными социальными последствиями, начинает преобладать концепция *экономического человека*, возврат к которой крайне нежелателен с точки зрения развития сущностных сил личности.

Одно из главных достоинств учебника заключается, на наш взгляд, в том, что в нем показано развитие социологии труда от первого эксперимента по стимулированию труда, воплощенного в концепции *экономического человека*, обоснованной Ф. Тейлором, до концепции более высоких форм выражения, в которых познавались и использовались новые грани социального потенциала работника – в технологии (*технологический человек*), профессиональной (*профессиональный человек*), его повседневной жизни (*социально-бытовой человек*), творческом труде (*творческий человек*). Автор подчеркивает, что каждая страница в раскрытии сущностных сил человека, его созидательных возможностей не отодвигает на задний план ранее познанные возможности социальных резервов труда, а обогащает их, отвечая на новые потребности времени, и сочетает с другими резервами, создавая мощный импульс для повышения эффективности и производительности труда.

Отдельного разговора заслуживает практикум, составленный в соответствии с общей тематикой книги согласно методологической последовательности и логике содержания курса «Социология труда». Его отличает органическое сочетание методик проведения занятий с практическими проблемами, а также широкий спектр учебных форм, апробированных в различных вузах. Эмпирические результаты социологических исследований, официальные документы, статистические данные, раскрывающие состояние, тенденции и направления развития социальных процессов в сфере труда, позволяют приблизить практически занятия к реальной жизни, дают возможность использовать их как инструмент для поиска оптимальных решений возникающих проблем.

Авторская концепция делает учебник целостным и методологически последовательным. Все идеи встроены в концептуальную схему, с которой можно соглашаться или не соглашаться, но это, бесспорно, хороший пример того, как надо писать учебник. Столь же бесспорно то, что его теоретико-методологическая целостность и практико-ориентированная направленность позволяют студентам воспринимать изучаемый материал не фрагментарно, по отдельным темам, а в развитии и видеть общую картину, понимать актуальность социологии труда в прошлом и настоящем, осознавать историческую перспективу данной дисциплины.

На наш взгляд, Ж.Т. Тощенко выполнил поставленные задачи, главная из которых – рассмотреть социальные проблемы труда в неразрывном единстве науки и практики. Именно это и позволило ему обосновать закономерность формирования в постиндустриальном обществе нового типа человека-работника – *ассоциативного человека* (в отличие от *технологического человека*), для которого важно обладать

творческим мышлением, т. е. умением изобретать новое, по-иному манипулировать известными данными, а главное, быть способным решать проблемы, требующие творческого подхода. Кроме того, автором успешно выполнена важная, по нашему мнению, задача – ответить на методические потребности преподавания социологии труда, чтобы сделать данную отрасль социологической науки ясной, понятной и привлекательной для студентов, а для практиков – поучительной и пригодной к эффективному использованию социальных резервов труда на производстве.

Сравнивая учебник Ж.Т. Тощенко с учебниками по социологии труда, написанными в классической манере (А.И. Кравченко, О.В. Ромашовым, Г.Н. Соколовой, В.В. Щербиной), мы убеждаемся в ходе аналитических размышлений, что «новое прочтение» этой дисциплины не входит с ними в противоречие. Авторский подход, не отрицающий классику, динамизирует ее, позволяет отслеживать изменение природы понятийного аппарата соответственно изменениям в содержании, характере и условиях труда. Сама же концепция, реализующая принцип диалектики взаимодействия объективных и субъективных факторов производства в разные периоды его развития, становится универсальным инструментом анализа явлений и процессов в сфере труда. *Научная* значимость концепции состоит в том, что в ее рамках (frame of reference) можно развивать классический аппарат социологии труда. Ее *образовательная* значимость заключается в формировании у студентов и преподавателей культуры мышления, восприимчивой к изменчивости и текучести социально-трудовых отношений и процессов.

Рецензируемый учебник находится в русле основных приоритетов российской государственности – «создания новых, самых широких возможностей для самореализации граждан». В нем реализовано принципиально новое прочтение теории и практики использования социальных резервов труда, которое формировалось автором в течение последних десятилетий. Логичность и научное значение концепции подтверждается тем, что она ставит в центр познания человека-творца, позволяет объяснить теоретически и обосновать эмпирически наиболее важные изменения в типе человека-работника и в его отношениях с работодателем в связи с переходом к инновационной экономике и, что немаловажно, показывает роль социологии труда как актуальной дисциплины, ориентированной на практику. В этом понимании социология труда, бесспорно, также востребована и в Республике Беларусь, устойчивое развитие которой предполагает полное развертывание и использование социальных резервов труда.

Г.Н. Соколова,
доктор философских наук, профессор
Л.Г. Титаренко,
доктор социологических наук, профессор

БЕЛОРУССКОЕ СЕЛО В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (к выходу в свет монографии Н.Е. Лихачева)

Известный крестьяновед английский социолог Т. Шанин как-то назвал крестьянина таинственным незнакомцем. В этих словах таится глубокий смысл, обозначающий то удивление, восхищение и недоумение, которое возникает у каждого при мысли о крестьянстве. Что это за люди, которые выбрали для себя такой тяжелый труд и далеко не комфортный образ жизни, большинство из которых тем не менее ни за что не променяют свою жизнь на городскую?

Можно по-разному объяснять феномен крестьянства. Но такого панорамного видения крестьянства, какое представлено в книге известного белорусского социолога Н.Е. Лихачева «Белорусское село в социальном измерении» (Мн., 2007. 304 с.), трудно найти не только в современной социологической литературе Беларуси, но и всего постсоветского пространства. В работе представлена целостная картина жизненного мира белорусского крестьянства, а также система социологического обоснования принципов и подходов к изучению крестьянства как социальной группы.

«Не производство, а человек, проживающий в селе, с его интересами и запросами должен стать высшей целью политических, экономических и социальных преобразований» — такова основная авторская позиция, пронизывающая логику книги. По мнению Н.Е. Лихачева, необходимо отказаться и в науке, и в политике от экономического детерминизма, рассматривающего село лишь как источник продовольствия. Человек, любящий свою землю и желающий трудиться на ней, — вот главная цель усилий ученых и политиков. В таком подходе автор опирается на теоретический и эмпирический опыт лучших крестьяноведов мира, среди которых лидирующее место принадлежит отечественным классикам сельскохозяйственной и экономической науки — А.Н. Энгельгардту, А.В. Чайнову, Н.П. Макарову, Н.Д. Кондратьеву и др. Именно А.В. Чайнов призывал изучать сельского труженика не только со стороны его производственной деятельности, но и с позиций социальной демографии, культуры, всего жизненного уклада на селе.

В книге раскрывается трудный, порой трагический путь крестьянства периода советской истории, а также метаморфозы времен перестройки и перехода на рыночные отношения. Являясь заложником не всегда верных политических решений в прошлом, белорусское крестьянство сумело сохранить себя как социальную группу, обеспечив в трудное пореформенное время единство и культуру нации.

Скрупулезно анализируя вклад российских и белорусских ученых в изучение крестьянства, Н.Е. Лихачев подчеркивает, что, несмотря на огромную исследовательскую работу, до сих пор не дан ответ, в чем причины раскрестьянивания, негативного отношения основной массы крестьян к внедрению

рыночных отношений, каковы социально-экономические и психологические процессы, происходящие в белорусской деревне.

В главах, посвященных анализу человеческого потенциала агропромышленного комплекса Беларуси и трудовой активности людей, автор на богатом эмпирическом материале пытается дать ответы на вопросы, поставленные самой жизнью. В книге прослеживается динамика состояния социальной инфраструктуры села от почти полного разрушения в 1990-е гг. до достаточно устойчивого — в настоящее время. Все выводы и умозаключения автор подтверждает данными статистики и социологических опросов населения Беларуси. На основе анализа общественного мнения сельчан в книге не только раскрывается состояние здравоохранения, культурно-досуговой сферы, жилищной проблемы, транспорта и дорог, льгот и социальной помощи, но и предлагаются конкретные рекомендации непосредственно тем органам и учреждениям, которые за них отвечают: районным и сельским советам, сельхозпредприятиям, министерствам и ведомствам.

Автор не избегает острых проблем. Подчеркивая значимость агрогородков в создании оптимальных на сегодняшний день условий труда и быта крестьян, он выступает ярким поборником сохранения так называемых неперспективных деревень, поскольку, по его мнению, «покинутая людьми местность неизбежно деградирует, так как разрушаются дороги, жилые дома и хозяйственные сооружения, приходит в упадок налаженная инженерно-бытовая сфера, а некогда плодородная пашня зарастает кустарником. Исход населения дает повод местным властям не заниматься социальным благоустройством территории, и, по сути дела, исчезает самобытная сельская цивилизация» (с. 96). В книге приводятся не только теоретические доводы, но и эмпирические факты рационального использования сохраненных «неперспективных деревень».

Также убедительны аргументы социолога в пользу возвращения коммунально-бытовой сферы в ведение сельскохозяйственных предприятий. Приводя в книге мнение экономистов о том, что расходы на социальные нужды составляют в себестоимости продукции не более 4–5 % и экономия на них невелика, Н.Е. Лихачев отмечает: «Освобождение от служб, выполняющих функции социального обслуживания своих работников как “непрофильных” и лишь увеличивающих издержки производства, начинает сказываться на уровне удовлетворения социальных потребностей людей» (с. 105).

Очень важен вывод автора о том, что наряду с государственно-плановой перестройкой социальной инфраструктуры необходим учет индивидуальных запросов сельчан и ориентация их на стратегию самоорганизации. «Основным методологическим подходом

в реформировании агросектора, – пишет Н.Е. Лихачев, – должен стать переход от стратегии развития сельскохозяйственной отрасли к стратегии комплексного развития сельских территорий» (с. 107–108). В связи с этим эффективность реформы АПК должна оцениваться не на основе сугубо экономической эффективности, а по уровню развитости социальной сферы сельского населения – это, во-первых, и уровню социальной защищенности жителей села – во-вторых. И только в третью очередь – по экономической эффективности агропроизводства.

В книге дается глубокий анализ реализации внедрения минимальных стандартов качества жизни сельских жителей, начиная от уровня доходов и кончая обеспеченностью библиотеками, клубами, детскими садами и другими объектами социальной сферы. Как показывает автор, успехи в развитии социальной сферы напрямую коррелируют с демографическими процессами и экономической активностью населения.

Анализ трудовой деятельности на селе позволил автору сделать вывод о том, что коллективно-государственная форма организации сельхозпроизводства остается наиболее привлекательной для большинства сельчан. В книге дается объяснение данному феномену. Во-первых, потому, что наиболее инициативная и предприимчивая часть сельчан переселилась и переселяется в города, а на селе остается очень мало того «человеческого материала», который мог бы взять на себя ответственность вести самостоятельно частное аграрное производство. Во-вторых, в силу общинно-социалистического менталитета крестьян, который трудно быстро изменить при переходе к рыночным отношениям. И в-третьих, особыми связями в системе СПК – ЛПХ, обеспечивающими сельчанам близость к общественной «кормушке» как источнику содержания индивидуального скота, технического обслуживания и другое, т. е. использование коллективной собственности в качестве ресурсной базы для поддержания своего подворья.

В целом можно согласиться с данными доводами, однако, на мой взгляд, они несколько категоричны. Что касается первого аргумента, то из села во все времена происходил отток наиболее инициативных и активных людей, тем не менее, как показывает опыт, «пассивные и безынициативные» крестьяне в определенные этапы истории проявляли чудеса трудовой и социальной активности. Я бы не стала так однозначно оценивать «человеческий материал» белорусского села. Причина скорее в недостаточности на селе трудовых и социальных возможностей реализации личностного потенциала. А это уже вопрос организационно-хозяйственного, управленческого плана.

Второй аргумент, касающийся общинного менталитета, якобы мешающего принять рыночные отношения на селе, на мой взгляд, входит в некоторый диссонанс с прекрасным описанием в другом месте книги менталитета белорусского крестьянства как культурно-цивилизированной ценности. Кроме того, в дан-

ном объяснении просматривается известная дань европоцентризму как более высокому и прогрессивному способу хозяйственной и социальной жизни, к которому обязательно надо стремиться нашему крестьянину.

С третьим аргументом можно согласиться, если только акцент ставить не на слове «кормушка», а на «формах перераспределения общественного богатства», понимая под этим не только «заимствование» части коллективной собственности, но и отдачу своего человеческого капитала, своих сил и времени для колхоза в тех случаях, когда это не предусматривается контрактной системой, а вызвано форс-мажорными обстоятельствами, которых в сельской местности немало (и непогода, и техника вышла из строя, и многое другое). Крестьянин часто отдает свои силы по принципу дара, не торгуясь с директором или бригадиром, а поэтому не считает зазорным «взять» кое-что для собственного хозяйства. Конечно, это не является оправданием повального воровства, но тем не менее позволяет понять специфику взаимоотношений в системе «личное – колхозное».

Н.Е. Лихачев убедительно доказывает, что коллективное хозяйство как социально-экономический институт и разновидность организации труда аграриев не только имеет право на существование, но и является перспективным путем отечественной агроэкономики. При этом он называет критерии, которые должны отличать современные СПК от советских колхозов, делающие современные хозяйства не только эффективными, но и поистине коллективными. Это прежде всего самостоятельность хозяйствования, внутриколлективная демократия, единство личного интереса и общего блага, отход от односторонней направленности производства агросырья, развитие перерабатывающей промышленности и т. п.

Личному подсобному хозяйству как своеобразной альтернативе СПК в книге отводится немало места. При этом подчеркивается в основном его натурально-потребительский характер, продукция которого позволяет крестьянам выживать в условиях невысоких зарплат и пенсий. В связи с этим автор поднимает еще одну дискуссионную тему – перспективы фермерства.

По мнению Н.Е. Лихачева, современное крестьянство в основной своей массе потеряло интерес к труду на собственной земле, довольствуясь занятостью в общественном производстве и на небольшом приусадебном участке: «В сельских поселениях Беларуси не сформировалась сколько-нибудь значительная социальная база для частного землепользования» (с. 172). Автор тем не менее утверждает, что «в сельском сообществе Беларуси происходит стихийная фермеризация. Примерно 40 % домохозяйств, обрабатывающих один или более гектаров, можно назвать микрофермерскими» (с. 172). И хотя 60,7 % из них производят агропродукцию для собственного потребления, а остальные продают ее различным структурам, автор считает, что за счет последних происходит массовая (но не формальная) фермеризация села.

Я бы поспорила с данным тезисом. Во-первых, не ясно, что в данном контексте автор подразумевает под микрофермерством. Если это обычное, но крупное (3 коровы, 10 свиней и т. д.) семейное крестьянское хозяйство, то с данным тезисом можно согласиться. Но тогда возникает вопрос: чем же отличается такое микрофермерство от ЛПХ? Если под фермерством понимать сельское предпринимательство, а именно в таком смысле этот термин употребляется во всем мире и автор посвящает его анализу целый параграф, то говорить о массовой фермеризации белорусского села можно с большой натяжкой. Фермер как предприниматель относится к своему хозяйству (к земле, скоту, своему труду, технике, семенам и т. п.) исключительно как к капиталу. Все его предприятие направлено на оборот «деньги – товар – деньги», независимо от того, есть ли у него наемные рабочие или он сам со своей семьей производит продукцию. Крестьянин же в своем хозяйстве начинает не с денег, капитала и расчетов, а с труда. Он просто трудится, не рассчитывая, выгодно или не выгодно это для него. Об этом уже написал А.В. Чаянов в работе «Организация крестьянского хозяйства». Поэтому, на мой взгляд, ЛПХ в Беларуси, как и в России, пока еще мало похоже на фермерство и даже не является его резервом. Тем не менее автор, на мой взгляд, верно нашел ту хозяйственную единицу, которая может укрепить ЛПХ в нашей сельской культуре и с нашим крестьянским менталитетом. Это добровольная кооперация крестьянских хозяйств, которой в книге отведено несколько страниц. Думается, этот вопрос должен получить более глубокое развитие в творческой деятельности такого исследователя белорусского села, как Н.Е. Лихачев.

В главе, посвященной социально-экономической стратегии в области аграрной политики, раскрыты основные направления государственной политики по реформированию аграрной сферы, состояние и перспективы кадрового обеспечения агропромышленного комплекса, а также политика государства по укреплению молодежи на селе, а по существу – перспективы белорусского села в современном мире. Здесь автор касается и спорной проблемы частной собственности на сельскохозяйственные земли и отношения к ней сельских жителей. Анализируя западный и российский опыт землепользования после реформирования агросектора, автор критикует способы теоретического обоснования ускоренного перехода к частной собственности на землю, приводит убедительные доводы в пользу разумного соотношения государственной, коллективной, арендной и частной форм собственности. По мнению Н.Е. Лихачева, «введение частной собственности на землю с позиции нынешнего менталитета аграрного населения никаких преимуществ в решении задач обеспечения продовольственной безопасности не принесет. На современном этапе развития агросектора аренда земли как форма организации взаимодействия государства с агропроизводителями является наиболее рациональной...» (с. 284).

Наряду с этим необходимо приступать к постепенному внедрению частнособственнических земельных отношений.

Раскрывая тему перспектив белорусского села, автор скрупулезно анализирует общественное мнение сельской молодежи о возможности труда и жизни на селе, о миграции в города, о политике государства, направленной на закрепление молодежи в агросфере. Наиболее интересной здесь является проблема урбанизации – рурализации (миграции городского населения в сельскую местность и переноса городских форм жизнедеятельности и труда в аграрные поселения). Автор утверждает, что в Беларуси пока идет процесс аграризации городов, а не технологической модернизации сельхозпроизводства. Тем не менее, считает он, без урбанизации деревни на основе интеграции промышленного и сельскохозяйственного производства нельзя сохранить сельские образования как места поселения людей.

Раскрывая более конкретно дизайн будущего урбанизированного села, приводя в пример «электронный дом» А. Тоффлера, автор книги, на мой взгляд, впадает в некий романтизм. В основе образа жизни такого села – «коттедж с земельным участком, оснащенный электронной техникой и бытовыми автоматическими системами. Жители такого дома могут заниматься производственной деятельностью, не покидая его, а также быть занятыми как сельскими, так и городскими видами труда. Село, состоящее из однородной сельскохозяйственной социально-производственной структуры, должно превратиться в многоотраслевое» (с. 278). В этом прекрасном образе будущего крестьянского бытия чувствуется не только идеализм мечтателя, но мысли и чувства человека, посвятившего свою творческую жизнь изучению столь важной и мало разработанной теме, как крестьянство, размышления социолога, искренне любящего этого «таинственного незнакомца» – белорусского крестьянина и всем сердцем желающего ему лучшей доли.

Вообще, книга написана честно, искренне и отличается глубиной социологической мысли. В ней нет ни одной пустой фразы, весь текст логичен. Каждое понятие (крестьянство, фермерство, село, агрогородок, социальная и производственная сфера и др.) определено и наполнено сущностным смыслом, эмпирические данные доказательны и точны.

На мой взгляд, книга Н.Е. Лихачева представляет собой значительное событие в белорусской социологии села и практике социально-экономического преобразования агросферы.

Р.А. Смирнова,

доктор философских наук,
заведующая сектором социологии села
Института социологии НАН Беларуси

АНАТОЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ ЛЕВКО

Исполнилось 60 лет известному белорусскому ученому профессору кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доктору социологических наук, профессору Анатолию Игнатьевичу Левко.

А.И. Левко родился 15 апреля 1948 г. в д. Островок Копыльского района Минской области. После окончания в 1966 г. Грозовской средней школы работал рабочим на предприятиях г. Минска, с 1967 по 1969 г. служил в Вооруженных силах СССР. После демобилизации А.И. Левко поступил в БГУ на вечернее отделение исторического факультета по специальности «Философия». С 1972 г. он работал на должности инженера по научной организации труда и социологии отдела труда и заработной платы созданного ПО «Авторемонт», головным предприятием которого стал Минский авторемонтный завод. В 1975 г. группа заводских социологов начала разработку плана социального развития г. Минска под руководством профессора Г.П. Давидюка. В ее состав был включен и А.И. Левко в качестве младшего научного сотрудника сектора прикладной социологии НИО БГУ. В 1978 г. он поступил в очную аспирантуру по специальности «Прикладная социология», которую закончил в 1980 г. досрочно, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Формирование чувства хозяина социалистического производства в процессе трудовой деятельности промышленных рабочих». Специализированным советом диссертация была рекомендована к изданию и опубликована под названием «Воспитание чувства хозяина социалистического производства» (1984).

С 1980 г. А.И. Левко – научный сотрудник отдела социологии труда ПНИЛСИ БГУ. В 1988 г. его переводят на должность старшего научного сотрудника для завершения работы над докторской диссертацией на тему «Потребности личности в системе общественного развития», защита которой проходила в Институте философии и социологии Литовской ССР в Прибалтийском региональном специализированном Совете по защите докторских диссертаций (1990). Однако ВАК СССР не подтвердил результаты защиты.

В 1990 г. в связи с учреждением Белорусского института образования А.И. Левко возглавил в нем отдел социологии образования, которым были проведены масштабные социологические исследования проблем жизненного самоопределения старшеклассников общеобразовательных школ, охватившие все регионы Беларуси. В 1992 г. в Совете по защите докторских диссертаций при Институте социологии АН Беларуси он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-культурная сущность образования». В 1985 г. ему присвоено ученое звание старшего научного сотрудника, а в 1994 г. – звание профессора в области социологии культуры, образования и науки. Под научным руководством А.И. Левко проведен ряд масштабных научных исследований. Его профессиональные успехи отмечены Почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь и Министерства МВД Республики Беларусь.

А.И. Левко – автор монографий и фундаментальных статей в ведущих научных изданиях по проблемам теории, методологии и истории социологии, социальной философии и педагогики образования, среди которых «Роль образования в системе культуры» (1992), «Социальные проблемы образования: История и современность» (1993); «Социокультурные факторы формирования личности ученика общеобразовательной школы» (1999) (в соавторстве); «Проблема ценности в системе образования» (2000) (в соавторстве); «Теоретико-методологические проблемы образования: социокультурный анализ» (2003); «Социальная педагогика» (2003), «Социология права» (2006) (в соавторстве), «Этико-эстетические основы правовой деятельности» (2008), «Педагогика творчества» (2008) и др. Под его научным руководством защищены кандидатские и докторские диссертации в области философии, социологии и педагогики.

Белорусское общественное объединение «Социологическое общество», Белорусский государственный университет, Академия МВД Республики Беларусь, редколлегия журнала «Социология», друзья и коллеги искренне поздравляют Вас, уважаемый Анатолий Игнатьевич, с юбилеем. Крепкого Вам здоровья, благополучия и новых творческих успехов.

**ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ
(1908–1961)**

Среди философов и социологов старшего поколения почти полвека распространены были и небылицы о жизни и деятельности академика АН СССР Георгия Федоровича Александрова, – бесспорно, самого яркого и талантливого из советских философов 1940–1950-х гг. Широкое общественное признание пришло к нему достаточно рано, когда он в 32-летнем возрасте опубликовал до сих пор считающуюся одной из лучших в истории философии монографию об Аристотеле (1940 г.). В то время он возглавлял кафедру истории философии Московского института истории, философии и литературы. Вскоре его назначили начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Сложную и многогранную работу на этом ответственном посту (1940–1947 гг.) Г.Ф. Александров умело сочетал с исследовательской деятельностью. В этот период одна за другой вышли в свет его работы: «Курс диалектического и диалектического материализма» (1940), «Диалектика и политика» (1940), «Славяне» (1941), «Миф XX столетия» (1941), «Борьба материализма и идеализма в античной философии» (1941), «Материализм XVIII столетия» (1941), «Классическая немецкая философия (Гегель)» (1941), «История западноевропейской философии» (1945). Все эти книги были подготовлены на основе разработанных и прочитанных Г.Ф. Александровым лекционных курсов в МГУ им. М.В. Ломоносова (1933–1935 гг.), МИФЛИ (1932–1938 гг.), Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) (1939–1944 гг.). В 1946 г. Г.Ф. Александров был избран действительным членом (академиком) АН СССР, а в 1947 г. возглавил Институт философии АН СССР.

И вдруг на этом вполне благополучном фоне неожиданного для всех, и в первую очередь, для самого Георгия Федоровича, раздалась раската грома – состоялась широко освещавшаяся в газете «Правда», журнале «Большевик» и в других изданиях публичная «порка» ставшего негодным для высшего слоя партноменклатуры философа. Это произошло на печально известной «философской дискуссии» 1947 г., когда секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, один из наиболее приближенных к И.В. Сталину партдеятелей, подверг подавляющей своей несправедливостью критике книгу Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», выдержавшую к тому времени два издания. Но больше всего ученого потрясла не столько критика высокопоставленного партийного вельможи, сколько подхалимски-угоднические выступления ряда коллег, в том числе и некоторых бывших близких друзей. В течение нескольких лет после этого талантливый философ не смог опубликовать ни одной книги. Затем, после смерти И.В. Сталина, казалось бы, наступило время признания творческих заслуг: Г.Ф. Александров был назначен Министром культуры СССР. На этом посту он отдает все свои силы, знания и управленческий опыт чрезвычайно важному делу – развитию культуры.

Но очень скоро новый лидер страны Н.С. Хрущев лишает его права работать в столичных научно-исследовательских учреждениях и вузах. Начинается последний этап творческой деятельности Г.Ф. Александрова. Оставив свою семью в Москве, он переезжает в Минск, где в 1955–1961 гг. работает заведующим сектором диалектического и исторического материализма Института философии АН БССР, а затем – и профессором БГУ. Он продолжает свою исследовательскую и преподавательскую деятельность в области философии, перенеся основной фокус своего внимания в область социологии. На основе прочитанного им в 1956/57 учебном году лекционного курса «История социологических учений» для студентов 4-го и 5-го курсов исторического и юридического факультетов БГУ в 1958 г. в Минске была опубликована книга «История социологии как наука». Это одно из первых, а скорее всего, первое в СССР, где в то время руководящими чиновниками из отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС и Министерства образования СССР социология трактовалась как буржуазная лженаука, серьезное издание по истории социологии. В следующем году тоже в Минске вышла в свет монография «Очерк истории социальных идей в Древней Индии» и в Москве – монография «История социологических учений, Древний Восток». В последней из них Г.Ф. Александров подчеркивает, что «изучение истории социальной мысли вообще и в особенности истории социологических учений имеет важное политическое и теоретическое значение. Эта важная область знания еще ожидает разработки со стороны исследователей». Данная мысль, по моему мнению, и сегодня сохраняет свою актуальность. В своих работах по истории социологии Г.Ф. Александров, как и требовалось по действующим тогда идеологическим стереотипам, противопоставляет диалектический

и исторический материализм различным западным социологическим концепциям, в том числе широко известным и влиятельным по сию пору теориям социальной справедливости и социальной мобильности. Скорее всего, советский читатель именно из его публикаций впервые узнал о существовании этих теорий, сыгравших важную роль в развитии мировой социологии.

Мне, лично знавшему Георгия Федоровича Александрова, хотелось бы поделиться некоторыми воспоминаниями о встречах с ним. Мы познакомились в 1956 г., когда он начал работать профессором на кафедре истории философии БГУ, а я тогда был секретарем комитета комсомола и поэтому – членом Ученого совета университета и знал практически всех университетских профессоров, в том числе и Г.Ф. Александрова. Затем в течение двух лет работал вместе с ним в Институте философии АН БССР: он – заведующим сектором, а я – ученым секретарем. Хотя он был гораздо старше меня, у нас установились удивительно доверительные отношения, вследствие чего мне посчастливилось неоднократно бывать у него дома – в Минске и в Москве. В свое время он очень внимательно прочитал мою кандидатскую диссертацию и высказал ряд весьма ценных замечаний.

Очень многих привлекал к себе этот невысокий коренастый человек со сложной судьбой, который выделялся среди окружающих удивительными карими глазами и пронзительным взглядом, глубоким умом, искрометным юмором, внимательным отношением к собеседнику, кем бы он ни был – академиком, писателем или студентом. Поэтому вокруг него обычно бывало много интересных людей. Именно в его квартире мне посчастливилось познакомиться с выдающимся поэтом и писателем Константином Симоновым, с не менее выдающимся композитором Арамом Хачатуряном, знаменитым киноактером Евгением Самойловым, видными философами той поры академиками и членами-корреспондентами АН СССР П.Н. Федосеевым, Б.М. Кедровым, М.Т. Иовчуком, В.С. Кружковым, Ц.А. Степаняном. Недаром в те годы в философских кругах страны была широко распространена шутка-прибаутка: «Философская триада завершила здесь свой круг. Гегель – это Александров, вместо Фихте – Федосеев, вместо Канта – Иовчук».

Несколько подробнее хочется остановиться на очень запомнившейся мне беседе в квартире Г.Ф. Александрова в Москве с известным французским философом Роже Гароди, который в конце 1950-х – начале 1960-х гг. возглавлял Центр марксистских исследований при ЦК Французской компартии, а впоследствии был обвинен ортодоксами в ревизионизме. Прекрасным собеседником и переводчиком длительного вечернего разговора, центром и душой которого, естественно, был Г.Ф. Александров, выступала известная в то время в нашей стране профессор, доктор философских наук Е.Д. Модржинская. Именно во время этой беседы впервые узнал о творчестве выдающегося французского философа, богослова и антрополога Пьера Тейяра де Шардена. Этот мыслитель так меня заинтересовал, что спустя несколько лет я написал книгу о его своеобразной концепции (1970 г.).

Жизнь и творческая судьба академика Г.Ф. Александрова была необыкновенной, но в то же время в чем-то типичной для того времени: бывший беспризорник, вознесенный советской эпохой на высшие партийные и научные посты, достигший самого высокого научного звания академика, он дважды был удостоен высшей в ту пору формы государственного признания – Сталинской премии (1943, 1946), а вскоре после этого был подвергнут суровой и несправедливой критике. Тяжелые удары судьбы не могли не сказаться на состоянии его здоровья. Он ушел из жизни после тяжелой болезни в июне 1961 г., в расцвете творческих сил, так и не осуществив свой самый грандиозный замысел – создание многотомного труда об истории социологии как науке. Очень хочется надеяться, что кто-то из молодых социологов возьмется за эту многотрудную, крупномасштабную и важную работу.

Е.М. Бабосов,
академик НАН Беларуси

ЛИДИЯ ГЕОРГИЕВНА НОВИКОВА

(09.05.1955–08.05.2008)

Внезапно, в расцвете творческих сил, ушла из жизни прекрасный ученый и человек, заведующая отделом социологии культуры и коммуникаций Института социологии НАН Беларуси, кандидат философских наук Лидия Георгиевна Новикова.

Л.Г. Новикова родилась в Ленинграде. Ее отец – известный ученый-химик, был приглашен на работу в Минск в Белорусский технологический институт. Уже в Минске Лидия Георгиевна успешно окончила среднюю школу, затем отделение философии БГУ (1977) и была зачислена на должность старшего лаборанта в сектор прикладной социологии БГУ. Фактически сразу она была переведена на должность младшего научного сотрудника в Проблемную НИЛ социологических исследований. Далее название лаборатории менялось, сектор превратился в отдел, лаборатория стала центром, но при этом неизменно росла квалификация и авторитет молодой сотрудницы. Собственно в университете она прошла путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Здесь Лидия Георгиевна состоялась как интересный и перспективный ученый. В 1986 г. она блестяще защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Научная фантастика и ее роль в формировании образа науки будущего». В 1997–2004 гг. работала заместителем директора Центра социологических и политических исследований БГУ. Л.Г. Новикова стала признанным лидером в методологии и методике социологических исследований, социологии культуры и социологии религии. Публикации Лидии Георгиевны становились классическими, с ее мнением считались и начинающие, и маститые ученые, ее любили и уважали за открытость и независимость суждений. Очень ответственно Лидия Георгиевна относилась к преподаванию на кафедре социологии факультета философии и социальных наук БГУ, была строгим и авторитетным педагогом, к ней всегда тянулась талантливая молодежь – студенты и аспиранты. Для всех у нее всегда хватало времени, но, как сейчас оказывается, не хватало времени только для себя. После некоторых колебаний в сентябре 2004 г. Л.Г. Новикова перешла в Институт социологии НАН Беларуси на должность заведующего отделом социологии культуры и коммуникаций, где одновременно вела и сектор исследований социокультурных процессов. Впереди перед ней открывались новые интересные перспективы...

Коллеги и друзья, все, кто знал Лидию Георгиевну, будут помнить ее – нашего друга, отзывчивого и чуткого человека, талантливого ученого и педагога.

Редколлегия журнала «Социология»

ПАМЯТКА АВТОРАМ

В редколлегию представляется оригинал статьи, набранный на компьютере через 1,5 интервала на бумаге формата А4 с полями с левой стороны не уже 40 мм в редакторе Word (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman), и дискета 3,5” с ее файлом (название файла – по фамилии автора). Объем статьи не должен превышать 16 страниц текста (включая таблицы, литературу и иллюстрации); краткие сообщения – не более 10 страниц; социологические опросы, рецензии, хроника, информация – не более 5 страниц текста.

Ссылки на литературные источники даются в порядке цитирования (упоминания), порядковый номер сноски пишется в верхнем индексе. Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен следующим образом:

а) для книг – фамилия и инициалы авторов, полное название книги, место и год издания, страница;

б) для журнальных статей (коллективных сборников и др.) – фамилия и инициалы авторов, после двух «косяков» – принятое сокращенное название издания, год, том, номер выпуска, страница.

Фамилия и инициалы автора, название статьи и резюме к ней представляются в журнал на русском и английском языках. К рукописи прилагаются полные сведения об авторе: место работы, занимаемая должность, ученая степень и звание, номера контактных телефонов.

При доработке статьи автор передает в редакцию окончательный текст и первоначальный вариант.

Корректурa статьи должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через три дня после получения ее автором. В корректуре допускается исправление только фактических ошибок.

Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил, редколлегией не принимаются.

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Danilov A.N.</i> Jubilee marks in sociology development	3
--	---

UNIVERSITY ROSTRUM

<i>Pan'kov V.V.</i> Scientific activities and the country's innovative development	6
<i>Titarenko L.G.</i> Topical theoretical and methodological problems of sociology (summing up the results of the 38 th Congress of the International Institute of Sociology)	14
<i>Toschenko J.T.</i> What a sociologist is taught and what to begin with	24

ARTICLES AND REPORTS

<i>Göran Therborn.</i> Globalization and inequality: issues of conceptualization and of explanation	33
<i>Antonovich I.I.</i> Realities of globalization and the problem of legitimization of power	59
<i>Sokolova G.N.</i> Labour market in Minsk: sociological analysis	67
<i>Kuchko E.E.</i> Scientific discourse of learning innovations: peculiarities of formation and specificity of modern realization	83

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Zlotnikov A.G.</i> Sociological principles and research of demographic processes	91
<i>Pushkin A.L.</i> Mythologization of public consciousness about the consequences of the Chernobyl catastrophe	101
<i>Burova S.N.</i> The state of the institution of family under transformation of Belarusian society	110

SUMMARY OF SOCIOLOGIST

Ethic code of International Sociological Association (ISA)	119
--	-----

POST-GRADUATE SECTION

<i>Khalid Khamlish.</i> The S. Huntington's concept about the collision of civilizations in the interpretation of East-Muslim intelligentsia	122
<i>Mudrov S.F.</i> Christian Churches' attitude towards European integration	127

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Danilov A.N. V.K. Scherbin.</i> A complex scientific-learning analysis of activities of the Belarusian republican fund of fundamental researches from 1991 to 2006	134
<i>Sokolova G.N., Titarenko L.G.</i> Sociology of work through the prism of social reserves	136
<i>Smirnova R.A.</i> Belarusian village in social measurement	138

ANNIVERSARIES

Anatoly Ignat'evich Levko	141
---------------------------------	-----

OUTSTANDING SCIENTIST OF BELARUS

Georgi Fiodorovich Alexandrov	142
-------------------------------------	-----

IN MEMORY OF A SCIENTIST

<u>Lydia Georgievna Novikova</u>	144
--	-----